

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

186

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

186

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1986

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

М. П. АБРАМОВА, В. Г. ПЕТРЕНКО

СТАТЬИ

Т. М. КУЗНЕЦОВА

О СЮЖЕТЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
НА ПЕРСТНЕ ЦАРЯ СКИЛА

В повествовании Геродота о походе Дария на скифов рассказывается о «дарах» скифов персидскому царю, преподнесенных в тот момент, когда войско завоевателей оказалось в затруднительном положении. Скифские цари послали Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел, предложив персам самим истолковать смысл столь необычных подарков. Дарий увидел в этих символах признание скифами его непобедимости; Гобрий трактовал их как предостережение и указание на непобедимость скифов (*Herod.*, IV, 131—134). Имея одни и те же факты, персы высказали, таким образом, два противоположных мнения.

Этот пример показывает, насколько трудна интерпретация тех или иных символов. Особенно сложны задачи подобного рода по отношению к народам, не оставившим собственной письменности. К их числу относятся и скифы, так как сведения о них лишь фрагментарно отражены в античных литературных источниках.

В связи с этим хотелось бы еще раз остановиться на предмете, который вошел в научный оборот как «перстень царя Скила»¹ и интересен тем, что содержит как эпиграфические данные, так и символическое изображение, сюжету которого, в отличие от надписей², не было уделено достаточного внимания.

Рассматриваемый перстень имеет две греческие надписи: на шинке и щитке. По мнению Ю. Г. Виноградова, надпись, сделанная на шинке, — «Вели быть при Арготе», — на 30—50 лет старше легенды «(собственность) Скила» на щитке. Исходя из этого, исследователь предположил, что перстень перешел к Скилу от Аргота, справедливо указывая, что последний должен был быть равным царю по происхождению³. На щитке перстня, помимо надписи, имеется изображение сидящей на троне фигуры, которая в правой руке держит зеркало, а в левой — предмет, напоминающий жезл (рис. 1, 1)*. Место находки перстня в Румынской Добрудже и датировка более поздней надписи на нем (вторая четверть V в. до н. э.)⁴ подтверждают как историчность Скила, так и достоверность сведений, дошедших до нас в передаче «отца истории» (*Herod.*, IV, 76—80).

Скил был царем скифов, сыном царя Ариапифа и истрианки. Он был воспитан по-эллински и не любил скифских обычаев. Приобщившись к таинствам Диониса, Скил принимал участие в мистериях, что и послужило поводом к его изложению⁵. Окончил свой жизненный путь Скил где-то на берегах Истра. В какой-то период своей жизни Скил и получил рассматриваемый перстень от некоего Аргота. Скил имел самую тесную связь с Ольвией, где находились его дом и жена и где он был посвящен в вакхические таинства.

* Автор выражает благодарность Ю. Г. Виноградову за любезно предоставленные им новые фотографии перстня царя Скила.

По мнению Ю. Г. Виноградова, перстень и ранняя надпись на нем скорее всего были сделаны в Ольвии на рубеже VI—V вв. до н. э., причем «ольвийский мастер, вырезая надпись на греческом языке, да еще и стихотворную, надеялся найти достойного адресата в лице Аргота»⁶.

Фигуру на перстне исследователи рассматривают обычно как изображение верховного женского божества скифов. Основанием для этого послужили встречающиеся в различных скифских курганах золотые бляшки с изображениями сидящей женщины с зеркалом в руке и стоящего перед ней молодого скифа с ритоном (рис. 1, 2). Однако на перстне, в отличие от бляшек, «партнер» божества отсутствует. Это объясняют либо тем, что «партнер» подразумевается в самом обладателе перстня⁷, либо стилистическими соображениями резчика — нехваткой места на щитке⁸. Д. С. Раевский, учитывая только один атрибут в руках божества — зеркало, видит в перстне своего рода обручальное кольцо, связывающее его носителя и само божество узами священного брака⁹. Ю. Г. Виноградов самым интересным считает здесь не зеркало, а второй предмет — жезл или скипетр. Сюжет изображения на щитке он рассматривает как сцену инвеституры, а сам перстень — как символ царской власти. Поэтому Аргот представляется автору неизвестным скифским царем, предком Скила¹⁰.

Изображения на перстне Скила и бляшках из скифских курганов различаются не только количеством фигур и предметов в руках божества, но и рядом других деталей — формой головного убора, видом платья и обуви, формой трона и т. п. Объединяются они только двумя элементами: и там и здесь изображены сидящие фигуры с зеркалом в руке. Учитывая, что элементов различия здесь больше, чем сходства, отождествление «богини с зеркалом» на бляшках с фигурой на перстне Скила следует признать преждевременным. При этом совершенно не исключено, что наличие зеркала на сравниваемых изображениях может свидетельствовать об их близости.

Образ божества с зеркалом в руках встречается у различных народов и трактуется исследователями по-разному. В данном случае, чтобы избежать наслоения гипотез, обратимся к письменным источникам, ограничив наш поиск областью иранской и греческой мифологии. Подобное ограничение обусловлено тем, что Скил, как мы знаем из сообщений Геродота, был скифом, получившим греческое воспитание, а Аргот, имевший, вероятно, иранское имя, был, видимо, человеком, тонко чувствовавшим греческий язык.

В письменных источниках не сохранилось упоминания о каких-либо жезвских божествах древнеиранского пантеона, атрибутом которых являлось зеркало¹¹. В древнегреческой религии зеркало связывается с культом только двух божеств — Деметры (*Paus.*, VIII, 2, 11) и Диониса¹². Для нас важно выяснить, с каким из этих божеств связаны имена, прочтенные на рассматриваемом перстне. О Деметре мы ничего сказать не можем, так как для этого нет никаких сведений. В то же время из «Истории» Геродота известно, что почитание Диониса имело место в жизни Скила, посвященного в таинства этого бога.

Среди археологических и эпиграфических находок, свидетельствующих о почитании Диониса в Ольвии¹³, есть зеркало, найденное в Ольвийском некрополе. Греческая надпись на нем датируется VI—V вв. до н. э. и указывает на существование культа Диониса в Ольвии раннего периода¹⁴.

Отсюда можно предположить, что если зеркало связано с культом Диониса, к которому имел отношение Скил, владелец интересующего нас перстня, то и рассматриваемое изображение на последнем может быть связано с культом этого божества. Однако интерпретация одного предмета на изображении еще недостаточна для определения всего сюжета. Поэтому продолжим наше исследование.

Одним из многочисленных Дионисов греческой мифологии был Дионис-Загрей, сын Зевса и Персефоны. Загрей — одна из архаических ипостасей Диониса. Согласно мифу, в молодости он воспитывался в доме своего отца Зевса, супруга которого Гера, ненавидя пасынка, всячески старалась от

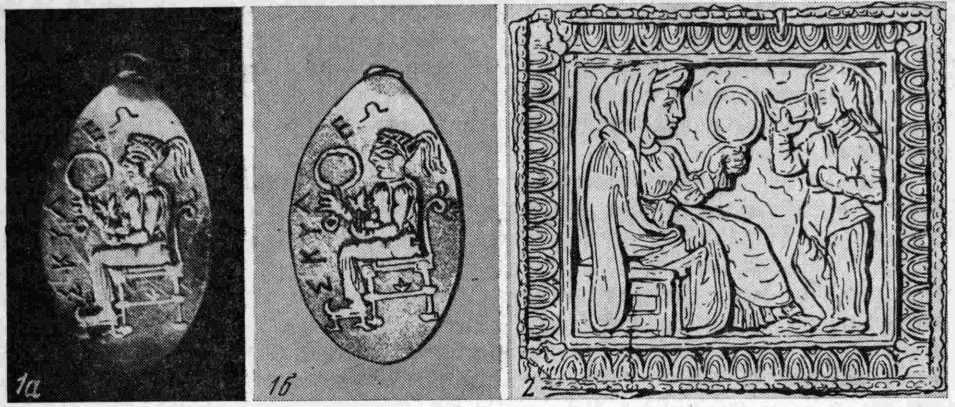

Рис. 1. Изображения на перстне (1а — фото; 1б — прорисовка) и на бляшке из кургана Чертомлык (2)

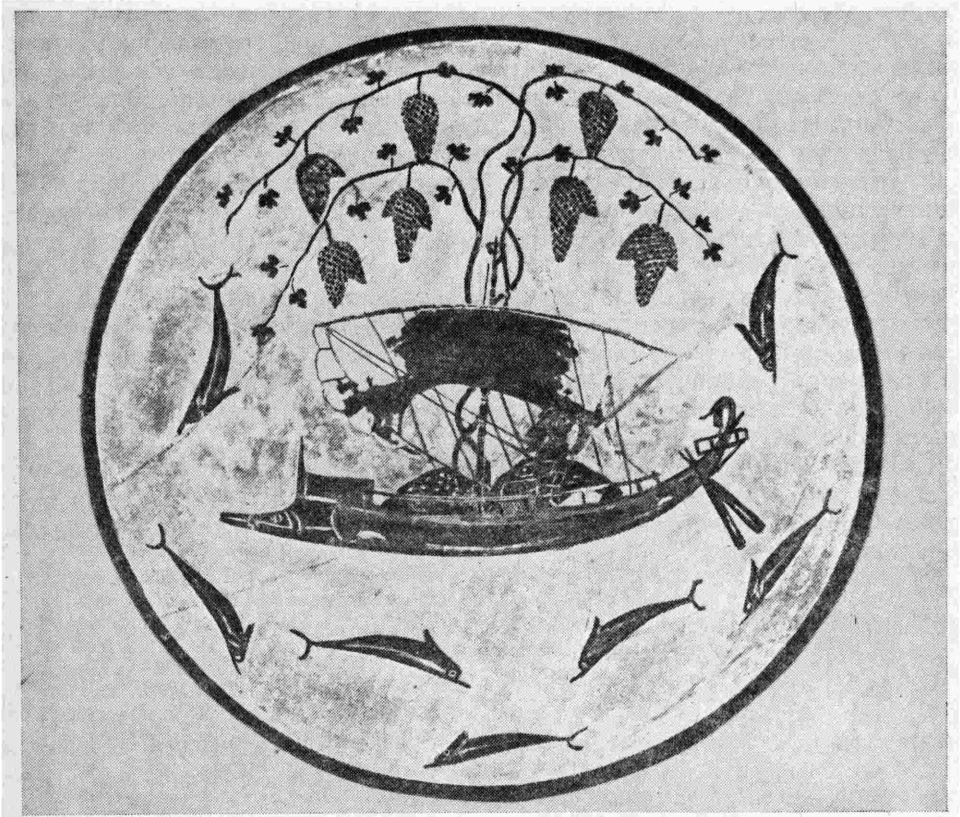

Рис. 2. Изображение Диониса в ладье на килике Эксекия

него избавиться. Выбрав момент, когда Зевс покинул дом, передав Дионису трон и жезл, Гера при помощи погремушек и зеркала так увлекла его, что он оставил трон, после чего был растерзан Титанами. Древнейшее упоминание о растерзании Диониса-Загрея Титанами относится к VI в. до н.э.¹⁵

Изображение на перстне Скила трудно безоговорочно отнести к женским божествам. По мнению В. Иванова, «религиозная идея Диониса-девы, женовидного... или мужеженского... Диониса в одежде женских обуславливает позднейший художественный тип бога-юноши с формами изнеженного, почти женского тела»¹⁶. Имея это в виду, мы вполне можем интерпретировать фигуру на перстне Скила как изображение юного Диониса пе-

ред его гибелью — сидящего на троне Зевса с «жезлом» в одной руке и зеркалом — в другой. Если учесть, что поклонники культа Диониса демонстрировали все, что он делал перед смертью, придавая особое значение предметам, которыми юный бог был обманут, и зеркалу в том числе¹⁷, предположение о воспроизведении этой сцены изобразительными приемами вполне оправдано.

«Жезл» в руке фигурки на перстне Скила имеет навершие в виде трилистника, который лучше всего идентифицируется с листом винограда. Подобное изображение виноградного листа мы видим на чернофигурном килике Эксекия (около 530 г. до н. э.) над изображением Диониса в ладье (рис. 2). Дионис считался земледельческим божеством, покровителем виноградарства и виноделия, богом умирающей и воскресающей растительности¹⁸. Форма навершия «жезла» может служить еще одним аргументом в пользу интерпретации фигуры на перстне Скила как изображения Диониса.

В данном случае неправомерно ставить вопрос, какой из предметов в руках божества наиболее важен — зеркало или «жезл». Если оба предмета присутствуют на рассматриваемом перстне, то оба они были, видимо, одинаково важны в руках изображаемого божества. Нет сомнения, что зеркало и «жезл» содержали определенную информацию, понятную современникам. Став атрибутами божества, они являлись одновременно и его метафорами (уточнениями)¹⁹, позволявшими посвященному правильно определить изображение. Зеркало как символ плодородия²⁰ в сочетании с листом винограда дает возможность видеть в изображенном бога Диониса.

Предлагаемая интерпретация характеризует как само изображение на щитке перстня, так и определенную связь между его сюжетом и Скилом. А это позволяет предположить, что Скил получил перстень при посвящении в таинства Диониса.

Кем же тогда был Аргот, если это не царственный предок Скила, но человек, по своему происхождению достойный скифского царя? Не исключено, что Аргот мог быть жрецом Диониса. Однако это имя пока неизвестно в Северном Причерноморье ни среди жрецов, ни среди царей²¹. Тем не менее, некоторые сведения, позволяющие сделать определенные предположения по этому поводу, все же имеются.

Среди ольвийских эпиграфических памятников обнаружены посвященные надписи²², из которых видно, что в Ольвии IV—III вв. до н. э. жречествовала семья, генеалогическая схема которой выглядит следующим образом:

Находки терракот в так называемом доме Агроты²⁴, а также текст посвященных надписей свидетельствуют, что жрецы этого дома имели определенное отношение к культу хтонических божеств. Судя по теофорному имени «Дионисий» в приводимой генеалогии ольвийских жрецов, члены этой семьи могли в более раннее время иметь отношение и к культу Диониса, так как у посвященного или жреца было право называться именем этого хтонического божества²⁵. Другое имя члена этого семейства — ῥότας — почти полностью совпадает по написанию с реконструируемым Ю. Г. Виноградовым именем на перстне Ῥρότας. Возможно, что в данном случае могла иметь место метатеза консонантов ἄρτο-<ἄτρο-, не отрицаемая и Ю. Г. Виноградовым²⁶. Отметим, что имя Агрота засвидетельствовано пока только для Ольвии²⁷.

Возможно, Аргот, имя которого мы читаем на перстне Скила, имел отношение к ольвийскому жреческому семейству, если видеть в нем не скифа, а милетянина²⁸. Причем два варианта этимологии его имени из древнеиранского «благословенный»²⁹ или «владеющий ценным знанием»³⁰ не только не противоречат предположению о жреческом сане этого лица, а усиливают его.

Отмеченный Геродотом брак Скила с «местной уроженкой» свидетельствует, что в Ольвии имелись семьи, достойные Скила по происхождению. О возможности участия членов знатных ольвийских семей в отправлении культа Диониса или причастности к нему пишет А. С. Русяева³¹.

Таким образом, Аргот, владелец золотого перстня, перешедшего впоследствии к скифскому царю, мог быть не только представителем знатного рода, связанным с культом Диониса, но и жрецом последнего. Не исключена возможность, что он мог быть и родственником Скила — отцом его жены, уроженки Ольвии. В этом случае вполне оправданы и посвящение Скила в таинства Диониса, и передача ему перстня.

Предложенная интерпретация сюжета изображения на перстне Скила не противоречит и первому варианту сделанной Ю. Г. Виноградовым грамматической реконструкции надписи на шинке, отвечая на вопрос, возникший у него в этой связи, — при ком должен пребывать Аргот³². Наиболее вероятный ответ на этот вопрос — очевидно, при боге, а не при перстне.

Трактовка изображения божества с зеркалом в руке на перстне Скила как юного Диониса никоим образом не должна распространяться на другие изображения с аналогичным атрибутом. Следует помнить, что привлечение аналогий по минимальному количеству элементов сходства часто является источником заблуждений: «умозаключающий может не обратить внимания на те свойства сравниваемых предметов, которыми они отличаются друг от друга»³³.

Хотелось бы заметить, что предложенное объяснение сюжета изображения на перстне Скила не является единственным и окончательным. Трудно различимые на фотографиях элементы изображения при работе с подлинником могут дать новый материал для исследования.

¹ *Canarache V. Monetele Scitilor din Dobrogea.* — In: *Studii și cercetări de istorie veche. București, 1950, I, p. 216, 217; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии: Загадки древних ариев. М., 1974; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.*

² *Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила.* — СА, 1980, № 3, с. 92—99.

³ Там же, с. 99, 100.

⁴ Там же, с. 94.

⁵ *Кузнецова Т. М. Анахарсис и Скил.* — КСИА, 1984, 178, с. 11—17.

⁶ *Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила.* с. 107, 108.

⁷ *Раевский Д. С. Очерки идеологии...*, с. 99.

⁸ *Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила.* с. 102.

⁹ *Раевский Д. С. Очерки идеологии...*, с. 99.

¹⁰ *Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила.* с. 106.

¹¹ *Музигдинов Х. Ю. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура.* — СЭ, 1973, № 5, с. 104.

¹² *Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957,* с. 172.

¹³ *Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского периода. Киев, 1979,* с. 73—91.

¹⁴ *Розанова Н. Ф. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии.* — В кн.: *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968,* с. 248—251.

¹⁵ *Лосев А. Ф. Античная мифология...*, с. 142—182.

¹⁶ *Иванов В. Религия Диониса.* — Вопросы жизни. СПб., 1905, № 6, с. 191.

¹⁷ *Русяева А. С. Земледельческие культы...*, с. 81.

¹⁸ *Мифы народов мира. М., 1980, т. 1,* с. 381; *Русяева А. С. Земледельческие культы...*, с. 91.

¹⁹ *Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978,* с. 48, 115.

²⁰ *Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983,* с. 102.

²¹ По имеющимся данным супруг париды Камасарии такого титула не носил. См. об этом: КВН, № 75.

²² *IOSPE, I², № 189, 201; II, № 27; Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968,* № 68, 70; *Белецкий А. А. Новые почитательные надписи Ольвии.* — В кн.: *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968,* с. 17—22.

²³ Имя Арот реконструируется исследователями как Аргот. См. об этом: *Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканско-*

- го полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 258.
- ²⁴ *Славин Л. М.* Здесь был город Ольвия. Киев, 1967, с. 142, 143.
- ²⁵ *Русяева А. С.* Земледельческие культуры..., с. 81.
- ²⁶ *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила, с. 97.
- ²⁷ *Белецкий А. А.* Новые посвященные надписи..., с. 19.
- ²⁸ Перстень и надпись тоже могли быть сделаны в Милете.
- ²⁹ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949, т. 1, с. 154.
- ³⁰ *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила, с. 97, 98, примеч. 31.
- ³¹ *Русяева А. С.* Земледельческие культуры..., с. 81.
- ³² *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила, с. 98.
- ³³ *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971, с. 372.

Е. В. ПЕРЕВОДЧИКОВА

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ВИДА ЖИВОТНОГО В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Как известно, животные в скифском зверином стиле показываются весьма условно, причем условность эта проявляется прежде всего в усиленном акцентировании основных признаков изображения¹. Такие признаки, как моделировка поверхности тела, форма глаза, лопатки и бедра, безразличны к виду изображаемого животного. В то же время оформление концов ног, ноздрей, пасти, уха, а также поза различных животных меняются, что позволяет выделять на изображениях этого стиля птиц, копытных и хищных зверей². Среди копытных по некоторым специфическим признакам различаются отдельные виды животных — олень, козла, лошади, кабана, барана, быка³. Изображения хищных зверей более однообразны. Для них характерны по существу одни и те же признаки: кольчатое или когтистое окончание ног, поза в виде свернувшегося в кольцо зверя или с согнутыми под прямым или тупым углом ногами, кольчатое или «лотосовидное» оформление пасти и ноздрей, специфическая форма уха, которое всегда изображается коротким, круглым, полукруглым, сердцевидным, реже — ромбовидным.

Тем не менее, в археологической литературе стало традицией конкретизировать вид хищников, изображенных на произведениях скифского звериного стиля, как барсов, пантер, волков, медведей и т. д.⁴

Проверить справедливость подобных интерпретаций можно, сопоставив, с одной стороны, признаки, характеризующие изображения хищников на произведениях скифского звериного стиля, а с другой — признаки, различающие виды хищных животных в природе. Среди таких признаков в данном случае наиболее показательными представляются форма головы (круглая у хищников кошачьей породы и длинная у волков и медведей), длина пасти (длинная пасть свойственна, например, волку), а также форма хвоста (длинный хвост с колечком-«кисточкой» на конце отличает хищников семейства кошачьих). В то же время мощные когти на концах лап на ряде изображений, трактуемые иногда как специфические для медведя⁵, скорее всего следует считать признаком, отличающим изображения хищников в образцах звериного стиля из восточных районов его распространения. Действительно, здесь известны изображения с таким признаком, которые никем и никогда не определялись как изображения медведей⁶.

Рассмотрим по указанным признакам серию ранних образцов скифского звериного стиля, не отмеченных чертами каких-либо контактов с иными изобразительными традициями. В литературе уже имеется подробный стилистический анализ таких вещей. Интересующие нас признаки, т. е. форма головы, оформление ноздрей и пасти, считаются традиционными для раннескифского искусства. Можно согласиться с мнением В. А. Ильинской, что «в основе этих изображений лежит строго канонизированный образ с определенными приемами стилизации: три кружка на одной линии, пере-

Рис. 1. Изображения хищников в раннескифском зверином стиле

1 — Темир-Гора; 2 — Кармир-Блур; 3 — Тлийский могильник; 4, 5 — Келермес; 6 — Чиликты; 7, 11 — Уйгарак; 8 — Три Брата; 9 — Дарьевна; 10 — Старшая Могила; 12 — Зивийе; 13 — Тагискен

дающие ухо, глаз и ноздри, открытый полуовал пасти»⁷. Форма головы хищного зверя в конечном счете и определяется этими деталями, выстроенными в линию. Это хорошо видно на фигурах зверей из Темир-Горы (рис. 1, 1), Кармир-Блура (рис. 1, 2)⁸, Тлийского могильника (рис. 1, 3)⁹, кургана 2 группы Три Брата под Элистой (рис. 1, 8)¹⁰: головы зверей на этих изображениях оформлены просто линией кружков, в результате чего естественно получают вытянутую форму. Близкая, хотя и не столь вытянутая, форма головы характеризует изображения хищников из Чиликтинского кургана (рис. 1, 6)¹¹ и кургана 33 могильника Уйгарак (рис. 1, 7)¹². У этих изображений дополнительный кружок отмечает щеку зверя, что немного расширяет его голову. На изображениях из Келермеса

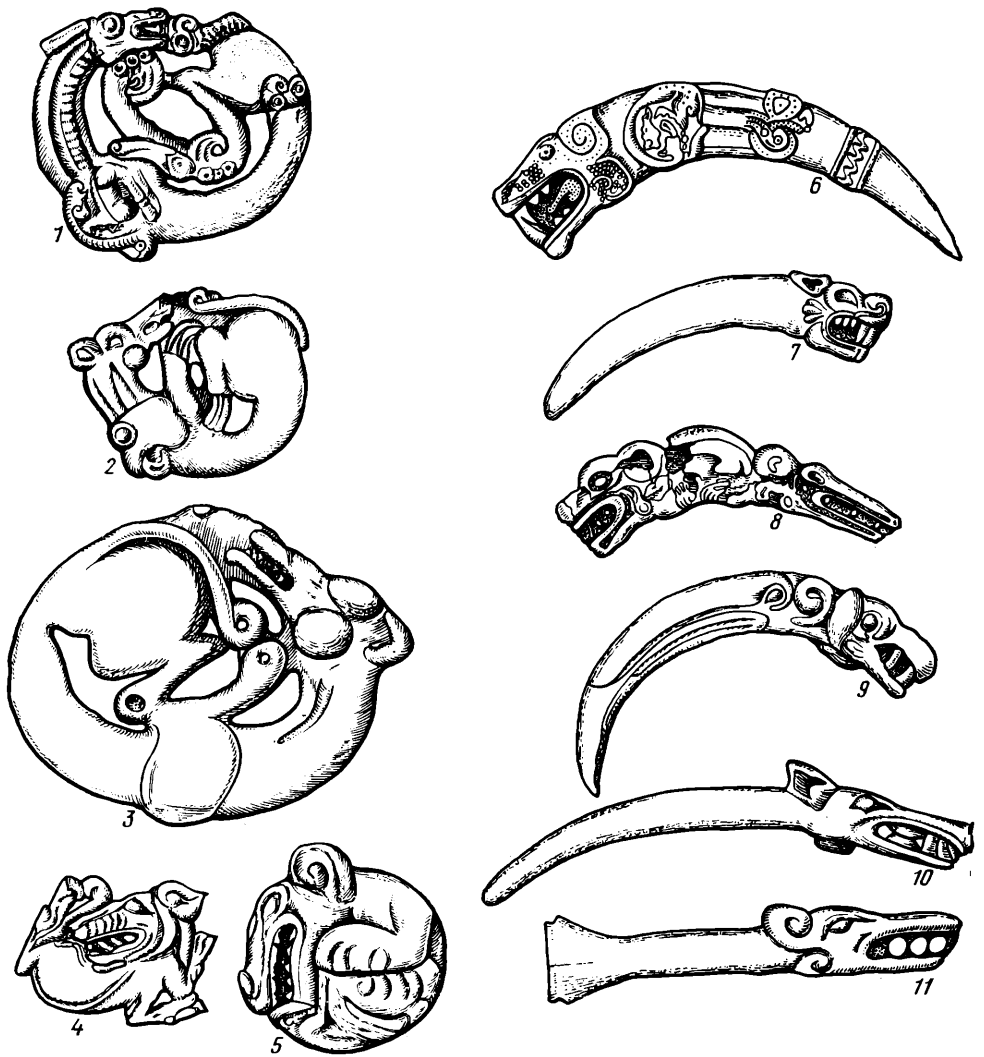

Рис. 2. Изображения хищников V—IV вв. до н. э.

1 — курган Кулаковского; 2 — Пьяновка; 3 — Иркутль; 4 — Пазырык; 5 — Иссык; 6 — Блюменфельд; 7 — Бережновка; 8 — Варна; 9 — Тузукта; 10, 11 — Пятимары

(рис. 1, 4, 5)¹³ посредством этого кружка голове придается округлая укороченная форма, что сообщает ей сходство с головой хищника семейства кошачьих. Поскольку, однако, эту группу изображений отличает от других лишь несколько более укороченная голова, встает вопрос, насколько этот признак был существен для древних при определении сюжета изображения. Иными словами, отвечает ли этим изображениям понятие о хищнике кошачьей породы, а изображениям с длинной головой — понятие о хищнике волчьем?

Положительному ответу на этот вопрос препятствует прежде всего наличие переходных вариантов, не дающих возможности четко отделить на изображениях короткие головы зверей от длинных. Дополнительные признаки, которые позволили бы разделить соответствующим образом рассматриваемые изображения, в данных случаях отсутствуют. Все эти изображения сходны по другим признакам. Независимо от формы головы их отличает длинный хвост с колечком на конце, свойственный и в природе кошачьим хищникам. Однако ни для одного из этих животных не характерна удлиненная форма головы — признак, принимаемый нередко за специфический для волка¹⁴. Такого же рода сопоставление можно провести

относительно изображений хищников с пастьми «лотосовидной» формы. Среди последних могут быть выделены и короткие (Дарьевка¹⁵ — рис. 1, 9; Старшая Могила¹⁶ — рис. 1, 10), и длинные (Зивийе¹⁷ — рис. 1, 12; Тагискен¹⁸ — рис. 1, 13), и переходные по длине (Уйгарак¹⁹ — рис. 1, 11). Изображение из Зивийе интересно сочетанием несомненно длинной пасти зверя со столь же определенными передне-восточными приемами стилизации²⁰, что делает малоубедительным противопоставление экзотического кошачьего хищника местному волчьему.

Все сказанное позволяет предположить, что изначально различие между хищниками разных семейств в скифском зверином стиле могло быть несущественным и не отражалось особыми признаками в произведениях искусства. Хищники вообще достаточно четко отличались от других животных. Возможно, имелось понятие хищника вообще, которое считалось достаточно важным и потому достойным материализации. Вероятно, такое понятие существовало и в более позднее время, о чем свидетельствуют некоторые произведения звериного стиля V—IV вв. до н. э. Так, изображения зверей из кургана Кулаковского в Крыму (рис. 2, 1)²¹, из курганов у с. Иркуль в Приуралье (рис. 2, 3) и у с. Пьяновка в Поволжье (рис. 2, 2)²², Исык в Казахстане (рис. 2, 5)²³, Пазырыкского 2 (рис. 2, 4)²⁴ имеют ярко выраженные длинные головы и пасти, характерные для волков, и в то же время длинный «кошачий» хвост с колечком на конце. Поскольку эти животные показаны в менее обобщенной манере, нежели ранние, такое сочетание признаков придает им сходство с изображениями синкретических существ, соединяющих в себе черты разных зверей. Но если для последних нет реального прототипа в природе, то рассматриваемым изображениям соответствует, вероятно, то же понятие «хищника вообще», которое в иной форме воплощалось в ранних произведениях звериного стиля. Основное отличие этих изображений от ранних состоит в способе воплощения понятия. Если в раннее время имелись средства изобразить абстрактное существо, не отмечая специфических черт того или иного хищного зверя, то позднее манера изображения изменилась, сделавшись более натуралистической, и конкретизация стала неизбежной. В этот период звериный стиль вступил в интенсивный контакт с греческим и персидским искусством, откуда заимствовал новые изобразительные средства, применяя их для материализации старых идей, одной из которых и было представление о хищном звере вообще. Сочетание признаков разных хищников в одном изображении является именно новым способом воплощения привычной идеи, не утратившей своей актуальности.

С этой точки зрения можно объяснить и изображения голов на кабаньих клыках и бронзовых подражаниях им в савроматском зверином стиле и произведениях искусства из некоторых других восточных областей. Резные клыки из курганов у сел Бережновка и Блюменфельд (рис. 2, 6, 7)²⁵ несут на себе явные следы ахеменидского влияния, при этом головы хищников здесь изображены короткими, «кошачьими». Клык из с. Варна²⁶, в изображении на котором персидское влияние не столь ощутимо (рис. 2, 8), снабжен головой менее четких пропорций. Головы же на бронзовых подражаниях клыкам (Туэкта²⁷ — рис. 2, 9; Пятимары²⁸ — рис. 2, 10, 11) или неопределенной формы, или же достаточно длинные, чтобы считаться волчьими. Такая передача голов хищников действительно была распространена в то время в зверином стиле восточных областей, но в свете изложенного можно усомниться, что за этими изображениями стоят представления именно о волке.

Другой вариант материализации понятия о хищнике вообще представлял изображения, на которых не столь четко прослеживается влияние других изобразительных традиций. Это, например, материалы из лесостепной полосы Восточной Европы²⁹. Изображения хищников из этих памятников не отличаются конкретными видовыми признаками, а представляют собой то же сочетание признаков просто хищного зверя, которое характерно для скифской архаики. Конкретные формы воплощения этих признаков здесь, естественно, иные.

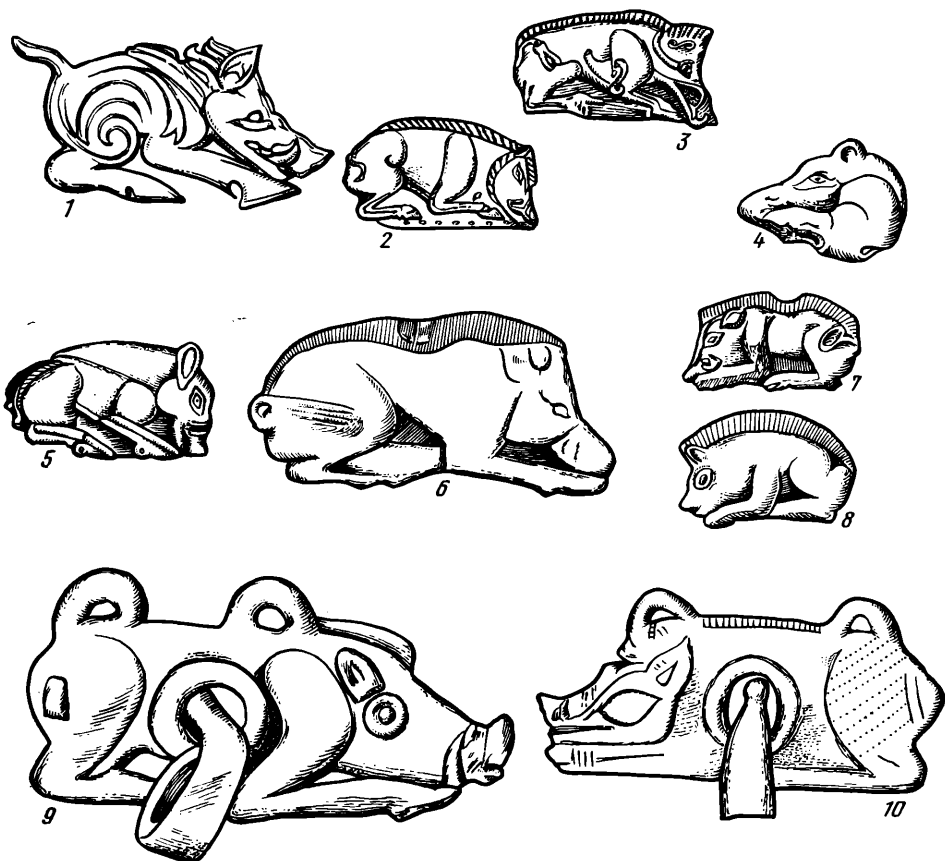

Рис. 3. Изображения кабанов в позе хищных зверей

1 — Башадаг; 2 — учхоз Самарский; 3 — Архангельская Слобода; 4 — Нурманбет II; 5 — храм Артемиды в Эфесе; 6 — Сарды; 7, 8 — Малая Азия (частные собрания); 9, 10 — Луристан (частные собрания)

Таким образом, понятие о хищнике вообще в скифском искусстве сохранялось без изменения, несмотря на различные влияния, воздействию которых это искусство подвергалось. Понятие хищника вообще входило, вероятно, в систему понятий, составляющих общую классификацию животного мира в представлениях древних и выраженных в изобразительной системе скифского звериного стиля. Параллельно в этой системе существовало и понятие копытного животного вообще, которое выражалось рядом общих признаков, отличавших изображения всех копытных животных.

Промежуточное положение между этими большими группами в сознании древних занимал, вероятно, кабан, будучи, с одной стороны, копытным животным, а с другой — опасным зверем. Об этом свидетельствуют и некоторые изображения кабанов. Так, на келермесской секире³⁰ тело изображенных здесь кабанов имеет такой же имитирующий шерсть орнамент, какой встречается и на изображениях хищников. У кабанов, правда, этот орнамент распространяется не на все туловище, а лишь на его переднюю часть. На торце рукояти секиры помещены фигурки кабанов с подогнутыми ногами — поза, характеризующая хищников и на этой стадии развития скифского звериного стиля. В произведениях развитого звериного стиля наряду с фигурками кабанов с подогнутыми ногами, что характерно и для изображения других копытных, встречаются изображения их в позе, традиционной для хищных зверей. Кабаны с согнутыми под прямым углом ногами изображены на резной колоде из Башадагского

кургана (рис. 3, 1)³¹, на выступе золотой обкладки ножен меча из кургана на Днепропетровщине (рис. 3, 2)³², на бляшках из кургана у с. Архангельская Слобода в Херсонской обл. (рис. 3, 3)³³. Протома кабана с согнутой передней ногой найдена в могильнике Нурманбет II в Казахстане (рис. 3, 4). Уздечные бляхи-распределители ремней с изображениями кабанов в такой позе найдены в храме Артемиды в Эфесе (рис. 3, 5), в акрополе Сард (рис. 3, 6)³⁴ и в других местах Малой Азии (рис. 3, 7, 8)³⁵. Кабаны с согнутыми под прямым углом ногами помещены на щитках луристанских псалив (рис. 3, 9, 10)³⁶. Приведенные примеры свидетельствуют, что кабан мог занимать промежуточное место в древней классификации животного мира.

Изложенное выше представляет собой лишь небольшое уточнение принципов изобразительной системы скифского звериного стиля. При изучении этого стиля следует обращать внимание не только на отдельные признаки изображений, но и на их связь между собой, которая является своего рода отражением представлений древних об окружающем их животном мире.

¹ *Rostovtzeff M.* The animal style in South Russia and China. Princeton, 1929, p. 28, 29.

² *Переводчикова Е. В.* Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля.— В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979; *Она же.* Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

³ Здесь и далее термин «вид» не вполне совпадает с соответствующим термином из современной зоологической классификации. Он обозначает скорее определенную классификационную группу в сознании древних.

⁴ Исключение составляет одна из статей В. А. Ильинской, где предлагается не делать различия между разными хищниками семейства кошачьих, поскольку это было несущественно для создателей произведений скифского звериного стиля. См.: *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, с. 76, 77.

⁵ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 226, 227.

⁶ См., например: *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980, с. 28, рис. 15, 4.

⁷ *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника..., с. 70.

⁸ *Ильинская В. А. Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983, рис. на с. 35.

⁹ *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). М., 1980, с. 75, рис. 22, 1.

¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 297, рис. 5, 2б.

¹¹ *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М., 1965, с. 3, табл. XVI, 1.

¹² *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—VI вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973, с. 141, табл. IX, 16.

¹³ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград,

1966, табл. 35; *Borovka G.* Scythian art. London, 1928, pl. 32B.

¹⁴ Никто из исследователей не ставил вопроса о том, что рассмотренные фигуры изображают волков. Так, например, хищника из Темир-Горы исследователи относят к кошачьим. См.: *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника..., с. 72, 73; *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии.— СА, 1969, № 1, с. 32.

¹⁵ *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1894, т. II, с. 132, рис. 13.

¹⁶ *Ильинська В. А.* Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії.— В кн.: Археологія. Київ, 1951, V, с. 196—212, табл. III, 7.

¹⁷ *Godard A.* L'art de l'Iran. Paris, 1962, fig. 149.

¹⁸ *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена).— СА, 1966, № 2, с. 167, рис. 16.

¹⁹ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен..., с. 141, табл. IX, 3.

²⁰ *Сорокин С. С.* Свернувшийся зверь на Зивийе.— СГЭ, 1972, вып. 34, с. 75, 76.

²¹ *Borovka G.* Scythian art, p. 113. Похожая бляха происходит из недавних раскопок на р. Ингул. См.: *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка.— В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев, 1978, с. 67, рис. 36, 16.

Серия близких вещей приводит в своей работе А. И. Шкурко. См.: *Шкурко А. И.* Об изображении..., с. 37.

²² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, рис. 79, 1; 80, 2.

²³ *Акишев К. А.* Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 107, рис. 26.

²⁴ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, с. 279, рис. 143, б.

²⁵ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 370, рис. 78, 5, б.

²⁶ Там же, с. 330, рис. 36, 2в.

- ²⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, 9, с. 171, табл. XXVIII, 11.
- ²⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 79, 2, 3.
- ²⁹ Сводку таких изображений см.: Шкурко А. И. Об изображениях...
- ³⁰ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов..., табл. 11.
- ³¹ Руденко С. И. Культура..., с. 51, рис. 27, а.
- ³² Ковалева И. Ф. Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы ухоча за Самарский.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тысячелетия до н. э.). Днепропетровск, 1978, рис. 2, 2.
- ³³ Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, табл. 37.
- ³⁴ Hanfman G. M. A. The third campaign at Sardis.— BASOR, 1961, N 162, p. 41, fig. 24.
- ³⁵ Hansen D. P. An archaic bronze boar from Sardis.— BASOR, 1962, N 168, p. 29, fig. 2.
- ³⁶ SPA, 1938, IV, pl. 31A; Ackerman P. The Luristan bronzes. N. Y., 1940, p. 9, fig. B.

С. А. ЯЦЕНКО

ДИАДЕМЫ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

До настоящего времени отсутствуют специальные работы, посвященные сарматским и позднескифским диадемам. Цель статьи — выделение их в курганных погребальных комплексах, реконструкция первоначального вида, определение системы декора, времени бытования различных видов и функций этих украшений. Некоторые из диадем опубликованы (курган Хохлач в г. Новочеркасск; погребение у с. Криничное в Одесской обл.; находка у оз. Батыр на Мангышлаке) ¹, другие до сих пор не описаны детально и не реконструированы.

Диадемой (венцом) принято называть полосу ткани, кожи или войлока, иногда сужающуюся к концам и скрепленную у темени. В лобной части на ней крепятся разнообразные украшения, иногда это просто тканый узор. В ряде случаев венечная полоса изготавливается из драгоценных металлов, имитируя форму и систему украшений диадем с органической основой. Часто края орнаментального пояса завершаются височными подвесками. Диадемы не сопровождаются головным убором, являясь самостоятельным элементом костюма. Так, металлические пластины, крепившиеся в числе других украшений к лобной части парадных скифских головных уборов, безусловно, не являются диадемами. Как элемент парадного костюма диадемы служат важным источником, отражающим социальную историю, религиозные представления и эстетические нормы различных племенных групп.

Ниже приведены краткие описания начальных украшений степной Сарматии, относящихся к категории диадем.

1. УССР, Николаевская обл., Николаевский р-н, с. Ковалевка, курганная группа 8, курган 1 (Соколова Могила), погребение 3. Раскопки Г. Т. Ковпаненко в 1974 г. ² Женщина 50—55 лет, череп раздавлен упавшим перекрытием. Остатки начального украшения сохранились внутри черепа, у темени и у правой височной кости в виде беспорядочно разбросанных бус и подвесок, (рис. 1, 1), среди которых 43 бусины из халцедона различных видов, янтаря, стекла и др.; амулет в виде лягушки с прижатыми к телу конечностями длиной 2,3 см, являвшийся, очевидно композиционным центром; две конусовидные спиральные подвески длиной 2,8—2,9 см, крепившиеся у висков с помощью петелек. Три последних украшения изготовлены из минералов группы халцедона. В ушах покойной были золотые серьги. По наблюдениям автора раскопок низка бус располагалась дугообразно от виска к виску, по краям ее висели две конические подвески. Общая длина украшения 22,5 см. Датировка — I в. н. э.

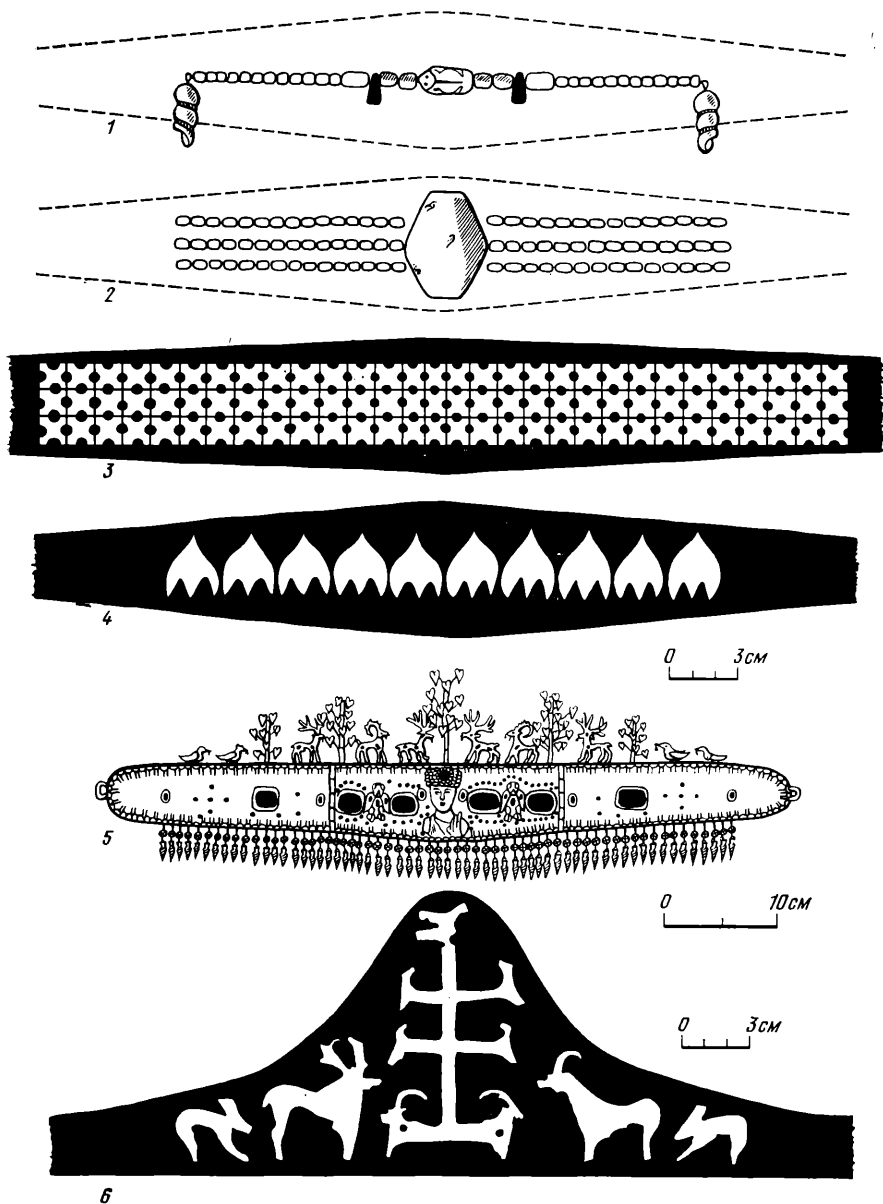

Рис. 1. Реконструкции диадем

1 — Соколова Могила; 2 — Танаис, курган 22, погребение 4; 3 — Криничное; 4 — Заветное, могила 65; 5 — Хохлач; 6 — Усть-Лабинская, курган 46

2. Ростовская обл., Новочеркасск, курган Хохлач. Разрушен при прокладке водопровода в 1864 г. Погребение знатной женщины ограблено. Золотая диадема находилась в одной из четырех «куч» вещей в насыпи кургана, у верхнего края могильной ямы (ГЭ, инв. № 2213/2; рис. 1, 5)³. Длина 61 см, максимальная ширина 6,8 см, вес 625,4 г. Диадема состоит из трех примерно равных по длине частей — пластин, соединяющихся шарнирами. Венечная полоса имеет на концах две небольшие петли для скрепления. Часть украшений правой стороны диадемы, видимо, утрачена в древности⁴. По верхнему внутреннему краю венечной полосы припаяны полые трубочки, в которые вставлялись золотые фигурки. В центре венечного фриза укреплено крупное «дерево», по сторонам которого стоят олени и горные козлы. Далее по направлению к концам диадемы симметрично располагались парные композиции: стоящие перед «деревьями»,

меньшими, чем центральное, олень и пара птиц. Сама вечная полоса украшена женской головкой из аметистового кварца, выполненной в стиле эпохи эллинизма (использована вторично)⁵. По сторонам ее крепились фигурки орлов и вставки из граната и зеленого стекла, контуры которых обрамлены жемчугом, как и края венца. Фигурки козлов, оленей и орлов инкрустированы бирюзой. Нижний край диадемы украшен рядом амфоровидных подвесок. До недавнего времени общепринятой датой погребения считался I в. н. э.; Б. А. Раев датирует его второй четвертью II в. н. э.⁶

3. Краснодарский край, ст. Усть-Лабинская, курган 46. Раскопки Н. И. Веселовского в 1902 г. Ограбленное женское погребение I в. н. э. Украшение, по-видимому, представляло собой ряд фигурных бронзовых пластинок, покрытых золотым листком и нашитых на органическую основу. Сохранились четыре пластины⁷. На украшении была изображена близкая хохляцкой мифологической сцена; связанная с концепцией «мирового древа». Первоначальную композицию мы реконструируем так: в центре крепилась пластина в виде «мирового древа» с сидящими птицами (высота 11,7 см); по сторонам ее располагались более мелкие фигурки козла и оленя, по краям крепились фигурки «зайцев». Первоначально крупные пластины были, по-видимому, слегка изогнуты (рис. 1, 6).

4. Ростовская обл., Верхнедонской р-н, могильник к северо-востоку от хут. Батальщиков (Мигулинский клад). Известна лишь по несколько преувеличенным свидетельствам очевидцев⁸. Диадема происходила из разрушенного богатого погребения, обнаруженного случайно в июне 1864 г. Она была изготовлена из толстого листа высокопробного золота, расширяющегося к центру (наибольшая ширина около 4,5 см). Края, покрытые «мелким орнаментом», имели полукруглые выступы, причем более крупные располагались по нижнему краю. На каждом из нижних выступов были размещены изображения «купидонов», а между ними на коротких золотых цепочках висели крупные подвески со вставками из «разноцветных камней». Дата погребения — I—II вв.⁹

5. УССР, Крымская обл., Бахчисарайский р-н, могильник у с. Заветное, могила 65. Раскопки Н. А. Богдановой в 1955 г. Погребена взрослая женщина. Череп повернут вправо. На нем лежали в один ряд десять пластинок золотой фольги длиной 3 см и шириной 2,5 см, имитирующих листья апия (сельдерея), четыре из них сохранились *in situ*. Они были нашиты на основу почти без промежутков, зубцами вниз (рис. 1, 4)¹⁰. Длина венца около 27 см. Таким образом, украшение размещалось целиком между висками. Пластины крепились на основу с помощью согнутого пополам тонкого «черенка». Датировка погребений — I — начало II в.¹¹

6. Там же, могила 195. Раскопки Н. А. Богдановой в 1961 г. Погребение взрослой женщины с богатым инвентарем. На черепе найдены остатки начального украшения, аналогичного предыдущему¹². Судя по чертежу, пластинки на этой диадеме крепились зубцами вверх. К украшению, видимо, были пришиты две треугольные золотые бляшки с оттиснутым изображением амфорок, а по нижнему краю крепились три золотые каплевидные подвески с сердоликовыми и стеклянной вставками.

7. Казахская ССР, Мангышлакская обл., оз. Батыр. Разрушенное погребение в пещере. Случайная находка 1915 г. Диадема представляет собой сужающуюся к концам полосу холста, на которую нашта шелковая ткань малинового цвета. Длина 40 см, ширина 4,5 см. Ткань украшена тремя параллельными рядами золотых полусферических бляшек. К. М. Скалон датировала погребение III в. н. э.¹³

8. УССР, Одесская обл., Белгород-Днестровский р-н, курган у с. Криничное. Погребение (6) молодой женщины. Раскопки Г. Б. Федорова в 1967 г.¹⁴ На черепе лежали остатки диадемы в виде перламутровых «крестиков» без отверстий (размеры около 1,2 см): 61 целый и около 30 — в обломках (рис. 1, 3). Они «нашивались или наклеивались на матерчатую или кожаную основу диадемы». Принцип размещения украшений не указан. Датировка по Г. Б. Федорову — III в. н. э. Простой подсчет количества

«крестиков» (около 90), среднего расстояния между висками взрослого человека (около 30 см) и ширины венечной полосы известных диадем (до 6 см) позволяет заключить, что описанные украшения плотно располагались на диадеме в три ряда.

9. Ростовская обл., Мясниковский р-н, хут. Недвиговка, некрополь Танаиса, курган 22. Погребение (4) девушки-подростка¹⁵. Раскопки В. В. Чалого в 1977 г. Судя по чертежу, на черепе лежали три параллельные низки бус; под черепом их нет. К сожалению, бусы диадемы и ожерелья описаны вместе, хотя в погребении они не были смешаны. Бусы голубые и «светлые стеклянные». У черепа находилась также крупная

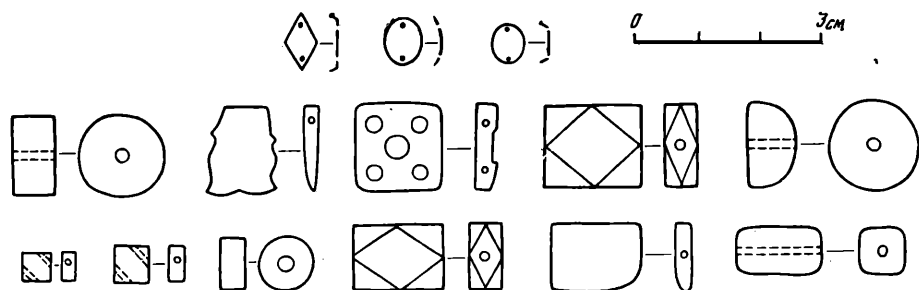

Рис. 2. Типы украшений диадемы из кургана 16 у с. Усатово (по И. В. Сянищину)

плоская подвеска длиной 4,7 см и шириной в сечении 1,1 см, изготовленная из необработанной янтарной гальки. Она имеет ромбовидную форму с двумя отверстиями, небрежно просверленными через углы. Судя по положению в погребении, она являлась композиционным ядром диадемы и сместилась с черепа в процессе гниения органической основы украшения (рис. 1, 2). Единственным датирующим предметом в погребении является провинциальная фибула со щитком в виде фигурки зайца, украшенной разноцветной эмалью. Она датирует комплекс II—III вв.¹⁶

10. Саратовская обл., с. Усатово, курган F16. Раскопки П. Д. Рау в 1928 г.¹⁷ Похоронена женщина 30—40 лет. Череп распался. Вокруг него лежали «многочисленные бусы из розового коралла, золоченого стекла, янтара, перламутра, кости, кварца, пирита и золота» различных форм, а также золотые нашивные бляшки трех типов (рис. 2). Они пришивались к основе на льняной нитке, фрагмент которой сохранился в одной из золотых бусин. Череп завалился на правый бок. Вместе с остатками сгнившей основы нашитые на ней бусы расположились двумя дугами справа и слева от черепа. У затылка они отсутствовали: очевидно, украшение располагалось между висками. Судя по чертежу, крупные бусы были нашиты в основном в верхнем ряду. Сзади повязку скрепляла, очевидно, небольшая арбалетовидная фибула, лежавшая у темени. Количество украшений не указано. Находки не комментированы. Датировка погребения — первая половина III в. н. э.¹⁸

Любая реконструкция древнего костюма в некоторых деталях спорна и допускает несколько вариантов. Поэтому возникает вопрос, не могли ли описанные украшения относиться не к венцам-диадемам, а к головным уборам, например башлыкам? Ответ на этот вопрос должен быть, по-видимому, отрицательным. Действительно, головные уборы сарматского времени имеют одну любопытную особенность. Хотя находки их остатков в погребениях не столь уж редки, даже в самых богатых комплексах на черепе покойного мы в огромном большинстве случаев не встречаем никаких украшений. Остальные элементы костюма декорированы при этом достаточно богато и разнообразно.

Для представленных в статье реконструкций формы органической основы используются бесспорные находки диадем (оз. Батыр, Хохлач). Расположение украшений, общая конфигурация и размеры орнаменталь-

ного пояса (длина полосы до 30 см, ширина — около 5 см, по краям — подвески и т. д.) вполне соответствуют диадемам, известным по данным этнографии. В рассматриваемый период венцы были распространены не только на сарматской, но и на многих соседних территориях. Поэтому нет оснований не соглашаться с мнением, высказанным еще в процессе раскопок, что начельные украшения из погребений Заветнинского могильника и могильника у с. Криничное были диадемами.

Все диадемы происходят из женских погребений. В комплексах, известных лишь по набору погребального инвентаря, это убедительно доказывают находки туалетных сосудов, пряслиц, браслетов и др. Женские диадемы известны у сарматских племен Северного Причерноморья с I в. н. э.; видимо, самая ранняя из них обнаружена в Соколовой Могиле.

В трех случаях, когда основа украшений сохранилась удовлетворительно, она представляла собой сужающиеся к концам полосы шириной от 4,5 (оз. Батыр) до 6,8 (Хохлач) см. Основа в батырском погребении была изготовлена из плотного холста.

По системе декора и ряду других особенностей среди описанных украшений можно выделить две хронологические группы.

Диадемы I и I—II вв. н. э. отличаются ценностью материала, символическими изображениями животных, однорядным расположением основных украшений и прикрепленными к диадемам лобными или височными подвесками. На золотом венце из Хохлача жемчужины-бисерины, прикрепленные к корпусу, обрамляют контуры рельефных украшений. Бисерная обшивка вообще характерна для различных элементов костюма того времени. Комплекс найденных предметов позволил охарактеризовать погребения Хохлача и Соколовой Могилы как жреческие¹⁹. Найденным здесь диадемам синхронна и близка по многим признакам диадема из ст. Усть-Лабинская. Основной функцией этих украшений была, по-видимому, обрядовая. Известен точный возраст только одной из погребенных: жрица из Соколовой Могилы умерла в возрасте 50—55 лет. Позднескифские диадемы Заветнинского некрополя декорированы однорядно расположенными золотыми «листочками». Если в некрополях античных городов Северного Причерноморья они имитируют вполне реальный венок из веток апия, то заветнинские диадемы представляют собой сплошной ряд «листочков», прикрепленных черенком вверх (могила 55) или вниз (могила 195). Характерно, что эти диадемы относятся к первому периоду существования могильника, когда греко-римское влияние было минимальным.

Диадемы второй группы относятся ко II—III и III в. н. э. и отличаются расположением украшений (бисера, бус, бляшек) тремя параллельными рядами. Социальный статус погребенных этой группы был, несомненно, выше, чем у рядовых общинников. В одних могильных комплексах найдено по нескольку предметов из драгоценных металлов (Усатово, Танаис), в других (Криничное) инвентарь отличается от рядового по иным признакам — огромному количеству бус, украшавших обувь. Резко выделяется богатством инвентаря погребение у оз. Батыр. Возраст погребенных различен: девушка-подросток (Танаис), «молодая женщина» (Криничное), женщина 30—40 лет (Усатово). Видимо, диадемам сарматской эпохи были присущи сословная и эстетическая, а в I—II вв. — также и обрядовая функции. Некоторые факты позволяют предположить, что диадемы носили по достижении совершеннолетия и они были знаком принадлежности к определенной социальной группе.

Редкость находок диадем объясняется ограблением большинства богатых погребений и хрупкостью самих украшений. Не все диадемы найдены непосредственно на черепе погребенных. Венец из Хохлача был обнаружен в насыпи кургана вместе с набором украшений женского костюма.

Принято считать, что бусы, обшивавшие туземный костюм, всегда отличались небольшими размерами²⁰. Некоторые диадемы (Соколова Могила, Усатово) являются исключением из этого правила. Диадемы III в. н. э. из восточных районов (Батыр, Усатово) украшены металлическими

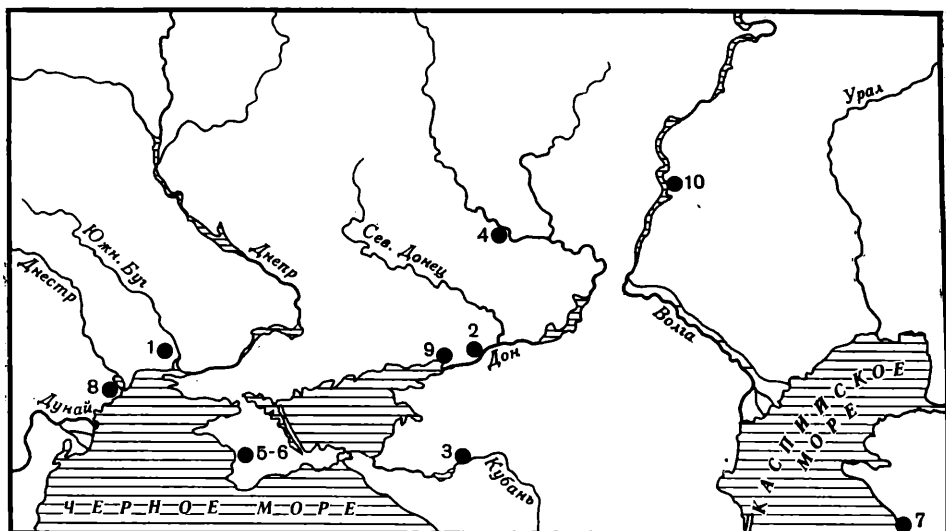

Рис. 3. Пункты находок сарматских и позднескифских диадем в Северном Причерноморье

1 — Соколова Могила; 2 — Хохлач; 3 — Усть-Лабиянская; 4 — Батальщиков; 5, 6 — Заветное; 7 — Батыр; 8 — Криничное; 9 — Танаис; 10 — Усатово

нашивными бляшками, что роднит их со среднеазиатскими начельными украшениями первых веков нашей эры²¹.

Диадема из Хохлача так же, как скифские из Келермеса, Литого кургана и некоторые венцы среднеазиатской кочевой знати²², несомненно, изготовлена в городских центрах опытных ювелирами²³. Подобные диадемы не стали объектом массового, серийного производства.

Картографирование находок диадем позволяет заключить, что в Северном Причерноморье они тяготеют к античным городским центрам — Тире, Ольвии, Херсонесу, Танаису (рис. 3). Было ли появление этих украшений вызвано воздействием античной культуры? Для положительного ответа на этот вопрос пока нет веских оснований. Можно лишь говорить о расположении вблизи античных городов ставок сарматской племенной аристократии, заинтересованной в торговом обмене и получении дани.

Мужские диадемы являлись знаками отличия высшей аристократии и племенных вождей. Это определенно сообщает нам Зинобий относительно сираков: золотая диадема венчала голову вновь избранного вождя. По данным Страбона диадемы надевали в сражениях и знатные саки. Скифские диадемы VI в. до н. э. обнаружены пока только в мужских погребениях. Венцы, известные у киммерийцев, также, видимо, носили только мужчины²⁴. К. Ф. Смирнов, основываясь на письменных источниках, охарактеризовал сарматские диадемы как «знаки отличия местной знати», подразумеваемая при этом мужчин²⁵. Но подобная характеристика убедительна лишь для сираков.

Важным представляется вопрос о преемственности в оформлении диадем III в. н. э. и аналогичных украшений гуннской эпохи. В рассматриваемые периоды диадемы носили, по-видимому, только женщины. «Гуннские» диадемы вставками из камня и стекла, расположенными в один ряд или в три-четыре параллельных ряда, возможно, имитируют бусинную обшивку. Но на этом сходство кончается. Материал и техника исполнения роднят диадемы гуннской эпохи между собой, а каждая диадема I—III вв. уникальна. Важнейшие элементы декоративного оформления диадем гуннской эпохи (орнаментальные мотивы, цветное решение, грибовидные завершения венечного фриза и т. д.)²⁶ для предыдущего периода не характерны.

Итак, непосредственная, четкая преемственность в оформлении диадем III и IV—V вв. не прослеживается, что и понятно, поскольку северо-причерноморские диадемы IV—V вв. принадлежат гуннскому этносу.

- ¹ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, т. III, с. 133—135, рис. 152; 153; Федоров Г. Б. Позднесарматский могильник у с. Криничное.— МИА, 1969, 169, с. 250, 251, рис. 2, 7; Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время.— АСГЭ, 1961, вып. 2, с. 120, 125, рис. 4, 3.
- ² Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение в Соколовой Могиле.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980; Она же. Отчет о работе Южнобутской (Очаковской) экспедиции ИА АН УССР в 1974 г. Архив ИА АН УССР, № 1974/11. Благодарю Г. Т. Ковпаненко за разрешение использовать частично неопубликованный материал.
- ³ ОАК за 1864 г., с. XX.
- ⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить И. П. Засецкую за возможность ознакомиться с фотографиями и рисунками отдельных частей диадемы.
- ⁵ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 14.
- ⁶ Раев Б. А. Металлические сосуды из кургана «Хохлач» (материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье).— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 92.
- ⁷ Веселовский Н. И. Отчет о раскопках в Кубанской области в 1902 г. Архив ЛОИА, ф. 1, № 93, с. 157; Засецкая И. П. Золотые украшения..., с. 17, рис. 3. Украшение впервые определено как диадема Т. В. Мирошиной.
- ⁸ Амфилозий. Находка древностей в юрту станицы Мигулинской на Дону.— В кн.: Древности. М., 1865, т. I, с. 198.
- ⁹ Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 199.
- ¹⁰ Богданова Н. А. Отчет о работах археологической экспедиции Бахчисарайского историко-археологического музея на могильнике I—III вв. н. э. в районе с. Заветное Бахчисарайского р-на. Архив ИА АН УССР, 1955/25, № 2432, с. 16—18, 75.
- ¹¹ Богданова Н. А. Религиозные представления сельского населения позднескифского государства в Крыму (по материалам могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980, с. 5.
- ¹² Богданова Н. А., Гущина И. И. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Крыму в 1960—1961 гг.— СА, 1964, № 1, с. 328, 330, рис. 3, 1—8; Богданова Н. А. Отчет об археологических раскопках 1961 г. могильников в районе с. Заветное Бахчисарайского р-на и у с. Красный Мак (Бельбек III) Куйбышевского р-на. Архив ИА АН УССР, 1961/45, № 3799, с. 13, рис. 36; 37. Приношу благодарность Н. А. Богдановой за разрешение использовать неопубликованный материал.
- ¹³ Скалон К. М. О культурных связях..., с. 120, 125, рис. 4, 3.
- ¹⁴ Федоров Г. Б. Позднесарматский могильник..., с. 250, 251, рис. 2, 7.
- ¹⁵ Чалый В. В. Отчет об археологических раскопках курганного некрополя Танаиса в 1977 г. Архив ИА, р-1, № 6603, с. 21—23, альбом, рис. 44. Благодарю В. В. Чалого, предоставившего мне возможность использовать неопубликованный материал.
- ¹⁶ Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 34, 41, 42.
- ¹⁷ Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, с. 51—54, рис. 26; 28, 6, 8—15, 19—21.
- ¹⁸ Бертин И. П. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье.— АСГЭ, 1940, вып. 5, с. 148.
- ¹⁹ Раев Б. А. Металлические сосуды..., с. 93; Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение..., с. 183.
- ²⁰ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 1.— САИ, 1975, вып. Г1-12, с. 10.
- ²¹ Литвинский Б. А. Украшения могильников западной Ферганы. М., 1973, с. 54, 56; Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1966, 136, с. 127, 128; Он же. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии.— В кн.: Тр. ТАЭ. Л., 1975, т. VII, с. 68, 118.
- ²² Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966, рис. 4, табл. 25—28; Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке.— КСИИМК, 1940, V, с. 25.
- ²³ Блаватский В. Д. Пантикапей: Очерк истории столицы Восточного Боспора. М., 1964, с. 189.
- ²⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 165.
- ²⁵ Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 216.
- ²⁶ Засецкая И. П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА, 1978, № 1, с. 68, табл. 1; 2.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА СУЛТАН-ГОРА III

Технологическое изучение кузнечной продукции из различных центров обработки черного металла эпохи железа позволяет раскрыть многие стороны становления и развития этого важнейшего производства древности. В настоящее время благодаря массовым металлографическим исследованиям известны сравнительные характеристики кузнечного ремесла Скифии¹, некоторых племен Закавказья² и Центрального Кавказа³. Досадным пробелом в этом отношении являются области Северного Кавказа. В литературе имеется упоминание лишь о четырех изделиях, подвергнутых металлографическому анализу, из разных северокавказских памятников. Это два топора из могильника Верхняя Рутха (VIII—VII вв. до н. э.), топор из Нестеровского могильника (VI—V вв. до н. э.) и серп из поселения Сержень-Юрт⁴. Топоры были изготовлены из железа, поверхность их подверглась цементации (науглероживанию), отверстия (проухи) были пробиты. Конструкция серпа оказалась более сложной: лезвие его изготовлено из высокоуглеродистой стали и наварено на мягкую основу из малоуглеродистой стали.

Могильник Султан-Гора III расположен в окрестностях Кисловодска и датируется второй половиной VI в. до н. э.⁵ Железные изделия, происходящие из этого памятника и подвергнутые металлографическому анализу в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР, немногочисленны, однако представлены ведущими формами оружия и орудий труда. Это акинак (могила 6), боевой топор-секира (могила 6), нож (могила 1), удила (могила 5). Все предметы происходят из нескольких могил, заключенных в одну прямоугольную ограду из каменных плит. Сохранность их не вполне удовлетворительна, что ограничивает возможность отбора проб для микроскопического исследования. Образцы были взяты с рабочей части изделий (рис.).

Акинак (ан. 2311) длиной 40 см имеет обоюдоострый клинок со слабо выраженным ребром жесткости, почковидное перекрестие и брусковидное навершие. На рукояти с двух сторон — продольный желобок. Рукоять составляет одно целое с клинком. Перекрестие изготовлено из фигурной заготовки, согнутой пополам, и закреплено в месте перехода клинка в рукоять с помощью кузнечной сварки. Заготовкой для навершия послужил брусок, в котором пробойником прошито отверстие, затем оно было насажено на верхнюю часть рукояти в горячем виде, что обеспечило плотное соединение.

Шлиф сделан на половину поперечного сечения клинка. Микроскопическое исследование обнаружило на поверхности шлифа две структурные зоны: ферритную (структура чистого железа) и феррито-перлитную (структура стали). Последняя хорошо выражена вдоль одной стороны клиновидного шлифа, на острие, и местами — с другой стороны, ближе к острию. Содержание углерода увеличивается в направлении к поверхности от 0,3 до 0,5%. Структура имеет видманштетный характер. Микротвердость 206—236 кг/кв. мм. Остальную часть шлифа занимает зона феррита, загрязненная большим количеством шлаковых включений. Размеры зерна средние. Микротвердость 135—151 кг/кв. мм. Резкой границы между зонами с различными структурами нет.

Микроструктурные особенности позволяют говорить, что для изготовления кинжала использовалось недостаточное прокованное, плохо освобожденное от шлаков железо. Готовое изделие было подвергнуто цементации, благодаря чему на поверхности образовался стальной слой. Свидетельством того, что последней операцией (до обточки и шлифовки) была цемен-

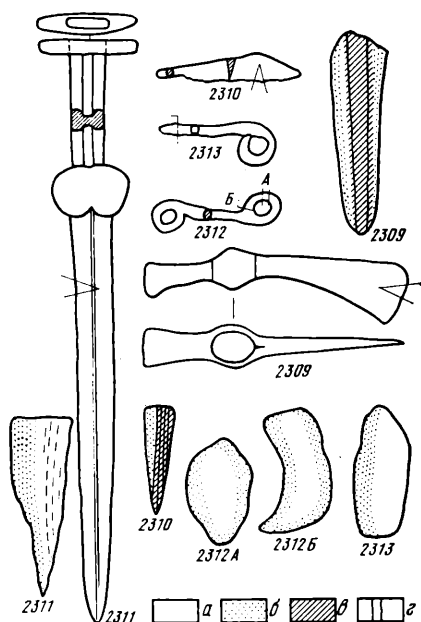

Рис. Технологические схемы кузнечных изделий из могильника Султан-Гора III

а — железо;
 б — сталь;
 в — термическая обработка;
 г — сварочный шов; номера на рисунке соответствуют номерам анализов

тая, являются следы перегрева в виде видманштетной структуры. Из-за значительной поверхностной коррозии трудно сказать, была ли цементация двусторонней или односторонней. Не исключено, что с одной стороны цементационный слой не сохранился. Сочетание мягкой железной сердцевины с твердой стальной поверхностью обеспечивало хорошие рабочие качества изделия.

Топор-секира (ан. 2309) происходит из того же погребения, что и кинжал, имеет легкие вытянутые пропорции (общая длина 17,5 см, длина лезвия 10,5 см, ширина — 4 см, длина обушка 4,5 см, диаметр проуха 2,5 см). Стенки проуха тонкие, на внешней стороне их, посередине, заметно слабовыраженное вертикальное ребро. Визуально можно различить небольшую трещину, идущую от проуха по верхней грани лезвия.

Микроскопическое исследование шлифа, изготовленного на продольном сечении лезвия, обнаружило трехслойную структуру. В центре вдоль шлифа с выходом на острие расположена четко выделяемая сварочными швами полоса высокоуглеродистой стали, имеющая структуру сорбита. Микротвердость 350 кг/

/кв. мм. По бокам ее — феррито-перлитные полосы с невысоким содержанием углерода (0,1—0,3%), уменьшающимся в направлении к поверхности. Микротвердость их 181—206 кг/кв. мм. Шлаковые включения, вытянутые в направленииковки, наблюдаются во всех зонах. Сварочные швы, разделяющие зоны, тонкие, чистые.

Технология изготовления топора на основании макро- и микроструктурных данных представляется следующей. Заготовка для топора — брусок из мягкой стали — была согнута пополам на оправке. Из согнутого конца вывели обух, два других конца сварили, вставив между ними полосу высокоуглеродистой стали. После этого было вытянуто и отковано лезвие. Заключительной операцией была термообработка — закалка в мягкой закалочной среде (например, животный жир или растительное масло). Благодаря такой технологической схеме лезвие топора приобретало достаточную упругость (что немаловажно при его вытянутых пропорциях и сравнительно небольшой толщине) и твердое острие. С той же целью была проведена и мягкая закалка, повышавшая твердость лезвия и при этом снижавшая его хрупкость (препятствовала выкрашиванию).

Таким образом, технология изготовления топора технически чрезвычайно целесообразна, она не только полностью отвечает функциональному назначению орудия, но и органически сочетается с формой изделия. По существу, это «пробир» технологии трехслойного пакета (сочетание твердой стальной сердцевины с наваренными по краям железными полосами), получившей распространение в средневековье.

Нож (ан. 2310) длиной 10 см имеет «горбатую» спинку, прямое лезвие, короткую (2 см) рукоятку, круглую в сечении. Шлиф сделан на $\frac{2}{3}$ поперечного сечения лезвия. При микроскопическом исследовании на поверхности шлифа обнаружены зоны с разной структурой. Вдоль одной стороны шлифа до середины клинообразной полосой выделяется зона мелкозер-

нистой феррито-перлитовой структуры с содержанием углерода 0,2—0,3%. Перлит сорбитообразный. Микротвердость его 254 кг/кв. мм. Основную часть шлифа с выходом на острие занимает зона высокоуглеродистой закаленной стали, имеющая мелкодисперсную структуру мартенсита с микротвердостью 642—724 кг/кв. мм, переходящую ближе к середине в тростито-мартенситовую с микротвердостью 464—572 кг/кв. мм, а у спинки — в сорбитную с микротвердостью 383 кг/кв. мм. В высокоуглеродистой зоне различается множество очень тонких сварочных швов. От малоуглеродистой зоны она отделяется четкой границей, отмеченной тонкими, сильно вытянутыми шлаковыми включениями. Технологическая схема изготовления ножа может быть реконструирована по микроскопическим данным следующим образом. На малоуглеродистую основу изделия, составлявшую спинку и, видимо, рукоятку, была наварена высокоуглеродистая полоса, из которой было вытянуто лезвие. Стальная заготовка подвергалась специальной обработке — тщательной ковке — путем многократного вытягивания и складывания заготовки, свидетельством чего являются многочисленные сварочные швы. Такой способ обработки обеспечивал изделию высокую упругость. Заключительной операцией была термообработка — закалка в твердой закалочной среде (вода). Закалке, видимо, подвергалось только лезвие.

Различие в наблюдаемых под микроскопом структурах закалки (от мартенсита до сорбита) и соответствующее различие в твердости могут быть объяснены, по-видимому, кратковременностью воздействия охладителя и различной скоростью охлаждения частей ножа, имеющих разную толщину сечения. Не случаен, очевидно, тот факт, что наиболее твердым оказалось острие. Использование хорошо продуманной технологической схемы, высокое качество кузнечных операций говорят о большом профессиональном опыте мастера, изготовившего это изделие.

Два зена удил (ан. 2312, 2313) происходят из одной могилы. Для исследования отобраны образцы с продольного сечения стержня (ан. 2313), а также продольного и поперечного сечения кольца (ан. 2312).

Микроскопическое изучение шлифов обнаружило на всех образцах близкую картину: сердцевину стержней составляет структура феррита (зерно среднее и крупное), у поверхности — феррито-перлитная зона (на образце 2313 — только с одной стороны) с содержанием углерода 0,1—0,3%. Характер структуры здесь видманштетный. Микротвердость ферритной зоны 143—170 кг/кв. мм. Феррито-перлитной — 206—221 кг/кв. мм. Металл очень чистый, шлаковых включений почти нет. Микроструктурные данные свидетельствуют, что удила были изготовлены из хорошо прокованного, освобожденного от шлаков железа и в заключение подвергнуты поверхностной цементации для получения на поверхности стального слоя. О том, что цементировались сами изделия, а не заготовки для них, говорит крупнозернистость структурных составляющих в сочетании со структурой перегрева (видманштет).

Рассмотренная коллекция немногочисленна, но интересна с технологической точки зрения и дает ценную и многоплановую информацию по технике железообработки. Существенно, что речь идет о хронологически узком периоде второй половины VI в. до н. э. Полученные данные позволяют утверждать, что кузнецы, продукция которых была подвергнута анализу, хорошо владели всеми приемами свободной горячейковки, различали и умело использовали различные сорта черного металла — от чистого железа до высокоуглеродистой стали. Железо являлось продуктом сыродутного процесса, и качество его во многом зависело от тщательности дальнейшей кузнечной обработки. Примером высокого качества обработки исходного сырья может служить металл удил, тогда как при изготовлении акинака было использовано плохо прокованное железо.

Показательно, что ни одно из исследованных изделий не было сделано целиком из железа: на рабочей части или на поверхности всегда оказывалась сталь, которую получали двумя способами — цементацией поверхности готового изделия (акинак, удила) или сквозной цементацией заготовки

Последний способ позволял получать высококачественную сталь, которую использовали при создании рабочей части ответственных изделий (топор, нож).

Успешно применялись приемы кузнечной сварки — как при конструировании сложных по форме изделий, так и при специальной обработке заготовок (пакетировании).

Топор и нож были изготовлены по технологической схеме, в основе которой лежало сочетание мягкой основы с твердым лезвием, что обеспечивало высокие рабочие качества. Достигалось это сваркой мягкой и твердой стали. Сложность заключалась в необходимости соблюдать правильный температурный режим, зависящий от сорта стали. Кузнец должен был хорошо знать свойства свариваемых металлов, уметь по цвету каления правильно определять температуру, знать способ удаления окалины, образующейся при нагреве металлов и препятствующей сварке, и т. д. Качество рассмотренных изделий свидетельствует о большом опыте и мастерстве кузнецов.

Убедительным доказательством того, что местные мастера в совершенстве владели приемами обработки стали, является применение термической обработки — закалки, причем как твердой, так и мягкой, в зависимости от назначения предмета. Наконец, нужно помнить, что разнообразные кузнечные операции предполагают существование специализированного кузнечного оборудования, инструментария, различных ковочных приспособлений. Можно с уверенностью считать изученные изделия продукцией развитого кузнечного ремесла.

В технологии железных изделий из Султан-Горы III можно видеть традиции как скифских, так и кобанских мастеров, продукция которых известна по материалам Глийского могильника. И те и другие умели получать разнообразные сорта стали, хорошо владели приемами кузнечной сварки. Намечаются и специфические особенности их работы. Так, для скифских изделий чрезвычайно характерны структуры перегретого металла (видманштет), свидетельствующие о том, что цементация проводилась при температуре не ниже 950—1000° и не сопровождалась последующей ковкой. Именно такой структурой отличаются акинак и удила. Ни на одном из глийских акинаков подобной структуры не обнаружено, хотя поверхностная цементация применялась. Термической обработки скифские кузнецы не знали (из 250 изученных изделий нет ни одного термообработанного). Глийские мастера хотя и знали разные способы закалки, однако применяли ее крайне редко (всего шесть из 100 исследованных предметов). Интересно, что в коллекции из могильника Султан-Гора III два изделия из пяты (топор, нож) обнаруживают признаки применения этого приема.

Если обратиться к материалам другого могильника раннего железного века из окрестностей Кисловодска — Уллубаганлы II, относящегося к более раннему времени (конец VII — начало VI в. до н. э.)⁶, то в технике изготовления найденных здесь вещей прослеживается широкое использование различных способов термической обработки⁷. Указанные обстоятельства позволяют с известной степенью вероятности говорить о существовании в раннем железном веке местного северокавказского центра железообработки со своими древними традициями.

¹ Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. — СА, 1963, № 4; *Они же*. Новые исследования техники обработки железа в Скифии. — СА, 1971, № 4; *Они же*. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе. — СА, 1977, № 1; Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа. — СА, 1969, № 3.

² Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.): Автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси,

1962; Иванишвили Г. В. Исследование процесса получения структуры и некоторых свойств железа древней Грузии: Автореф. дис. ... канд. тех. наук. Тбилиси, 1976.

³ Вознесенская Г. А. Технология производства железных предметов Глийского могильника. — В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

⁴ Васильева А. П., Назимов Д. М. Исследование древних металлических изделий. — В кн.: Структура и прочность металлов и сплавов. М., 1953, вып. 5;

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1965, с. 325; Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Начальный этап..., с. 66.

⁵ Исмагилов Р. Б., Суразаков А. С., Членова Н. Л. Султан-Гора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском.— АО 1976. М., 1977; Членова Н. Л. Раскопки под Султа-

Горой.— АО 1977 г. М., 1978.

⁶ Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Мало-Карачаевского отряда.— АО 1978 г. М., 1979.

⁷ Коллекция железных предметов в количестве 36 экз. исследована нами. Результаты анализов хранятся в лаборатории естественнонаучных методов ИА.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ КУЛАЙСКОЙ И САРГАТСКОЙ КУЛЬТУР

Саргатская культура лесостепи Западной Сибири, сарматоидная по облику, обнаруживает следы ярко выраженных контактов с южными и юго-западными соседями. Это обстоятельство неоднократно отмечалось исследователями, а в свое время послужило П. А. Дмитриеву основанием рассматривать население лесостепи Западной Сибири как одну из групп сарматов¹. Связи саргатской культуры с югом не только носили характер культурных обменов, но и были в известной мере генетическими, очевидно, вследствие проникновения массагетских и сарматских элементов в западносибирскую лесостепь². Взаимоотношения племен саргатской культуры с их северными соседями менее ярко выражены в археологическом материале и соответственно — в литературе. В то же время эта проблема представляет большой интерес, обусловленный несколькими обстоятельствами. Во-первых, культура населения раннего железного века лесного Прииртышья вообще очень плохо выявлена, и каждый новый факт к ее характеристике важен уже сам по себе. Во-вторых, исследование взаимоотношений племен саргатской культуры с населением лесного Прииртышья важно для изучения генезиса аборигенного населения этих районов, а именно — для решения вопроса о формировании потчевашской культуры. В-третьих, рассматриваемая проблема имеет отношение к вопросу о причинах полного исчезновения памятников саргатской культуры второй четверти I тысячелетия н. э., которые представляются никак не связанными с культурами среднеиртышского региона второй половины этого тысячелетия.

В литературе было высказано мнение, что саргатские племена в лесостепном Прииртышье не имели контактов с кулайским населением уже потому, что жили в разное время. Предполагалось, что кулайские памятники так называемой среднеиртышской культуры появились после исчезновения саргатского населения, а немногочисленные находки керамики кулайского типа на саргатских поселениях рассматривались как хронологически более поздние, не связанные с саргатскими комплексами³.

Материал, полученный в последние годы, заставляет пересмотреть указанную точку зрения и свидетельствует, что между саргатским и кулайским населением существовали определенные контакты, особенно ярко проявлявшиеся в северо-восточных районах саргатского ареала: на правом берегу Омского Прииртышья, в бассейнах рек Омь и Тара. Здесь население кулайской и саргатской культур, очевидно, непосредственно соприкасалось. Совместные находки саргатской и кулайской керамики в закрытых погребальных комплексах этих районов снимают мнение о ее разновременности на памятниках лесостепного Прииртышья.

Контакты саргатского и кулайского населения впервые фиксируются на памятниках саргатской культуры IV—III вв. до н. э. На это указывает находка фрагмента сосуда с S-видным штампом на Коконском поселении близ Омска⁴. Но наиболее четко они выражены в материалах саргатских памятников III—II вв. до н. э. правобережного Прииртышья к севе-

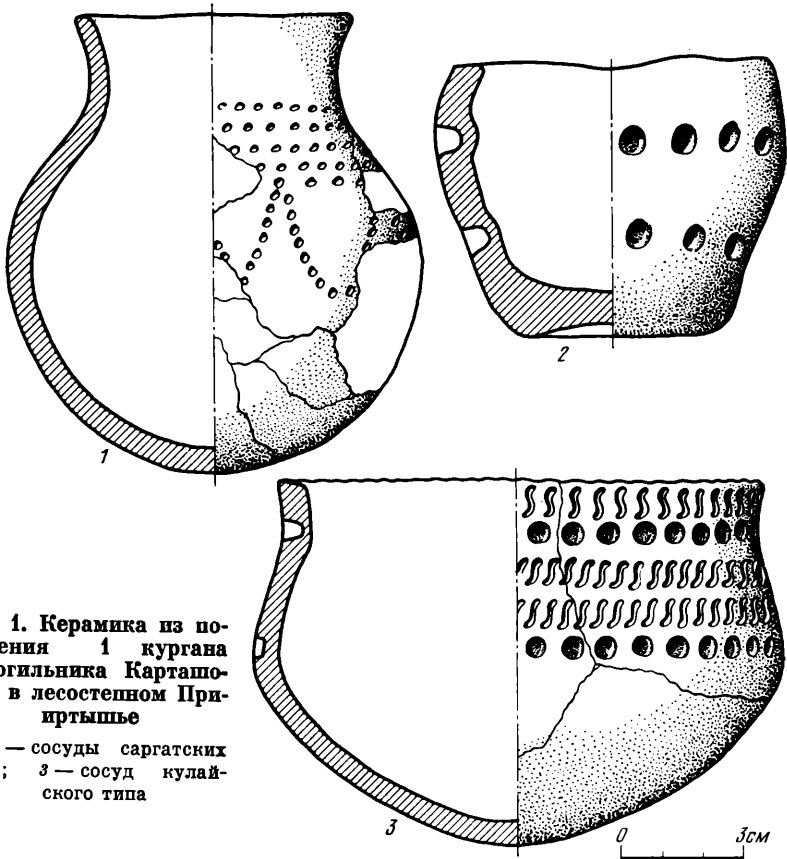

Рис. 1. Керамика из погребения 1 кургана 1 могильника Карташово I в лесостепном Припутье

1, 2 — сосуды саргатских форм; 3 — сосуд кулайского типа

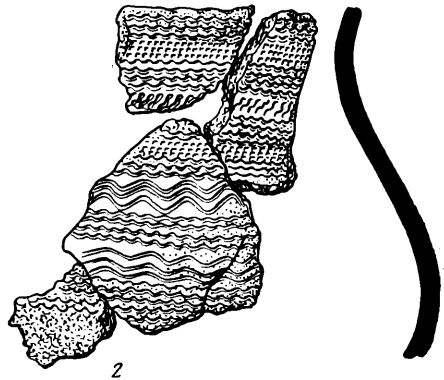
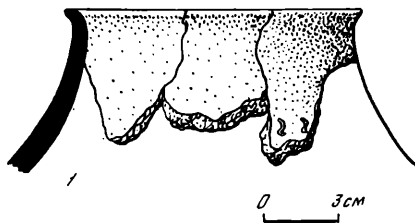

Рис. 2. Керамика саргатских форм с орнаментом кулайского типа

1 — Богдановское городище, участок Ф/16, штык 2; 2 — могильник Карташово I, курган 3, погребение 5

ру от Омска, а также бассейнов Оми и Тары. Они документируются присутствием в саргатских комплексах керамики кулайской культуры, орнаментированной S-видным штампом, а также отдельных кулайских вещей — наконечников стрел, бронзовых литых блях с «жемчужным» и S-видным орнаментом, пронизок со вздутиями и т. п. Эти предметы найдены как на поселениях, так и в погребениях. В отдельных захоронениях (Карташово I, курган 1, погребение 1; Карташово II, курган 3, погребение 5; курган 5, погребение 1) встречены вместе типичные саргатские сосуды и сосуды, орнаментированные S-видным штампом кулайского облика (рис. 1). В погребениях могильников Карташово I и II обнаружены также характерные для северных лесных этнических групп бронзовые ли-

тые пронизки со вздутиями. Форма для отливки таких пронизок найдена на городище Кижирово в Притомье⁵. В Абатском могильнике на Ишиме (курган 1, погребение 8) и Богдановском — на Иртыше (курган 3, погребение 1) встречены бронзовые наконечники стрел кулайского типа⁶. В указанном погребении Богдановского могильника обнаружена также бронзовая бляха с орнаментом из меандридных фигур, подобных узорам на бронзовых и костяных изделиях из памятников лесного Приобья кулайской и усть-полуйской культур⁷. Бронзовые бляхи из Тюковского кургана, украшенные рядами «жемчужин», имеют аналогии среди блях из Нижнего Приобья. Керамика кулайского типа в небольшом количестве представлена на ряде поселений саргатской культуры Прииртышья, а также на поселениях и в погребениях по Оми и Таре⁸.

Появление в северных районах прииртышской лесостепи отпечатков S-видного штампа кулайского происхождения на кувшиновидных сосудах саргатских форм (рис. 2) отражает, очевидно, как и в Новосибирском Приобье, процесс смешения кулайского и саргатского населения. Но такое смешение, в отличие от Новосибирского Приобья, не захватило обширных пространств и больших масс населения. Это объясняется, видимо, большей, чем в Приобье, консолидацией саргатского этнического массива, а также экологическими условиями. Известно, что в прииртышской лесостепи отсутствовали большие лесные массивы. Это требовало перестройки культурно-хозяйственного уклада продвигавшегося на юг лесного населения и создавало препятствия для его миграции.

В Новосибирском Приобье для продвижения лесного населения на юг были более благоприятные условия. Широкий массив ленточного приобского бора идет по правобережью Оби до Бийска, почти до предгорий Алтая. Далее лесные массивы вдоль Бии тянутся с перерывами до оз. Телецкое, где смыкаются с горноалтайской тайгой. На левобережье массивы ленточных боров также глубоко вклиниваются на юге в лесостепь, имея, к тому же, мощные ответвления в виде уходящих на запад бурлинского, кулундинского, касмалинского и особенно барнаульского боров. Это создавало благоприятный экологический фон для продвигавшегося с севера лесного кулайского населения, которое, сохраняя до известной степени культурно-хозяйственный тип, могло определенное время сосуществовать со скотоводами лесостепи и развивать здесь свою культуру, восприняв и ряд важных элементов культуры предшествующего скотоводческого большереченского населения⁹.

Иное положение сложилось в Прииртышье. Инфильтрация кулайских элементов, фиксируемая по комплексу перечисленных выше признаков, не оказала существенного воздействия на облик саргатской культуры. Об этом красноречиво говорит материал памятников II в. до н. э. — II—III вв. н. э., который сохранил и стабилизировал характерные для саргатской культуры черты. Отношения северной группы саргатцев с кулайцами носили, очевидно, в основном характер брачных и обменных контактов. С другой стороны, в южных районах тайги и на севере лесостепи археологические материалы свидетельствуют о некотором продвижении в III—II вв. до н. э. лесного населения к югу и соответственно — о сдвиге в южном направлении северных границ саргатского ареала. Примечательно, что наиболее северные памятники саргатской культуры в районе Тобольска — Тюковской и Потчевашский курганы — относятся к III—II вв. до н. э. Более поздние памятники саргатской культуры здесь неизвестны. В этом районе появляются памятники кулайской культуры. Следует подчеркнуть, что этот процесс синхронен с продвижением кулайцев в Новосибирское Приобье. Подобное явление смешения саргатского и лесного населения констатируется на средней Туре и Нице, в лесном Зауралье, где на смену ранним саргатским памятникам IV—III вв. до н. э. (Макушинский курган 1; Мысовской курган 6; Нижнее, погребение 2 и др.) появляются памятники кашинского типа¹⁰, отражающие смешение саргатского и лесного населения. Впрочем, взаимоотношения саргатского и лесного населения в бассейнах Туры и Тобола изучены еще очень слабо,

а интерпретация имеющихся комплексов затруднена ввиду недостаточной разработки их хронологии. Наряду с ранними здесь есть и поздние комплексы. Судя по материалам Козловского могильника, контакты саргатского и лесного населения в районе Тюмени продолжались до первых веков нашей эры, а может быть, почти до середины I тысячелетия н. э.¹¹

Итак, в лесостепном Прииртышье взаимосвязи саргатского и кулайского населения наиболее четко прослеживаются на памятниках III—II вв. до н. э., где керамика по облику наиболее близка посуде васюганского этапа кулайской культуры Нарымского Приобья V—II вв. до н. э.¹² и в какой-то мере — каменноомысского этапа III—II вв. до н. э. в Новосибирском Приобье. В дальнейшем эти контакты как будто ослабевают, и саргатские памятники II в. до н. э. — II—III вв. н. э. почти не имеют северных элементов.

Встает вопрос, как соотносятся с саргатскими древностями памятники среднеиртышской культуры типа городищ Большой Лог, Сперановка и др., образующие компактную группу в низовьях Оми и хорошо представленные на средней Оми в Куйбышевском р-не Новосибирской обл.¹³ Керамика этих памятников имеет ярко выраженные лесные черты и по облику наиболее близка керамике саровского этапа кулайской культуры Нарымского Приобья¹⁴. Появление на Оми памятников с такой керамикой связано, по-видимому, со второй, более сильной волной миграции кулайцев на юг и юго-запад, которая происходила, очевидно, не ранее конца II—III в. н. э. В это время саргатская культура уже заканчивала существование, и кулайское население продвигалось по сути дела в опустевшие районы лесостепи, что облегчало его перемещение на юг. Контакт с носителями саргатской культуры оно почти не имело, возможно, вступающая в связь лишь с небольшими остатками этих многочисленных в прошлом племен. Такое предположение подтверждается почти полным отсутствием саргатских элементов в материалах памятников среднеиртышской культуры бассейна Оми, а также отсутствием керамики сперановско-саровского облика в закрытых саргатских комплексах. Наиболее вероятная дата памятников среднеиртышской культуры на Оми с материалами типа городищ Сперановка, Большой Лог, Сопка и др. — III—V вв.

¹ Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы.— ТСА РАНИОН, 1929, вып. IV, с. 188, 189.

² Могильников В. А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа.— В кн.: Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983, с. 79—81.

³ Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 224.

⁴ Могильников В. А. Раскопки в 1967 г. в Коконевке.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, рис. 10, 12.

⁵ Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII—III в. до н. э. Томск, 1977, рис. 1, 3, 4.

⁶ Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени, рис. 6, 5; Могильников В. А. Работы в Омском Прииртышье.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15, рис. 1, 11.

⁷ Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири.— САИ, 1965, вып. ДЗ-8, рис. 17, 4, 5; Могильников В. А. Работы в Омском Прииртышье, рис. 1, 9.

⁸ Могильников В. А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 86, 87; Соболев В. И. Вознесенское городище — памятник середины II тысячелетия н. э.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, рис. 4, л.

⁹ Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979, с. 45, 46.

¹⁰ Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969, с. 9, 10.

¹¹ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964 с. 9.

¹² Чиндина Л. А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, табл. 1, 6.

¹³ Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Го-

родище Большой Лог.—КСИИМК, 1951, XXXVII, рис. 28, а; *Могильников В. А.* Сперановское городище.—КСИА, 1971, 128, рис. 17; *Молодин В. И., Елагин В. С.* Поселение первой половины I тысячелетия н. э.

в лесостепной Барабе.— В кн.: *Археология эпохи камня и металла Сибири: Сб. науч. тр.* Новосибирск, 1983, с. 56—61.

¹⁴ *Чиндина Л. А.* Культурные особенности..., табл. 2.

Н. В. ПОЛОСЬМАК

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ГОРОХОВСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ

Гороховская культура была выделена К. В. Сальниковым по материалам поселений среднего течения Исети и Тобола¹. Позднее В. Е. Стоянов предложил называть ее не культурой, а «группой памятников с гороховским типом керамики», или «гороховской группой памятников»². Увеличение источниковедческой базы позволяет по-новому поставить вопрос о культурной принадлежности памятников этого типа.

Гороховские поселения и выделенные В. Е. Стояновым погребения локализуют в среднем течении р. Тобол и в более западных районах, где известно также много поселений и могильников саргатской культуры³. Некоторые из памятников одни исследователи относят к гороховским, другие — к саргатским. Возможно ли в такой ситуации типологически выделить гороховскую группу памятников или гороховскую культуру?

Источниковедческий анализ саргатской культуры позволил расчленить ее ареал на три территориально обособленных района, один из которых — Притоболье, где распространены и гороховские памятники⁴. Особенности притобольских саргатских памятников совпадают с характерными чертами, выделенными В. Е. Стояновым для гороховской группы памятников.

Действительно, для саргатских погребений этого района характерно преобладание невысоких земляных насыпей с одним захоронением в центре, в прямоугольных, овальных, иногда квадратных ямах, редко — с деревянными перекрытиями. Погребенные лежат на спине в вытянутом положении, головой преимущественно на север и северо-запад. Ограждения в виде рвов и огненный ритуал не получили в Притоболье такого широкого распространения, как в синхронных памятниках Прииртышья, но все же встречаются. Те же черты наблюдаются и в гороховских памятниках. До последнего времени считалось, что своеобразные деревянные «шатровые» перекрытия над могилами характеризуют только гороховские памятники (рис., 5)⁵. Однако аналогичные конструкции встречаются в раннесарматских курганах V—IV вв. до н. э.⁶ Недавно курганы с «шатровыми» перекрытиями были открыты в Северном Казахстане⁷ и Прииртышье⁸. В Притоболье сложные деревянные сооружения встречены под насыпями саргатских курганов I в. н. э.⁹ Большие курганы со сложными погребальными сооружениями отмечаются в качестве характерной черты первого этапа саргатской культуры, относящегося к IV—III вв. до н. э.¹⁰ Таким образом, «шатровые» сооружения над погребениями — скорее всего явление стадияльное, а не местная особенность гороховской группы памятников.

Неоднократно отмечалось удивительное сходство саргатских и гороховских прямоугольных в плане полуземлянок с длинными коридорообразными выходами и иногда — с очагом типа «чувала» (рис., 1, 2)¹¹, принадлежащих к ведущему типу жилищ в этих культурах. Это слишком оригинальная конструкция, чтобы объяснить ее только общими экологическими условиями существования племен.

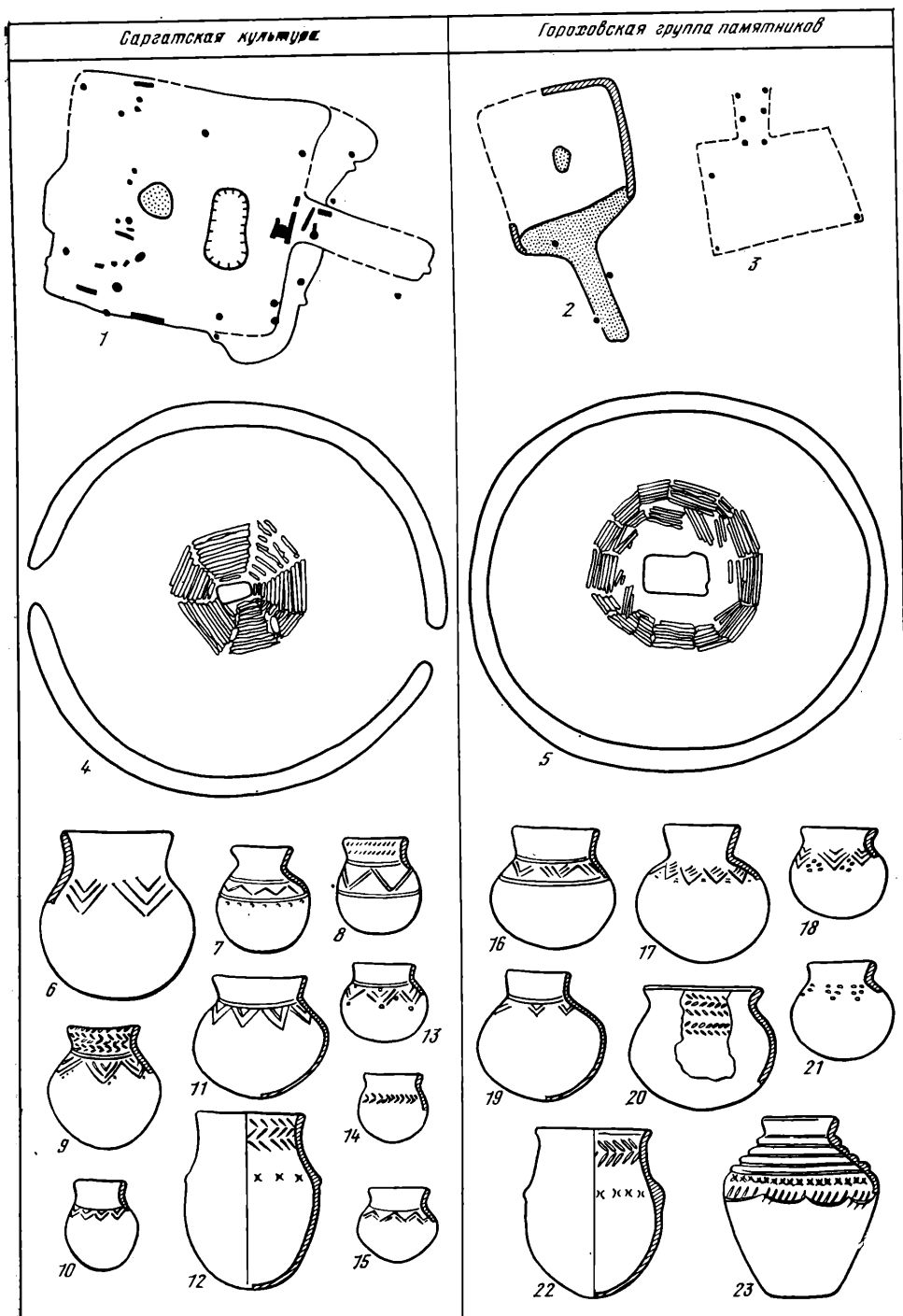

Рис. Сравнительная таблица саргатских и гороховских древностей

1—3 — схемы жилищ: 1 — Узловское поселение, 2 — Лужковское 1 селище, 3 — городище «Чудани»; 4, 5 — схематические планы погребальных сооружений: 4 — могильник у с. Татарна, 5 — Шмаковский могильник; 6—23 — керамика: 6 — случайная находка у Абатских курганов, 7, 8 — могильник Коконовка, курган 3, погребение 2, 9 — могильник Марково 1, курган 24, погребение 2, 10 — могильник Явленка, курган 5, 11 — могильник Абатское, курган 1, погребение 2, 12 — поселение Ложка 4, жилище 1, 13, 14 — могильник Лихачево, курган 3, погребения 13 и 1, 15 — могильник Памятное, курган 1, погребение 3, 16, 17 — Шмаковский могильник, курганы 6 и 5, 18 — могильник Исаково, курган 23, раскопки 1909 г., 19 — могильник Сухомесово, курган 1, 20 — курган на р. Исток, 21 — случайная находка из района г. Шадринск, 22 — Лужковское 1 селище; 23 — случайная находка из Еманжелинска

Своеобразие зауральскому ареалу культур, в том числе гороховской группе, по мнению В. Е. Стоянова, придает распространение западносибирских кельтов группы I (на территории саргатской культуры — групп III—IV), а также каменных жертвенников на подставках или ножках (в саргатской культуре — глиняные и каменные округлые блюда). Однако еще В. Н. Чернецов отмечал большую близость между границами I, III и IV западносибирских кельтов, указывая, что их вряд ли можно разделить типологически¹². К тому же, находки их в ареале гороховских памятников единичны и в основном относятся к случайным. Кельты западносибирского типа как широко распространенная категория вещей, повидимому, не могут служить индикатором для определения культурной принадлежности памятника или группы памятников. Каменные овальные и прямоугольные блюда на ножках и без них стали известны теперь далеко на востоке ареала саргатской культуры — в Барабе и Прииртыше¹³. Однако глиняные блюда, являющиеся особенностью саргатской культуры, были найдены и на памятниках, относимых к гороховским¹⁴. Таким образом, и этот признак не помогает в выделении особой группы гороховских памятников.

Первую хронологическую группу памятников саргатской культуры, которой синхронны гороховские памятники, характеризует следующий набор вещей: трехлопастные, трех- и четырехгранные втульчатые наконечники стрел, бронзовые наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой, костяные панцирные пластины, мечи с серповидным навершием, костяные двудырчатые псалии, бронзовые колчанные крючки¹⁵. Все эти предметы встречены и в материалах памятников, относимых к гороховским¹⁶. Если исключить из приведенного перечня предметы вооружения и конской упряжи сарматского типа, распространенные на широкой территории, то среди «западносибирских» вещей окажутся только костяные панцирные пластины, одинаково хорошо известные и в саргатских, и в гороховских древностях. Таким образом, саргатская культура и гороховская группа памятников характеризуются в целом одинаковым набором вещей.

Основой для выделения гороховской культуры К. В. Сальниковым и гороховской группы памятников — В. Е. Стояновым послужила керамика так называемого гороховского типа. Она отличается примесью талька в тесте; преобладанием круглодонных сосудов, имеющих шаровидное и яйцевидное тулово, прямое горло, воронкообразный и плавно отогнутый венчик; некоторыми особенностями в орнаментации.

Примесь талька в тесте — достаточно своеобразная черта, которую, однако, не стоит абсолютизировать. Во-первых, тальк не всегда присутствует в керамике, относимой к гороховской. В наиболее показательном гороховском керамическом комплексе с городища Чудаки более или менее большую примесь талька содержало около 85% фрагментов керамики, а 15% ее не имели¹⁷. Во-вторых, примесь талька есть и в саргатской керамике, найденной на памятниках, расположенных в Притоболье и Прииртыше¹⁸, правда, в меньших количествах, чем в Зауралье. Примесь талька в тесте характеризует и керамику саргатской культуры из Притоболья, причем количество ее увеличивается с востока на запад.

Вопреки мнению К. В. Сальникова и В. Е. Стоянова, форма гороховской посуды стандартна для западносибирских культур раннего железа и идентична саргатским формам из Притоболья IV—III вв. до н. э.¹⁹

Неоднократно проводились статистические подсчеты с целью выявить особенности орнаментации керамики гороховского типа. По данным К. В. Сальникова²⁰, ведущим здесь является резной орнамент, обнаруженный на 74% общего количества фрагментов, затем следует ямочный — 16%. По данным В. Е. Стоянова²¹, выполненные в резной технике «елочки» по венчику или наклонные линии — основной мотив на гороховской керамике. Плечики сосудов украшались треугольными фестонами, защипами. Характерна также косая сетка. Орнаментальная зона часто ограничивалась прочерченными линиями. Однако из таблицы, приведенной

В. Е. Стояновым, видно, как невелико различие в орнаментации гороховской и саргатской керамики. В целом орнаментальные традиции гороховской керамики соответствуют выделенным для керамики первого этапа саргатской культуры: это «елочка», косая сетка, преобладание резных узоров²². Таким образом, не только Прииртышье, но и Притоболье было местом формирования орнаментальных традиций саргатской культуры.

Некоторые черты отличают керамику, относимую к гороховскому типу, от саргатской. Назовем прежде всего желобки по венчику и плечикам сосудов, неизвестные на саргатской керамике. Эта особенность, вероятно, связана с влиянием савромато-сарматских традиций, а в большей степени — с отнесением к гороховской керамике фрагментов, а иногда и целых сарматских сосудов, которые встречаются на территории Зауралья в силу исторически сложившихся условий проживания тех и других племен. Украшение горла или плечиков сосуда желобками занимает второе (после резных узоров) место в орнаментации сарматской керамики IV—III вв. до н. э. на р. Илек²³; много таких сосудов в сарматских погребениях Южного Урала (Башкирия)²⁴.

Вторую особенность гороховской керамики составляют сосуды с валиком по венчику. Фрагменты их очень немногочисленны и известны лишь из материалов некоторых многослойных поселений²⁵. Скорее всего эта керамика не гороховская. Она относится к алексеевской культуре поздней бронзы²⁶ или характеризует какие-то переходные формы, свидетельствующие о генетической связи культуры раннего железного века Зауралья с местной культурой поздней бронзы.

Среди немногих целых сосудов гороховского типа (по данным В. Е. Стоянова всего 22), часть идентична саргатским, часть — сарматским, а некоторые находят аналогию в тех и других памятниках (рис., 6—23). Таким образом, вряд ли можно согласиться с тезисом о существовании особого типа керамики, лежащим в основе выделения гороховской культуры. Этот тип был определен в период, когда не была всесторонне охарактеризована саргатская культура, а в литературе бытовало понятие «речкинский тип керамики». Различия между этими типами носят хронологический и территориальный, а не культурный характер.

Особенности керамики раннего железного века Притоболья характеризуют западную окраину саргатской культуры, тесно связанную с южноуральскими савроматскими племенами в период сложения раннесарматской (прохоровской) культуры. Это время (V — начало IV в. до н. э.) отмечено проникновением части савроматского населения на территорию, занятую племенами саргатской культуры²⁷. Вопрос о влиянии лесостепного зауральского населения на савроматские племена Южного Урала неоднократно привлекал внимание исследователей²⁸. Влияние же кочевых савромато-сарматских племен на полусоседное население западносибирских лесостепей практически не изучалось. Проблема «гороховской группы памятников» связана с правильной оценкой этих взаимодействий. Как всякая периферия культуры, Притобольский район был подвержен инокультурным влияниям, которые были одной из причин сложения здесь локального варианта саргатской культуры, куда органически входит и гороховская группа памятников.

Считая наиболее ранними (IV в. до н. э.) саргатские памятники Прииртышья, исследователи предполагали, что оттуда культура и распространилась на запад²⁹. Отнесение гороховской группы к саргатской культуре позволяет думать, что территория Притоболья также входила в район первоначального обитания саргатских племен. Здесь есть саргатские памятники, датируемые V в. до н. э.³⁰ Единобразие саргатских памятников Притоболья и Прииртышья, видимо, говорит, о том, что V век до н. э. для саргатской культуры был уже каким-то рубежом в ее развитии. Возможно, саргатская культура возникла не в одном узком центре, из которого распространялась в соседние районы, как это предполагалось раньше, а на всей территории ее огромного ареала. Притобольский вариант культуры отличается большой консервативностью в развитии.

- ¹ Сальников К. В. Исетские древние поселения.— СА, 1956, т. XXV, с. 189—215.
- ² Стоянов В. Е. Зауральские степные поселения раннего железного века.— КСИА, 1968, 119, с. 61.
- ³ Стоянов В. Е. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век).— ВАУ, 1973, вып. 12, с. 48, рис. 1.
- ⁴ Корякова Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика).— В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 149.
- ⁵ Стоянов В. Е. Ранний железный век западносибирской лесостепи (опыт классификации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969, с. 10.
- ⁶ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 30, рис. 3, 1; Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983, с. 90.
- ⁷ Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Раскопки могильника Кенес.— АО 1974 г. М., 1975, с. 487.
- ⁸ Могильников В. А., Колесников А. Д., Куйбышев А. В. Работы в Прииртышье.— АО 1976 г. М., 1977, с. 225; Корякова Л. Н. Саргатская культура раннего железного века западносибирской лесостепи. Архив ИА, р-2, № 2284, с. 98, рис. 22.
- ⁹ Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Раскопки на Среднем Притоболье.— АО 1981 г. М., 1982, с. 215.
- ¹⁰ Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 163.
- ¹¹ Там же, с. 42—51.
- ¹² Чернецов В. Н. Опыт типологии западносибирских кельтов.— КСИИМК, 1947, XVI, с. 71, 73.
- ¹³ Могильников В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке.— ВАУ, 1981, вып. 15, с. 100.
- ¹⁴ Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской обл. по раскопкам 1937 г.— СА, 1947, т. IX, с. 229, 234.
- ¹⁵ Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 121.
- ¹⁶ Стоянов В. Е. О могильниках..., с. 50—56.
- ¹⁷ Сальников К. В. Городище «Чудаки»..., с. 228.
- ¹⁸ Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени, с. 113; Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше.— СА, 1981, № 2, с. 187; Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 144.
- ¹⁹ Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 137—139.
- ²⁰ Сальников К. В. Городище «Чудаки»..., с. 229, 230.
- ²¹ Стоянов В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века.— КСИА, 1968, 119, рис. 27.
- ²² Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 146, 151.
- ²³ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 171.
- ²⁴ Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников..., с. 141. табл. VIII, 17; с. 151, табл. XVIII, 8 и др.
- ²⁵ Стоянов В. Е. О могильниках..., с. 53, рис. 3, 3.
- ²⁶ Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1972, № 2, с. 19—29.
- ²⁷ Мошкова М. Г. Погребения VI—IV вв. до н. э. в Челябинской обл.— МИА, 1969, 169, с. 147.
- ²⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 286, 379; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 29—38.
- ²⁹ Могильников В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 180, 181; Корякова Л. Н. Саргатская культура..., с. 181, 182.
- ³⁰ Стоянов В. Е. О могильниках..., с. 50—52; Мошкова М. Г. Происхождение..., с. 32.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

МУМИИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КУКЛЫ ТАШТЫКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

На современном этапе изучения древних племен среднего Енисея большое значение придается углубленному анализу погребального обряда. Чем конкретнее изучается погребальный обряд, тем больше вырисовываются этнографические черты, приобретающие характер этнического источника, и, естественно, пересматриваются старые гипотезы, вновь «оживают» забытые догадки.

Одним из сюжетов, иллюстрирующих это, является интерпретация трупоположений и трупосожжений в таштыкских грунтовых могильниках середины I в. до н. э.— II в. н. э. Состав населения Минусинской котловины в этот период был очень сложным. До нас дошли не только таштыкские могильники, но также курганы тесинского этапа тагарской культуры и разнообразные могильники племен, перекочевавших за Саяны с юга при завоеваниях хунну. Однако только в грунтовых таштыкских могильниках мы встречаем оригинальную погребальную практику, о которой пойдет речь.

Таштыкские могильники раскапывались в 14 пунктах, исследовано около 200 могил, содержащих захоронения взрослых. Небольшой материал раскопок компенсируется тем обстоятельством, что около половины могил оказались неограбленными, а четыре гробницы сохранились в первоначальном виде. В могилы клали трупы умерших, их мумии, кости скелетов и человекоподобные куклы, внутрь которых помещали остатки трупосожжений. На одних кладбищах чаще хоронили по одному-два человека в срубе, на других, как правило, — по три-четыре покойника, но в целом по непонятной причине большинство людей захоронены вместе, — причем разными способами — трупоположения или трупосожжения. В 186 могилах сохранились останки взрослых людей или подростков: в 62 — по обряду трупоположения, в 32 — сожжения, в 92 — смешанный обряд, при котором чаще бывают захоронены остатки сожжения в куклах («манекен») и труп (или кости), реже — два трупа (кости) и «пепел» (остатки сожжения) или наоборот, а также два трупа и две кучки «пепла». Количественное преобладание могил со смешанным обрядом свидетельствует о целенаправленности одноактных захоронений разным способом.

Несколько слов об истории вопроса. Тагарское население имело обычай сжигать погребальные камеры с трупами, но сожжение трупов вне могилы не было принято у минусинских племен, кроме андроновцев. Поэтому появление на Енисее обряда трупосожжения принято связывать с приходом нового населения откуда-то с юга¹. Однако этот обряд на южных территориях (Алтай, Тува, Забайкалье) неизвестен, но существовал, очевидно, у племен верхней Оби (фоминский этап верхнеобской культуры). Значит, обычай сжигать трупы мог возникнуть и на территории Сибири. Для выявления истоков нового обряда надо попытаться определить в целом этническую принадлежность таштыкских могильников.

С другой стороны, за разными формами обряда могут скрываться мотивы не этнического порядка, а социальные и даже половозрастные. Последняя догадка была высказана Г. Ф. Дебецем и незаслуженно забыта. Таштыкские погребения по обряду трупоположения, по мнению Г. Ф. Дебеца, содержат довольно загадочный остеологический материал. Все черепа гораздо меньше, легче и грацильнее, чем тагарские, и почти идентичны женским тагарским. Может быть, мужчин всегда сжигали, а женщин иногда хоронили обычным способом². Мнение Г. Ф. Дебеца не было принято во внимание из-за малочисленности серии таштыкских черепов. По заключению С. В. Киселева, в разных обрядах не играла роли разница пола или общественного положения покойников. «Чем обуславливалось такое разделение в обряде, в настоящее время сказать еще невозможно», — писал он³. Насколько теперь оправдалась догадка Г. Ф. Дебеца, станет ясно в ходе дальнейших рассуждений. Но для того чтобы они были понятны, требуется дать описание каждого из обрядов, поскольку их объяснения строятся на мельчайших деталях, которые удалось проследить, анализируя все погребения.

По обряду трупоположения хоронили женщин, подростков, детей и некоторых мужчин, имевших, судя по антропологическим данным, тот же физический тип, что и женщины. Трупы взрослых мумифицировали, для чего производили посмертную трепанацию, обычно в затылочной или теменной части черепа, и удаляли мозг. Способы трепанации зависели от массивности черепа. В тонкокостных черепах одним ударом выбивали кусок в 2,5—3,5 см. У тех черепов, кости которых были толстыми, в двух-

трех местах затылочной части просверливали маленькие отверстия и выдалбливали кусок кости острым орудием⁴. Для подобной операции использовали, в частности, долото шириной 14 мм. Мумифицированные трупы чаще находят в парных и коллективных могилах; иногда к моменту захоронения они успевали истлеть и даже превратиться в скелеты. В этом случае в могилы аккуратно складывали кости и черепа⁵. Уложенные кости несохранившихся мумий обнаружены во всех наиболее полно раскопанных могильниках. Это, видимо, свидетельствует, что мумифицирование не определяло общественного положения покойников, а производилось для сохранения тела в период от смерти до погребения.

Лица мумий и трупов покрывали маской. На лицо под маску иногда клали один или несколько кусков шелковой ткани, в которых были сделаны отверстия, соответствующие линиям разреза глаз и рта. Маски лепили на лица: поэтому на их внутренней поверхности сохраняются отпечатки морщин и приставшие волосы. Состав масок не одинаков. Известны маски гипсовые, глиняные и изготовленные из смешанного состава, когда на лицо клали слой гипса, смешанного с известняком и кварцевым песком, а затем чистым гипсом заглаживали и моделировали маску по форме лица⁶.

Маски бывают более и менее объемными. Первые захватывают уши, теменную часть черепа, подбородок и часть головы, вторые закрывают только лицо. Различаются маски также по форме и раскраске. Различие в раскраске впервые было отмечено А. В. Адриановым. Все маски белые, но иногда покрыты тонким ангобом. Поверх ангоба одни маски сплошь покрыты красной краской, другие — расписаны узорами в виде крупных спиралей на лбу, висках, подбородке. Спирали делались «слегка вдавленной палочкой»⁷. Два вида раскраски масок получили объяснение после раскопок Л. Р. Кызласовым гробницы Оглахтинского могильника (1969 г., могила 4). Темно-красная маска лежала на лице мужчины. На лбу и поперек носа по красному на ней была проведена жирная горизонтальная черная полоса (рис. 1, 1)⁸. Белая маска лежала на лице женщины и была раскрашена красными узорами на лбу и щеках (рис. 1, 2)⁹. К сожалению, маски в грунтовых могилах обычно сохраняются в невыразительных фрагментах, поэтому на массовом материале нельзя проверить, насколько их раскраска определяла пол погребенного. Но, видимо, все-таки определялась. В том же Оглахтинском могильнике (1903 г., могила 7) сохранилась еще одна темно-красная маска. Она лежала на лице подростка-мальчика (рис. 1, 3). Имеется указание о красной маске на лице мужчины из могильника Абаканская Управа (раскопки 1898 г., курган 4, могила 2). Вообще же в могилах преимущественно встречаются фрагменты белых масок с красными узорами, так как среди погребенных по обряду труположения значительно преобладают женщины.

Анализ масок позволяет сделать еще одно важное наблюдение. Среди них есть раскрашенные или обновленные к моменту погребения. Известны случаи, когда краской были залиты щели уже растрескавшегося гипса. Одна из масок, по наблюдениям А. В. Адрианова, «сохраняла следы серьезной починки»¹⁰. Иными словами, подтверждается гипотеза о том, что мумии и маски изготовлялись задолго до погребения и к моменту похорон требовали иногда «ремонта».

По обряду трупосожжения хоронили только взрослых людей. Их число либо меньше, либо приблизительно соответствует количеству похороненных трупов. Лишь в одном могильнике трупосожжения преобладали над труположениями. Уже говорилось, что остатки сожжений, которые иногда называют «пеплом», помещали в манекены, своеобразные погребальные куклы. Их редко хоронили отдельно, значительно чаще — вместе с мумиями. Полностью сохранились две куклы с остатками кремаций, найденные Л. Р. Кызласовым, и фрагменты нескольких таких же кукол из раскопок А. В. Адрианова. Ознакомиться с куклами из новых раскопок не представилось возможным, поэтому наша информация основана на описях А. В. Адрианова.

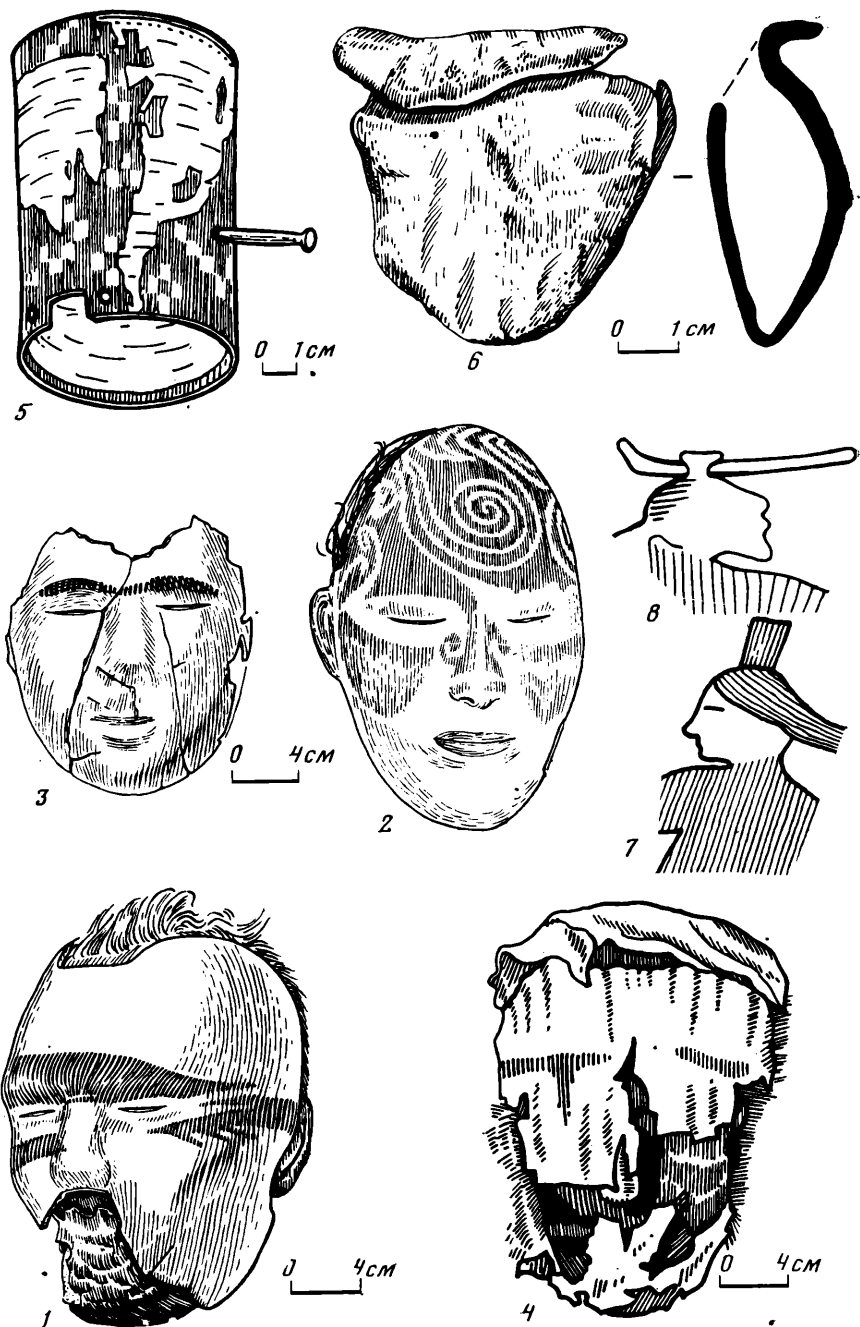

Рис. 1. Погребальные маски, куклы и головные уборы из погребений таштыкской культуры

1—3 — погребальные маски; 4 — голова погребальной куклы; 5, 6 — берестяной и кожаный колпачки для волос; 7, 8 — изображения берестяных и кожаных колпачков на головах персонажей тепсейских рисунков

Куклы изготовляли в рост человека разными способами. Иногда материалом служили комки твердой травы величиной в кулак. Комки складывали друг с другом по величине рук, ног и туловища и обшивали кожей. Куски кожи спиты из мелких лоскутков, на скорую руку, через край. Отдельно готовили руки, ноги, голову и туловище куклы, а затем их сшивали жилами и тонкими ремешками. Туловище одной из кукол

имело вид мешка, сшитого из овчины. По свидетельству А. В. Адрианова, оно было наполнено травой, а на дне «лежало несколько кусочков пережженных костей»¹¹.

Головы кукол изготавливали тщательнее, чем туловища. Сохранились целая голова одной куклы и фрагмент лица другой. Голова объемная, сделана из комков травы, на ней обозначены впадины глаз, рта, скулы; с лицевой стороны она была обшита кусочками кожи, соединенными мелкими аккуратными стежками. На лице пришиты брови и нос. Кожаное лицо закрыто тонкой красной шелковой тканью, которая на лбу была сшита с плотным трехцветным шелком, закрывавшим затылок; на красном шелке выше носа нарисована черная полоса (рис. 1, 4). На лобной части лица — кромка меховой шапки, сшитой из кусочков кожи в два слоя, мехом внутрь и наружу. Длина кромки 17 см, ширина — 4—5 см. Фрагмент лица другой куклы составляет кусочек кожи размерами 18×15 см с прорезью для глаза. На коже чуть заметны следы черной краски¹². Лицо одной из целых кукол, обнаруженных при раскопках Л. Р. Кызласова, было сшито из ткани, на которой темно-красной краской нарисованы брови, глаза, нос и рот. Кроме того, на этом лице, как и на других, обозначены поперечные полосы, как на мужской маске¹³.

«Прически» кукол разнообразны. На голову одной из них был надет человеческий скальп с волосами, у другой пришита подковообразно уложенная косичка, закрытая шелковым мешочком. От разрозненных кукол найдены два шелковых и два кожаных миниатюрных мешочка; в кожаных находились тоненькие косички и деревянные булавки.

Куклы были одеты, как люди: в штаны, куртки, шубы, сапожки, рукавицы, шапки.

Иногда куклы изготавливали из ткани, бересты, использовали и готовые шубы, куртки, штаны, которые набивали сухой травой. Видимо, от кукол, изготовленной таким способом, найдена часть спины шубы из белого овечьего меха с обоими рукавами, набитыми комками травы¹⁴.

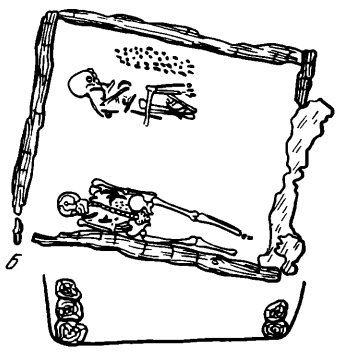
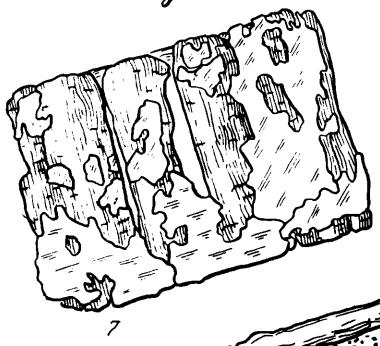
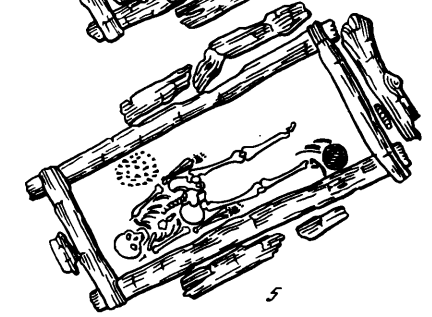
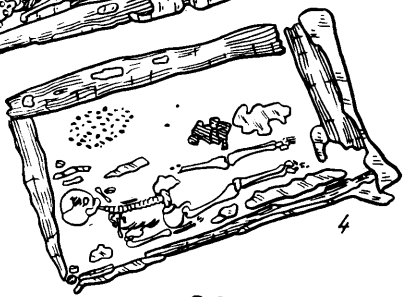
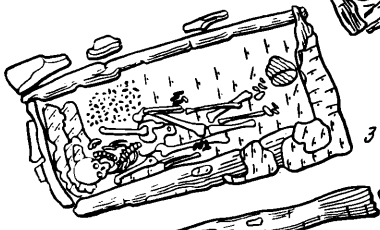
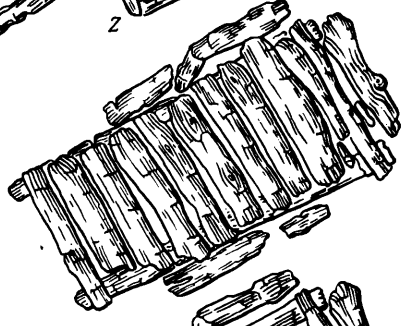
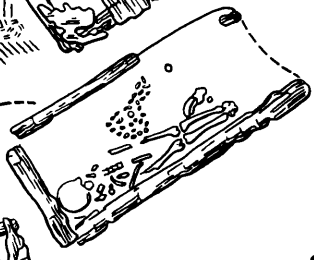
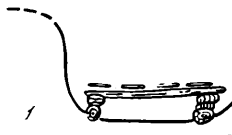
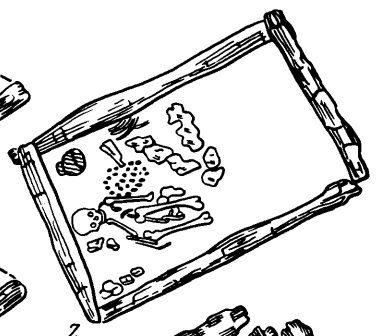
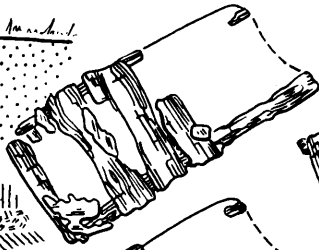
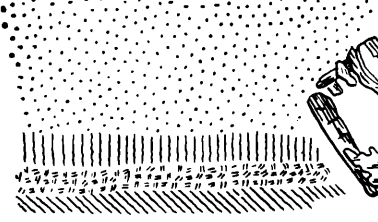
Достоверно известен лишь один случай, когда лицо куклы было покрыто маской (Оглахты, 1903 г., могила 2). Сейчас эта маска сохранилась в виде невыразительных фрагментов, но имеется ее подробное описание. Она состояла из двух крепко соединенных масок и с внутренней стороны напоминала блюдо с прорезями для носа, который был приделан с противоположной стороны. Лицо овальное, нескуластое, хотя и широкое; нос прямой, чуть вздернутый; рот небольшой, с тонкими губами; на лбу, правой щеке и виске имелись следы красной краски¹⁵. Из описания явствует, что маска передавала условное сходство с покойным, была окрашена и отличалась от вылепленных на мумиях, будучи грубее и толще.

Вернемся теперь к интересующему нас вопросу, кого же хоронили в таштыкских могильниках по обрядам трупоположения и трупосожжения.

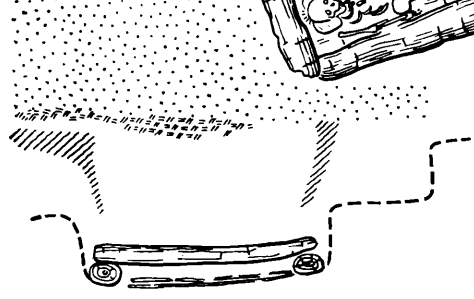
В анализируемых могилах по обрядам трупоположения захоронено 230 взрослых и подростков, из них определено: 111 — женщины, 15 — мужчины. В том, что подобное соотношение не случайно, убеждают два наиболее полно раскопанных могильника — Комарновая Песчаная и Мысок, где по обряду трупоположения были погребены только женщины и дети. Отсутствие мужских трупоположений можно объяснить лишь тем, что трупы мужчин кремировали. Таким образом, малочисленность или отсутствие мужских скелетов в таштыкских погребениях свидетельствует в пользу предположения Г. Ф. Дебеца, что большинство мужчин таштыкцы сжигали.

Это в определенной степени подтверждают остатки трупосожжений, содержащих, как правило, крупные (8—10 см) куски кальцинированных костей. Такой материал из трех могильников (Мысок, Новая Черная IV и V) был просмотрен М. П. Грязновым, а из могильника Комарновая Песчаная — М. П. Грязновым и Н. М. Ермоловой. Было установлено, что кальцинированные кости принадлежали только взрослым людям и в 20 случаях с большей вероятностью могут считаться остатками скелетов мужчин. Они были определены по фрагментам черепов и челюстей,

Handwritten text at the top left of the page.

Handwritten text at the bottom left of the page.

0 40cm

а в Комарновском могильнике, кроме того, на основании сравнения сожженных костных обломков с аналогичными костями целых скелетов.

Мужские трупосожжения похоронены следующим образом: в отдельной могиле; три совместно; с двумя женщинами; два сожжения и две женщины. Во всех остальных случаях кучка «пепла» сожженного трупа находилась вместе с женским скелетом. При анализе могил с этими парными захоронениями было обращено внимание на размещение остатков куклы с кальцинированными костями и женского скелета: кукла положена вдоль северной стенки сруба, а женщина — параллельно, но вдоль южной стенки. Обязательное помещение мужского трупосожжения в северной половине сруба или слева от женского скелета установлено и в коллективных могилах (рис. 2). Это дало основание полагать, что и в других могилах, где лежат «пепел» человека и скелет женщины, «пепел» принадлежит мужчине, так как всегда размещен у северной стенки сруба. По месту, занимаемому в срубe, многие трупосожжения могут рассматриваться как принадлежащие мужчинам.

Некоторые детали самих погребальных кукол в свою очередь позволяют считать их имитациями фигур мужчин: в частности, раскраска лица и детали прически. Уже отмечалось, что поперек лиц кукол нарисованы полосы, как на мужских масках. Особенно похожи оглахтинские находки: голова куклы, закрытая красным шелком с нарисованной черной полосой, и мужская красная гипсовая маска (рис. 1, 1, 4).

У таштыкских племен и женщины, и мужчины носили косы¹⁶. Женщины укладывали ее на макушке под берестяной колпачок-накосник. Такие накосники найдены у черепов в могилах, а один изображен на голове женщины, нарисованной на деревянной планке из тепсейского склепа (рис. 1, 7). У мужчин волосы на темени заплетались в товенькую косичку, которую прятали под шелковым или кожаным колпачком. Подобные колпачки-накосники изображены на головах воинов, нарисованных на тепсейских планках (рис. 1, 8). Отдельные мешочки с косичками от голов кукол найдены в самих могилах. В одном случае косичка сохранилась на голове куклы.

Если признать, что в грунтовых таштыкских могильниках по обряду трупосожжения хоронили мужчин, то, следовательно, в погребальных куклах нужно видеть имитацию именно умерших мужчин. Но тогда требуется объяснить, какую группу мужского населения кремировали, а какую (очень небольшую) — хоронили по обряду трупоположения, как и женщин.

Однородность могил и бедность инвентаря скрывают от нас социальные различия между мужчинами, погребенными по различным обрядам. Однако некоторые отличия в деталях обряда, носившие, видимо, этническую окраску, прослеживаются достаточно ясно. Напомним, что трупы мужчин, которые не подвергались сожжению, мумифицировали, как и женские, и лепили на их лицах гипсовые маски. Тот же способ мумифицирования, а также погребальные маски были известны тагарскому населению и, следовательно, имеют местные корни. Местной традицией можно считать и длительное хранение трупа до погребения.

С другой стороны, похоронные действия, связанные с сожжением покойников, у тагарцев неизвестны. Речь идет не только о сожжении трупа, но прежде всего о захоронении его праха в манекене, заменяющем покойника. Символические захоронения в виде чего-либо, заменяющего покойника, были известны в позднескифское время на Алтае (одежда)¹⁷, в Туве («портрет»)¹⁸, у хунну в Монголии (косы)¹⁹. Очевидно, корни обычая сооружать кенотафы и изготавливать какие-либо имитации умерших следует искать не в Сибири, а в Центральной Азии.

Рис. 2. Таштыкские могилы с остатками мужских трупосожжений и женских трупоположений

1—6 — могильник Комарновская Песчаная, могилы 17, 18, 11, 14, 9, 16; 7 — могильник Новая Черная V, могила 1; 8 — могильник Мысок, могила 17

Имеются и другие различия в деталях ритуалов, соблюдаемых для захоронения кукол и труположений. В частности, при труположениях сосуды ставили в ногах покойного, а при захоронении куклы — как в ногах, так и в головах; в некоторых районах мясную пищу клали не во все погребения, а только при захоронении кукол. Обращает на себя внимание, что женщины и мужчины, погребенные по обряду труположения, имеют один и тот же антропологический тип, близкий к тагарскому. Г. Ф. Дебец высказал мнение, что в таштыкскую эпоху на Енисей проникли представители монголоидной расы, смешавшиеся с автохтонным европеоидным населением²⁰. Это мнение основано на анализе погребальных масок из более поздних склепов. Эти маски отражают наличие среди таштыкского населения не только европеоидов и монголоидов, но и смешанного типа, появившегося в результате ассимиляции монголоидами местного европеоидного населения²¹. Значит, представители монголоидной расы проникли на Енисей раньше и могли быть похоронены на ранних таштыкских кладбищах.

Принципиальное отличие таштыкских могильников от тагарских не вызывает сомнения. В таштыкскую эпоху была нарушена многовековая традиция сооружения обширные полые камеры, воздвигаемые над ними громоздкие конструкции из бревен, камня и дерна, окружая их оградями. Таштыкские могилы — это глубокие ямы, на дне которых поставлены низкие срубы под крышами, напоминающие гробы. Они засыпались доверху землей и практически не обозначались на поверхности. Облик могильников и погребальных конструкций такого рода характерен для хуннского времени и в других районах Азии. Туда же ведут новые элементы, проявившиеся в похоронной практике и материальной культуре таштыкцев: мертвым подсыпают в могилы зерна проса, кладут один—три ритуальных астрагала. Изменяется состав мясной пищи для умерших: вместо разных кусков говядины — два-три определенных куска баранины. Распространяется обычай положения в могилы не только моделей оружия, но и конской сбруи. Совершались не только похоронные трапезы, но и поминки, для чего оставляли еду перед обелиском. Появляется мода носить серьгу, пояса с застежками и пряжками, закалывать волосы булавками. Все это не было известно тагарцам, но являлось обычным для их южных соседей, живших на территории нынешних Монголии, Забайкалья и Тувы. Наиболее устойчивой оказалась тагарская керамическая традиция, однако среди местных форм сосудов появляются новые (сферической формы) с неизвестными ранее орнаментами (валики, спирали, арки). Иными словами, хотя в таштыкских могильниках похоронены представители разных этносов, могильники эти по всем признакам принадлежат иной этнической группе, чем тагарские.

Конечно, многие совпадения в погребальной обрядности, форме вещей, покрое одежды, моде можно объяснить и культурными связями между разными народами азиатских степей. Однако прослеживается одностороннее влияние хунну на племена среднего Енисея. С одной стороны, ничего «таштыкского» в памятниках хунну не найдено. С другой стороны, чисто таштыкским изделиям — костяным булавкам, пластинчатым амулетам, застежкам, серьгам — находят прототипы в памятниках хунну в Забайкалье²².

Вероятность генетических связей между хунну и новым сибирским населением таштыкской эпохи усиливается еще одним интересным моментом. Известно, что у хунну левая сторона считалась наиболее почетной: серьгу носили на левом ухе; старшую супругу делали «левой»; левая сторона в юрте считалась мужской, а правая — женской и т. д.²³ Напомним, что при четком размещении двух покойников в парных таштыкских могилах женщина всегда лежит справа от куклы, изображающей мужчину, и наоборот, — мужчина всегда занимает левую половину сруба. То же правило соблюдается в малых коллективных могилах. При этом неоднократно вместе с куклой-мужчиной положена полуразложившаяся мумия женщины, от которой остались только кости и череп²⁴. Значит, захороне-

ния женщин приурочивали к моменту погребения мужчины. В этом, видимо, проявлялся их неравный общественный статус, который подчеркивается тем, что мужчина в гробнице занимает более почетное место — ее левую половину.

Очевидно, целесообразно объединить два мнения об интерпретации таштыкского обряда трупосожжения, имеющиеся в литературе, в одну гипотезу, согласно которой по этому обряду хоронили мужчин, но не местных, а иноземцев, культура которых была похожа на культуру хунну. Разумеется, не исключено, что здесь играли роль и более сложные мифологические представления.

¹ *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, 1929, т. IV, вып. 2, с. 54; *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха. М., 1960, с. 78.

² *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР.— В кн.: Тр. ИЭ. М., 1948, т. IV, с. 129.

³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, 9, с. 222.

⁴ *Адрианов А. В.* Оглахтинской могильник.— Иллюстр. прилож. к газ. «Сибирская жизнь», 1903, № 254.

⁵ *Вадецкая Э. Б.* Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 173—183.

⁶ *Коваленко Т.* Реставрация гипсовых погребальных масок— АСГЭ, 1972, вып. 35, с. 78, 79, рис. 78.

⁷ Архив МАЭС, д. 55, л. 13.

⁸ *Frozentombs G.* The culture and art of the ancient tribes of Siberia the tashtyuk culture. London, 1978, fig. 136.

⁹ *Кызласов Л. Р.* Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? — В кн.: Наука и жизнь, 1969, № 2, рис. на с. 97.

¹⁰ *Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник..., с. 2.

¹¹ Архив МАЭС, д. 55, кол. 24, № 72.

¹² Архив МАЭС, д. 55, кол. 24, № 90.

¹³ *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1969 г. (предвари-

тельное сообщение).— В кн.: Уч. зап. ХНИИЯЛИ. Абакан, 1971, вып. XVI, № 3, с. 175.

¹⁴ Архив МАЭС, д. 55, кол. 24, № 80.

¹⁵ Архив МАЭС, д. 55, кол. 24, № 69.

¹⁶ Подробнее см.: *Вадецкая Э. Б.* Таштыкские наконечники и прически.— КСИА, 1985, 184.

¹⁷ *Кубарев В. Д.* Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 46.

¹⁸ *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. Л., 1980, с. 76.

¹⁹ *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

²⁰ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР, с. 134.

²¹ *Киселев С. В.* Древняя история..., с. 315.

²² *Davydova A. V.* The Ivolga goroditsche.— ААН, 1968, т. XX, fasc. 1—4, p. 20, fig. 14, 5, 7; 18, 34—37; *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье: Погребальные памятники. Улан-Удэ, 1976, с. 3, 8, 20.

²³ *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 78; *Руденко С. И.* Культура хуннов..., с. 30.

²⁴ *Вадецкая Э. Б.* Черты погребальной обрядности..., с. 178, рис. 4, 1, 3—6.

Ю. А. КРАСНОВ

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ ХУННУ

Ведущей отраслью хозяйства хунну было типичное кочевое скотоводство¹. Однако, как и в любом кочевом обществе, у них имел место земледельческий уклад, особенно ярко выступавший в тот период, для которого многие исследователи предполагают существование у хунну раннеклассового государства. Китайские источники I в. до н. э.— I в. н. э., подчеркивая роль кочевого скотоводства как основного занятия хунну, констатируют тем не менее наличие в их землях постоянных поселений земледельческого облика и полей, на которых высевались просо и «хлеб»². Археологическими примерами таких поселений, жители которых могли заниматься и земледелием, являются Иволгинское городище, поселение у с. Дурены, городище на р. Джиде и ряд других³. Многие исследователи не без оснований связывают с хуннским временем по крайней мере часть довольно примитивных оросительных сооружений, следы которых извест-

ны в Забайкалье⁴. Археологические находки свидетельствуют о знакомстве хунну с культурой проса, ячменя и карликовой пшеницы⁵.

Конечно, роль земледелия у хунну нельзя преувеличивать. Она была, несомненно, ограниченной, причем этой отраслью хозяйства занимались далеко не повсеместно. Большую часть необходимых продуктов земледелия хунну получали из соседних областей, в частности — в виде дани⁶.

Земледелием у хунну могли заниматься пленники из Китая и восточных районов Средней Азии, а также разорившиеся хунну, вынужденные оседать на землю⁷. Во всяком случае некоторые письменные источники позволяют предполагать, что технология земледелия была знакома и самим хунну⁸.

Земледелие у хунну велось с применением упряжных пахотных орудий. Китайские хроники, например, неоднократно подчеркивают, что хуннские поля были «пахотными». Кроме косвенных указаний письменных источников, о пашенном земледелии убедительно свидетельствуют наконечник пахотного орудия, обнаруженный в жилище 14 Иволгинского городища, а также случайно найденные в разных районах Прибайкалья аналогичные наконечники, по крайней мере часть которых может быть отнесена к хуннскому времени⁹.

Однако реконструкция пахотных орудий хунну по существу не привлекала внимания исследователей. А. В. Давыдова и В. П. Шилов писали по этому поводу: «Реконструкция плуга гуннов пока что невозможна из-за отсутствия для этого материалов... По-видимому, этот плуг напоминал по конструкции китайскую деревянную соху, употребляемую еще и в настоящее время»¹⁰. Между тем, обоснованная реконструкция хуннских пахотных орудий может дать значительную информацию как о технических возможностях древних земледельцев Прибайкалья, так и об истоках пашенного земледелия в обширных районах юга Сибири.

Исходным пунктом такой реконструкции должны являться, конечно, рабочие наконечники хуннских пахотных орудий (рис. 1). Все они, в отличие от синхронных и более поздних европейских, сделаны из чугуна. Весьма вероятно, что такие наконечники могли изготавливаться на месте: об этом говорят, в частности, находка формы для их отливки близ пос. Солдатовское в Забайкалье и следы выплавки чугуна на Иволгинском городище¹¹. Форма наконечников специфична, напоминает форму топоров-кельтов и может быть сопоставлена с асимметричным полым клином. Это обстоятельство также отличает хуннские наконечники от европейских и может свидетельствовать о совершенно иных традициях в их изготовлении.

Наконечник из жилища 14 Иволгинского городища (рис. 1, 1) имеет длину 11 см, наибольшую ширину 8 см, наибольшую высоту 3,5 см. В продольном сечении он клиновидный, причем основанием клина является гладкая и ровная нижняя сторона. В поперечном сечении наконечник трапецевидный; открытая задняя грань его скошена вперед. При переходе боковых граней в нижнюю эта последняя образует спереди и с боков характерный выступ, своего рода «крылья» шириной 0,5—0,8 см. Они сильно стертые и попорчены коррозией. У перехода боковых граней в верхнюю имеются слабовидные валики. Такие же валики, возможно, усиливавшие прочность наконечника, есть посредине верхней грани и по краю задней стороны. Рабочий конец в плане лишь слегка закруглен. На верхней и нижней гранях, на расстоянии около $\frac{1}{3}$ длины от заднего конца наконечника, сделаны отверстия трапецевидной формы размерами $1,2 \times 1,8 \times 0,6$ см. Оси их практически совпадают.

Другие наконечники из Забайкалья имеют длину от 7,5 до 14 см, наибольшую ширину от 7,5 до 12 см, наибольшую высоту от 3 до 5,5 см, ширину «крыльев» до 1,5 см. Некоторые из них отличаются от иволгинского полукруглым поперечным сечением (рис. 1, 2), большей закругленностью рабочего конца (рис. 1, 3), расположением отверстий в верхней и нижней гранях ближе к заднему концу, отсутствием валиков (рис. 1, 2). У некоторых же экземпляров валики бывают и на задней части нижней

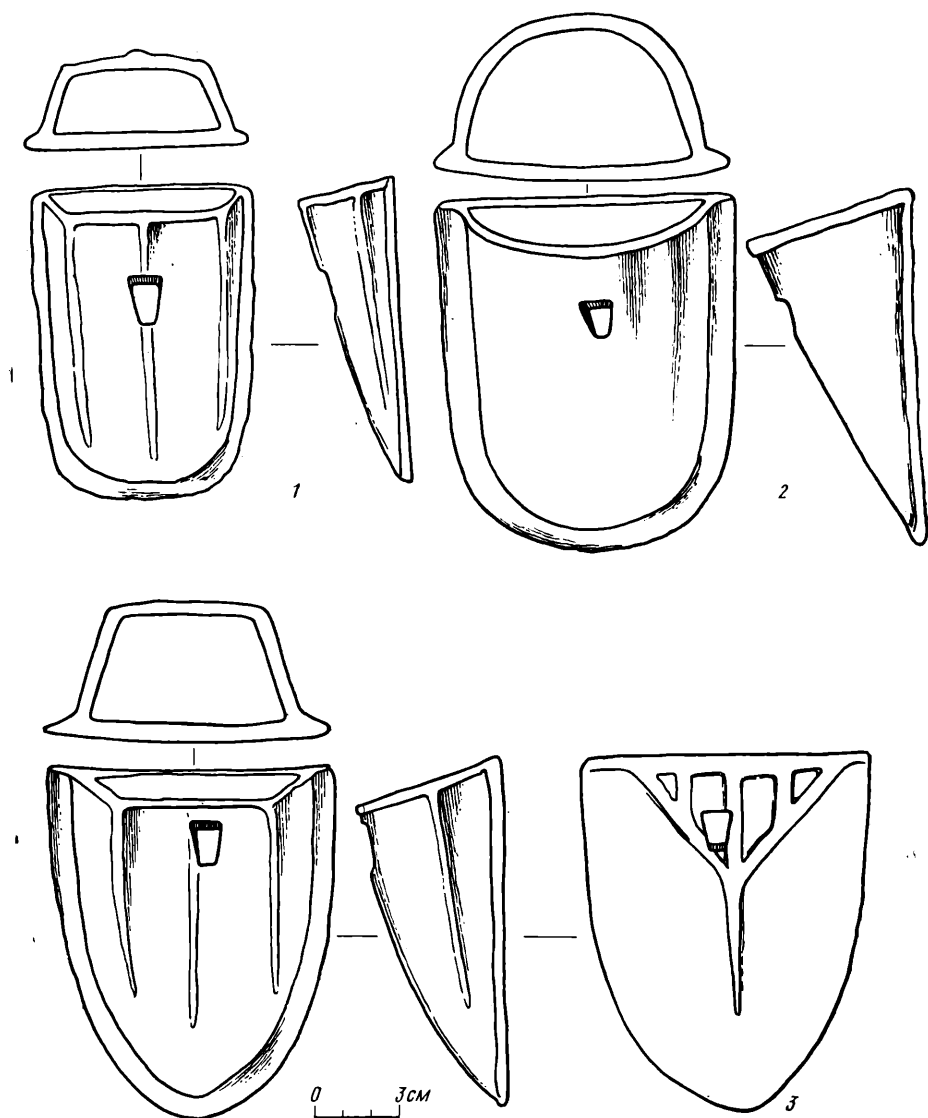

Рис. 1. Наконечники пахотных орудий хунну

1 — Иволгинское городище; 2, 3 — окрестности пос. Средние Суджи (случайные находки из собрания Кяхтинского музея)

грани (рис. 1, 3). Есть среди случайных находок и полные аналогии иволгинскому наконечнику. Анализ характерных черт рассматриваемых наконечников позволяет сделать некоторые выводы об устройстве самих пахотных орудий, для которых они предназначались.

Симметричность наконечников в плане при отсутствии каких-либо данных о существовании в рассматриваемый период односторонних отвалов во всей ойкумене пашенного земледелия позволяет считать пахотные орудия хунну ралами, т. е. орудиями, предназначенными для симметричной вспашки, при которой поднятая земля равномерно раздвигается по обе стороны орудия. В пользу этого говорят и размеры орудий: ширина их деревянной рабочей части спереди составляла, судя по внутренней ширине наконечников в задней части, не более 5—9 см. Это вполне соответствует ширине деревянной рабочей части именно рал, хорошо изученных по европейским археологическим материалам¹². Следовательно, иволгинский и аналогичные ему наконечники из случайных находок нужно называть наральниками, а соответствующие им орудия — ралами.

Очевидно, что хуннские рала имели близкое к горизонтальному положение рабочей части, т. е. относились к орудиям с полозом: об этом говорят асимметричность их продольного сечения и наличие у нижних граней своеобразных «крыльев», подрезающих пласт земли снизу. Те же обстоятельства свидетельствуют, что полоз этих орудий имел в продольном сечении форму клина и был довольно высоким: ведь форма наконечников в данном случае точно повторяет форму переднего конца полоза, на которую наконечник надевался. Положение полоза при работе было, по-видимому, все-таки не вполне горизонтальным: об этом говорят большая стертость нижней грани наконечников в передней части и то обстоятельство, что валки в задней части нижней грани, имеющиеся у некоторых из них, не стерлись до конца. Это могло получиться лишь при условии, что рало с полозом двигалось в борозде, несколько приподняв пяту (т. е. заднюю часть) полоза. Механика работы пахотных орудий свидетельствует, что такое положение могло быть у рал с коротким полозом, относительно коротким грядилом (т. е. приспособлением для припрягания тягловых животных) и сравнительно высоким местом приложения тяговой силы.

При публикации хуннских наконечников была высказана мысль, что отверстия в их верхней и нижней гранях предназначались для закрепления чеки, препятствующей спаданию наконечника с деревянной рабочей части орудия¹³. Полностью отрицать такое объяснение вряд ли возможно. Однако этнографические материалы не знают подобных примеров: металлические наконечники удерживаются на конце полоза прежде всего давлением земли на рабочую часть орудия. Это делает маловероятным необходимость специальной чеки для закрепления наконечника и у хуннских рал. Поэтому представляется более правомерным иное объяснение: рассматриваемые отверстия могли предназначаться для закрепления между полозом и грядилом нижнего конца стойки, которая, судя по многочисленным этнографическим и древним иконографическим материалам, устанавливалась нижним концом обычно в середине или передней трети полоза. При этом последнее расположение наиболее характерно для азиатских пахотных орудий¹⁴.

Если верно предположение, что хуннские рала имели стойку, это позволяет сделать несколько весьма важных для нас выводов. Во-первых, при расположении стойки в передней трети полоза оказывается, что этот последний у хуннских рал имел весьма небольшую длину — около 30—40 см. Это по существу минимальные размеры рассматриваемой детали, зафиксированные этнографическими данными. Поэтому версию о расположении стойки в средней части полоза следует отбросить: в этом случае полоз окажется значительно меньших размеров, что невероятно. Во-вторых, небольшие размеры отверстий для стойки наводят на мысль, что она либо была металлической, либо изготовлялась из особо прочного дерева. Третий вывод весьма важен для реконструкции основной схемы устройства хуннских рал. Дело в том, что стойка между рабочей частью и грядилом, предназначавшаяся для придания жесткости орудию в целом и регулирования глубины вспашки, свойственна не всем разновидностям пахотных орудий. Весьма представительный древний иконографический материал из различных районов ойкумены пашенного земледелия¹⁵ свидетельствует, что стойка часто встречалась лишь у пахотных орудий рукояточной конструкции, т. е. таких, у которых основа изготовлялась из цельной детали, сочетавшей функции рукояти и рабочей части, а грядило было приставной деталью (рис. 2, 1). Это дает основания предполагать, что рала хунну имели рукояточную конструкцию.

Отметим, наконец, что хуннские рала, судя по размерам их наконечников, могли проводить борозды шириной 8—12 см при несколько меньшей глубине: глубина борозд, проводимых пахотным орудием, всегда меньше их ширины; оптимальным свойством считается соотношение 3:5. Они производили, таким образом, лишь поверхностную вспашку. Такие орудия не могли обеспечить успешную обработку земли в условиях па-

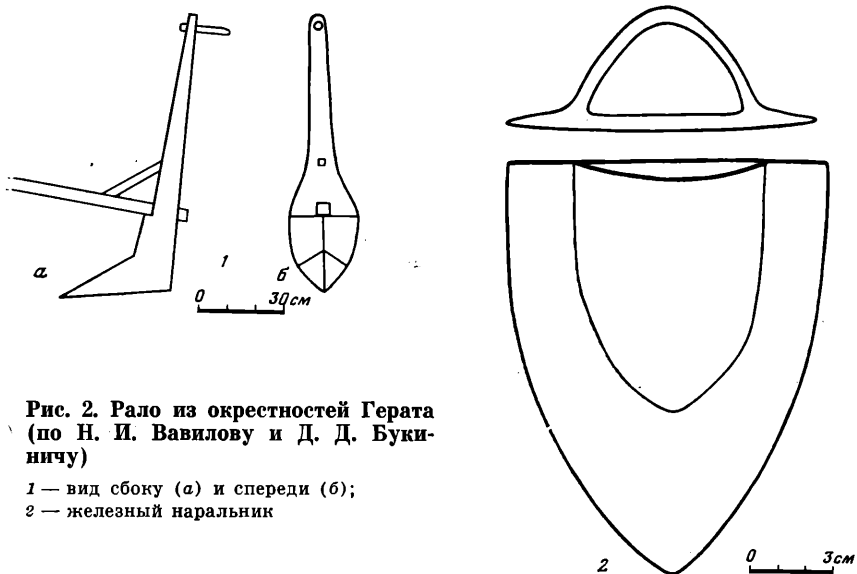

Рис. 2. Рало из окрестностей Герата
(по Н. И. Вавилову и Д. Д. Букин-
ничу)

1 — вид сбоку (а) и спереди (б);
2 — железный наральник

ровой системы земледелия и применялись, очевидно, только при экстенсивных системах — залежи или долгосрочном перелого.

Приведенные соображения весьма важны для реконструкции пахотных орудий хунну, однако нуждаются в дальнейшей проверке и детализации. Здесь важно привлечение этнографических материалов.

Прежде всего попытаемся выяснить, сохранились ли до недавнего прошлого наральники, аналогичные или близкие по основным чертам устройства хуннским, и каким именно орудиям они соответствовали. Ответ на эти вопросы серьезно затруднен тем обстоятельством, что даже в специальных работах, посвященных описанию народных пахотных орудий того или иного региона, характеристике их рабочих наконечников уделяется совершенно недостаточное внимание. И уж совсем редки чертежи таких наконечников.

Одним из немногих исключений является работа Н. И. Вавилова и Д. Д. Букиннича «Земледельческий Афганистан», где, в частности, приведены чертежи рала, виденного ими в окрестностях Герата, и его железного наконечника¹⁶.

Наконечник рала из окрестностей Герата (рис. 2, 2) чрезвычайно близок по основным чертам устройства к интересующим нас «археологическим» наконечникам: здесь имеется такая же нижняя грань с «крыльями»; поперечное сечение наконечника близко к полукругности, как и у ряда наральников, приписываемых хунну; в продольном сечении он имеет ту же форму высокого несимметричного клина: наблюдается тот же скос вперед задней открытой грани. Длина гератского наральника около 15 см, наибольшая ширина — около 12 см, наибольшая высота — около 5 см. Внутренняя ширина втулки у заднего конца наконечника составляет 6 см. От хуннских наральников гератский отличается, во-первых, материалом — он изготовлен из железа; во-вторых, несколько большей шириной «крыльев» — около 2,5 см по бокам и до 5 см в передней части; в-третьих, отсутствием отверстий в верхней и нижней гранях. Тем не менее, важнейшие специфические черты формы одни и те же, а размеры вполне сопоставимы.

Устройство гератского рала, для которого предназначался рассматриваемый наконечник, было достаточно простым (рис. 2, 1). Основу орудия составляла цельная, коленообразно изогнутая конструкция рукоять-рального, верхняя часть которой образовывала рукоять длиной около 0,7 м, а нижняя — полоз длиной не более 0,35 м, клиновидный в продольном и треугольный в поперечном сечении. Самый конец полоза, на который надевался железный наконечник, имел поперечное сечение, близкое к полу-

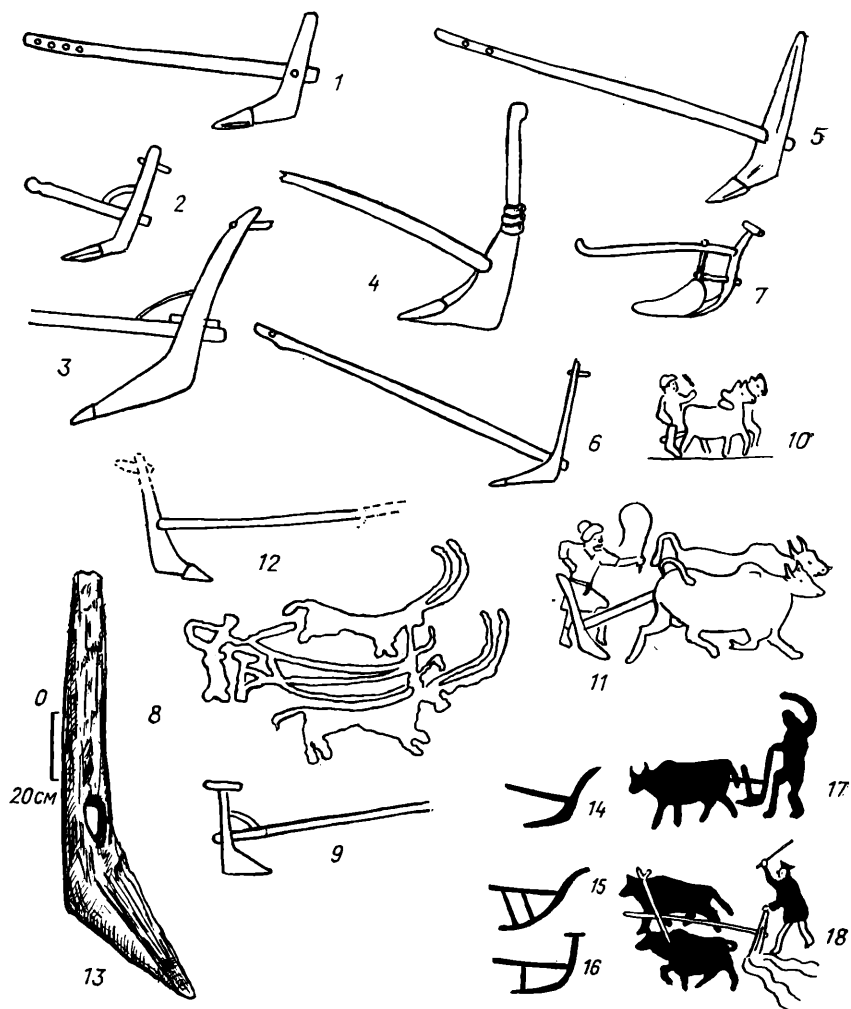

Рис. 3. Азиатские однорукояточные прямогрядильные рала по этнографическим (1—7), древним и средневековым иконографическим (8—12, 14—18) и археологическим (13) материалам

1 — Центральная Азия (по Э. Верту); 2 — Южная Сибирь (по Г. Шевалье); 3 — восточный Казахстан (по П. Лезеру); 4 — Таджикистан (по Н. И. Вавилову и Д. Д. Букиничу); 5, 6 — Афганистан (по Э. Верту); 7 — Китай (по П. Лезеру); 8 — изображение пахоты среди наскальных изображений Сеймалы-Таш (по А. Н. Бернштаму); 9 — опыт реконструкции рала по наскальным рисункам Сеймалы-Таш; 10 — сцена пахоты на стеле из Будгойя (по А. Одрикуру и М. Деламарру); 11 — сцена пахоты с персидского рисунка XVI в. (по А. Одрикуру и М. Деламарру); 12 — пахотное орудие в росписи крепости Базаклык в Восточном Туркестане, X в. (по Э. Верту); 13 — рало из Ак-Бешима (по Л. Р. Кызласову); 14—16 — изображения пахотных орудий на гадательных костях из Аньяна (по Б. Брентъесу); 17, 18 — сцены пахоты по китайским рисункам эпохи Хань (по А. Салонену)

окружности. В верхней части конструкции рукоять-ральник были проделаны три отверстия. Нижнее, располагавшееся в нижней трети высоты рукояти, предназначалось для крепления заднего конца относительно короткого (не более 2,5 м) грядиля, закреплявшегося в этом отверстии клиньями. Немного выше располагалось отверстие для планки, соединявшей рукоятку и грядиль и заменявшей стойку. В верхнее отверстие, выступая назад, вставлялся держак, за который пахарь управлял орудием. По описанию Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, такое рало двигалось в борозде, немного приподняв пята полоза, что можно предполагать и для хуннских рал. Такие рала по основным особенностям их конструкции принято называть однорукояточными прямогрядильными с полозом¹⁷.

Железные или чугунные наральники, характерными чертами которых были форма асимметричного полого клина и наличие «крыльев» у нижней грани, применялись земледельческим населением других районов Афганистана¹⁸, узбеками, таджиками, каракалпаками, киргизами и некоторыми другими народами Средней Азии¹⁹, киргизским и уйгурским населением Синьцзяна (рис. 3, 1, 3—6)²⁰. Такие же наконечники в XVIII — начале XIX в. имели рала некоторых народов Южной Сибири, знакомых с примитивным пашенным земледелием (рис. 3, 2)²¹. Близки по устройству наконечники монгольских пахотных орудий, называемые айдысами. Важно отметить, что все пахотные орудия с подобными наконечниками по общей схеме конструкции принадлежали к одному и тому же типу однорукояточных прямогрязильных рал с коротким клиновидным полозом, хотя и носили различные местные наименования. В большинстве случаев они были без стойки между полозом и грядилом, но иногда такая стойка имела.

Прослеживаемая в этнографическом материале полная корреляция наральников, близких к хуннским, с однорукояточными прямогрязильными ралами, имевшими короткий полоз, вряд ли случайна. Она может рассматриваться как определенная закономерность и служит еще одним важным аргументом в пользу реконструкции пахотных орудий хунну именно как рал такой конструкции.

Для нашей цели важно также следующее обстоятельство. По этнографическим данным²² ареал однорукояточных прямогрязильных рал в Азии огромен (рис. 4). Они были известны на всей территории Средней Азии, в Афганистане, Синьцзяне, Пакистане, Индии, Непале, в прилегающих к

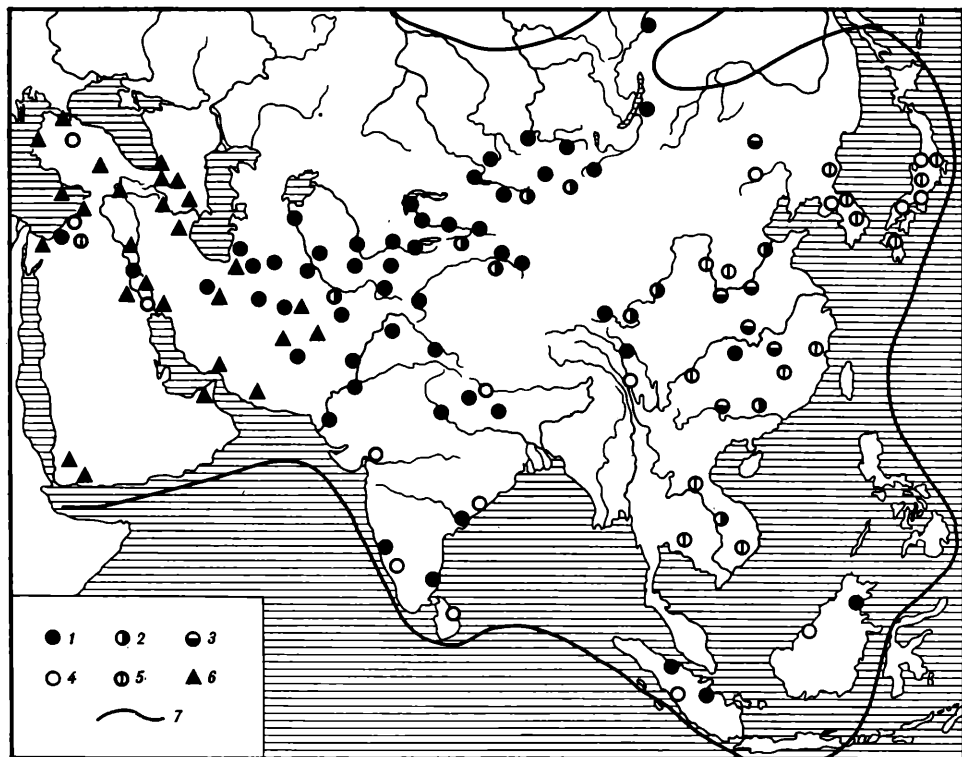

Рис. 4. Распространение однорукояточных прямогрязильных рал в Азии по этнографическим материалам

1 — однорукояточные прямогрязильные рала с коротким полозом и без стойки; 2 — то же со стойкой; 3 — однорукояточные рала с искривленным грядилом и стойкой, генетически связанные с однорукояточными прямогрязильными; 4 — однорукояточные прямогрязильные рала без полоза и стойки; 5 — однорукояточные прямогрязильные рала без полоза со стойкой; 6 — другие типы пахотных орудий; 7 — границы распространения пашенного земледелия к середине XIX в.

границам Афганистана районах Ирана. За исключением Ирана и Афганистана, во всех этих районах такие рала были единственными типами пахотных орудий. Также единственным типом были они у алтайцев, тувинцев и других народов юга Сибири, знавших пашенное земледелие до распространения здесь русских пахотных орудий. Последнее обстоятельство для нас особенно важно. Такие же по основной схеме конструкции рала применялись в Монголии, причем и здесь иные типы пахотных орудий известны не были. Китайские пахотные орудия также в своем большинстве относятся к одорукояточным прямогрязильным ралам или могут рассматриваться как генетически с ними связанные. Однако они нередко имели рабочую часть, поставленную под некоторым углом к почве; чаще, чем в других районах азиатского региона, они снабжались стойкой между рабочей частью и грязилем (рис. 3, 7). Пахотные орудия Юго-Восточной Азии по устройству своего корпуса оказываются чрезвычайно близкими к китайским. Применение одорукояточных прямогрязильных рал с коротким клиновидным полозом тяготеет, по этим данным, к северным границам азиатской ойкумены пашенного земледелия.

Если мы обратимся к немногочисленным древним и средневековым иконографическим материалам о пахотных орудиях рассматриваемой территории, то они будут свидетельствовать о бытовании только одорукояточных прямогрязильных рал. Такие орудия, например, изображены на сценах пахоты среди наскальных рисунков Сеймалы-Таш в Фергане (рис. 3, 8, 9), относящихся к эпохе бронзы, скорее всего ко II тысячелетию до н. э.²³; на гадательных костях из Аньяна в Китае (рис. 3, 14—16), датированных эпохой Шань-Инь, расцветом китайской бронзы (XIV—XII вв. до н. э.)²⁴. Одорукояточное прямогрязильное рало с коротким полозом и без стойки изображено на стеле из Будгойя в Пакистане (рис. 3, 10), относящейся к III—I вв. до н. э.²⁵ Такие же рала, но со стойкой (рис. 3, 17, 18) нередки на китайских рисунках эпохи Хань (II в. до н. э.—II в. н. э.)²⁶. Более поздние изображения пахотных орудий из этих районов (рис. 3, 11, 12) также свидетельствуют о применении только одорукояточных прямогрязильных рал²⁷. Единственная археологическая находка подлинного пахотного орудия на рассматриваемой территории, сделанная при раскопках городища Ак-Бешим в северной Киргизии и относящаяся к VIII в. н. э.²⁸, представляет собой конструкцию рукоять-ральник от одорукояточного прямогрязильного рала с коротким клиновидным полозом и без стойки. Судя по следам на конце рабочей части, это орудие было снабжено металлическим наральником (рис. 3, 13).

Все это позволяет утверждать, что одорукояточные прямогрязильные рала с коротким полозом были древнейшими и в течение длительного времени единственными пахотными орудиями на огромной территории северной части ойкумены пашенного земледелия в Азии и применялись от Средней Азии и Индии на западе до Тихого океана на востоке. В этот обширный регион входили земли хунну, внутри него простирались их культурные связи. В пределах этого региона находится и предполагаемый центр формирования одорукояточных прямогрязильных рал, охватывающий юг Средней Азии и прилегающие районы Индии и Пакистана²⁹.

Таким образом, анализ устройства наральников из земель хунну, этнографические и древние иконографические материалы позволяют с большой вероятностью реконструировать пахотные орудия хунну как одорукояточные прямогрязильные рала с коротким клиновидным полозом, коротким грязилем, возможно, стойкой, крепившейся нижним концом в передней трети полоза. Такие орудия обычно применялись в упряжке из пары быков или волов в ярме. Предполагать, что хунну были знакомы с каким-то иным типом рал, не нашедшим отражения ни в древнем иконографическом, ни в этнографическом материале, вряд ли возможно.

Анализ реконструируемых пахотных орудий хунну в культурно-историческом плане выходит за рамки поставленной в статье задачи. Отметим лишь, что предположение о появлении пахотных орудий у хунну под

китайским влиянием вряд ли может быть безоговорочно принято. Действительно, рала такой конструкции, как мы пытались показать выше, применялись на огромной территории и возникли не в Китае. Этнографические, иконографические и археологические свидетельства о применении наральных, аналогичных или близких хунским, на территории собственно Китая нам неизвестны, на что уже указывали А. В. Давыдова и В. П. Шилов³⁰.

- ¹ *Таскин В. С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам.— В кн.: Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- ² *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 76, 78, 83—84, 106, *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968, вып. 1, с. 24, 121.
- ³ *Davydova A. V.* The Ivolga goroditsche.— ААН, 1968, т. XX, fasc. 1—4; *Давыдова А. В.* К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну.— КСИА, 1978, 154.
- ⁴ *Кельберг П. А.* Поливные поля в Забайкальском крае.— В кн.: Зап. РГО, 1861, т. I, с. 180 сл.; *Лопатин И. А.* Краткий отчет о действиях Битимской экспедиции в 1865 г.— В кн.: Зап. Западно-Сибирского отд. РГО, 1867, т. IX/X с. 509; *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии у гуннов.— ВДИ, 1953, № 2, с. 199, 200.
- ⁵ *Сосновский Г. П.* Раскопки в Ильмовой пади.— СА, 1946, т. VIII, с. 65; *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 193; *Davydova A. V.* The Ivolga goroditsche, p. 239.
- ⁶ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1, с. 60, 76, 90, 91, 201.
- ⁷ *Грум-Гржимайло Е. Г.* Западная Монголия и Урянайский край. Л., 1926, т. II, с. 90; *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 200, 201.
- ⁸ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., т. 1, с. 83, 84.
- ⁹ *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 195—198. По подсчетам А. В. Давыдовой в Забайкалье известно 29 наконечников пахотных орудий, которые можно отнести к хунскому времени. Из них 21 обнаружен при сборах на территории поселений у с. Дурены и в его ближайших окрестностях. О случайных находках подобных наконечников см. также: *Соловцов П. А.* О забайкальских достопримечательностях.— В кн.: Сибирский вестник. СПб., 1821, ч. XV, с. 25, сл.
- ¹⁰ *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 197.
- ¹¹ См. об этом: *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии... с. 197, 198.
- ¹² *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4, с. 103, 106, 107, 109—112; *Он же.* Древние и средневековые рала Восточной Европы.— СА, 1982, № 3, с. 68—72.
- ¹³ *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 195, 197.
- ¹⁴ См., например: *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, Fig. 238; 242; 245; 247; 271; *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug. Ludwigsburg, 1954, Fig. 69; *Стариков В. С.* Манчжурская разновидность дальневосточного плуга.— В кн.: Сб. МАЭ. Л., 1956, т. XXIII, с. 6; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, рис. 21, 2—4.
- ¹⁵ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия.
- ¹⁶ *Вавилов Н. И., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан. Л., 1929, рис. 132.
- ¹⁷ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 29, 30.
- ¹⁸ *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug, Fig. 202, 204.
- ¹⁹ *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pfluges, Fig. 218; Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М., 1960, с. 186, 207, 234, 257.
- ²⁰ *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug, Fig. 62; *Абрамзон С. М.* Киргизское население Сынцзян-Уйгурской автономной области Китайской народной республики.— В кн.: Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959, т. II, с. 343.
- ²¹ *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug, Fig. 63.
- ²² Краткую сводку этих материалов с указанием важнейшей литературы см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 78—80, рис. 22—24.
- ²³ *Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Сеймалы-Таш.— СЭ, 1952, № 2, рис. 5. Опыт интерпретации рисунков и реконструкции по ним типа пахотных орудий см.: *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы.— СА, 1971, № 2, с. 57; *Он же.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 71, 72.
- ²⁴ *Brentjes B.* Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges.— WZ, 1952—1953, Bd 1, Jg II, H. 2, Fig. 1; 2; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 75, 76, рис. 21, 1—3.
- ²⁵ *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue à travers le monde. Paris, 1955, p. 83, 84, fig. 18.
- ²⁶ *Salonen A.* Agricultura mesopotamica nach šumerisch-akkadische Quellen. Helsinki, 1968, Taf. XLIII, 1—3.
- ²⁷ См., например: *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug, Fig. 60; *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue..., tab. IX, 39.

²⁸ *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— В кн.: Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959, т. II, с. 202, рис. 37.

²⁹ *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 83—86.

³⁰ *Давыдова А. В., Шилов В. П.* К вопросу о земледелии..., с. 198.

А. М. ОБЛОМСКИЙ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ФИБУЛ С ТРЕУГОЛЬНЫМ ЩИТКОМ НА НОЖКЕ (ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЗАРУБИНЕЦКИХ)

Хронология фибул с треугольным щитком на ножке, составляющих наиболее массовую категорию фибул зарубинецкой культуры, во многом зависит от точности их классификации. Существуют две типологические схемы, предложенные А. К. Амброзом и Ю. В. Кухаренко. В них выделяется по пять конечных разрядов, однако состав последних не всегда совпадает¹. В основу обеих классификаций положены, тем не менее, одни и те же принципы: конечные разряды выделяются по относительной величине щитка и длине ножки. Длина пружины и орнаментация фибул привлекаются в качестве дополнительных признаков.

Уточнить классификацию рассматриваемых фибул можно, представив основные типобразующие признаки в виде пропорций. Это позволит точно указать границы конечных типологических разрядов. Для этой цели составлены две пропорции: $L : H_1$ (где L — ширина щитка фибулы, а H_1 — его длина) и $H_2 : H_1$ (где H_2 — длина ножки фибулы, не «покрытой» щитком). Первое соотношение объективно показывает пропорции размеров щитка фибулы, второе — насколько велик щиток относительно ножки фибулы.

Измерению подверглись фибулы из 13 могильников (табл. 1), откуда происходит абсолютное большинство фибул, найденных на памятниках зарубинецкой культуры; фибулы распределены здесь по закрытым комплексам, что дает возможность определить их хронологию по совместным встречам с проволочными и узкопластинчатыми фибулами. Всего измерены 102 фибулы из 137 найденных в этих могильниках. Измерены только те фибулы, сохранность которых, а также ракурс, в котором они помещены в публикациях, позволяет получить неискаженные параметры.

В результате измерений построен график, где по оси y отложено соотношение $L : H_1$, а по оси x — $H_2 : H_1$ (рис. 1). Точки на графике, соответствующие типологически наиболее ранним фибулам с самым маленьким щитком и самым длинным участком ножки без щитка, расположились при этом в правой части графика; точки, соответствующие типологически наиболее поздним разновидностям, — в левой. В левую группу попадает абсолютное большинство фибул. Возможно, при дальнейшем накоплении материала правую группу точек на графике можно будет подразделить на две подгруппы. На приведенном графике это деление намечается, однако количество фибул правой группы пока невелико. Фибулы, соответствующие правой группе точек, относятся к варианту I. Если все фибулы, соответствующие точкам левой группы, отнести к одному варианту (на основании разброса точек на графике), то выделение этого варианта не будет иметь хронологического смысла. Он будет датироваться очень большим отрезком времени, так как сюда входят фибулы, попадающие в общие комплексы как с ранними, так и с поздними фибулами из проволоки и узкой пластины. Для того чтобы получить варианты с более узкой датировкой, необходимо как-то подразделить левую группу точек на серию подгрупп.

Критерий такого подразделения предоставляет сам материал. В литературе неоднократно указывалось, что у племен зарубинецкой культуры существовал обычай класть в погребения «парные», т. е. одинаковые по типу

Таблица 1
 Распределение фибул с треугольным шитком
 в зарубинецких могильниках

Могильник	№ погребений и № фибулы в них (в скобках)	Вариант
Велемичи II	105	I
Там же	11(2), 24, 60(2), 65, 72(1), 109(1)	II
« «	60(1)	Переходный: от II к III
« «	11(1), 14(1, 2) 21(2), 23(1, 2), 32(2), 73(1, 2), 74(1, 2), 84(1, 2), 85(1, 2), 96(1, 2), 98(1, 2)	III
« «	25(1, 2)	Переходный: от III к IV
« «	58	IV
Велемичи I	8(1, 2) 25, 49, 60(2), 86, 88, 92, 96	II
Там же	23(1, 2)	Переходный: от II к III
« «	6(1), 46(1, 2), 50(2), 76, 91(1, 2), 103(1, 2)	III
« «	4	Переходный: от III к IV
« «	1(2), 50(1), 66, 127(1, 2)	IV
Вороново	4, 9, фибула вне погребений	I
Там же	19, 29, 37(1, 2)	III
Отвержици	44, 59, 80 фибула вне погребений	I
Там же	54(2)	III
« «	45(1)	Переходный: от III к IV
« «	26	IV
Чаплин	16(2), 103, 201(1, 2), 255	I
Там же	44а	II
« «	45, 260	Переходный: от II к III
Пирогов	14	II
Там же	19, 24, 66	III
« «	29, 38	IV
Корчеватое	59	I
Там же	60(1, 2)	II
« «	36	III
« «	11, 51(1)	Переходный: от III к IV
« «	39(1, 2)	IV
Витачев	1(1)	II
Девич-Гора	3, 7(1, 2)	II
Зарубинцы	Рис. 3, 4, 7 по публикации В. П. Петрова	III
Там же	Рис. 3, 6 по публикации В. П. Петрова	Переходный: от III к IV
Вишеньки *	Рис. 8, 9 по публикации В. П. Петрова	III
Там же	Рис. 6, 10 по публикации В. П. Петрова	IV
Гриневици	13(1, 2), 26(1, 2)	V
Вельки		
Рахны	4(4)	V

* Вариант остальных фибул из указанных могильников точно определить не удалось.

и внешнему оформлению, фибулы². Очевидно, мастер, изготовлявший «парные» фибулы, пытался сделать два одинаковых экземпляра. В этом случае разброс точек, соответствующих парным фибулам на графике (рис. 1), даст представление о границах «однотипности». На графике «парные» фибулы соединены чертой. Из сопоставления исключаются неорнаментированные пары фибул.

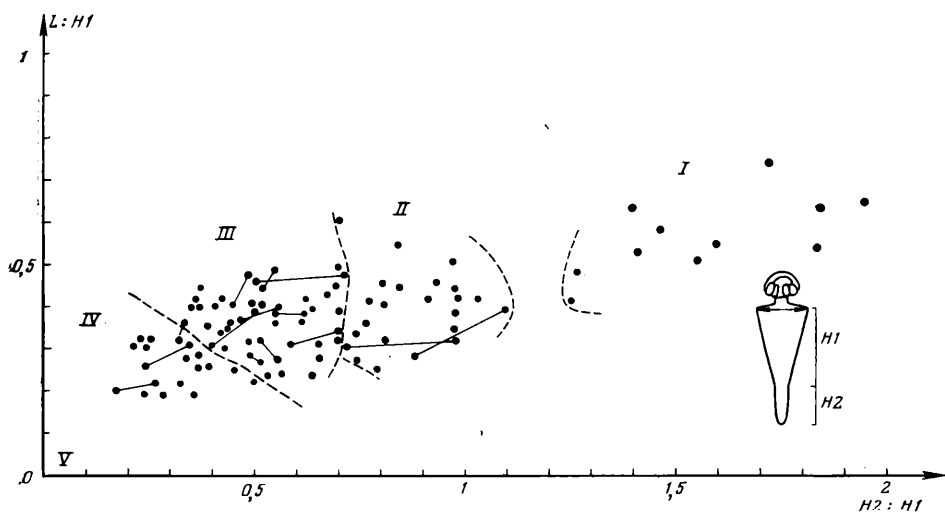

Рис. 1. Пропорции фибул с треугольным щитком на ножке

Нетрудно заметить, что основная масса «парных связей» внутри левой группы точек устремлена к центру, лежащему между 0,5—0,6 на оси x и 0,3—0,5 — на оси y . Крайние точки «парных» фибул, выходящие из этого предела, очерчивают группу фибул с пропорциями 0,36—0,73 по оси x и 0,23—0,52 — по оси y . Справа и слева от этой «центральной группы» находятся фибулы, парные связи которых стремятся к иным центрам (справа — к 0,9—1,1 по оси x , слева — к 0,2—0,3 по той же оси). По крайним точкам этих фибул очерчиваются еще две подгруппы: «левая» — со значениями 0,18—0,38 по оси x и 0,2—0,34 — по оси y и «правая» — со значениями 0,72—1,18 по оси x и 0,26—0,63 — по оси y .

Итак, на основании «пределов однотипности», выделенных по «парным» фибулам, удалось подразделить левую группу точек на три подгруппы. «Правая» подгруппа будет соответствовать фибулам варианта II, «центральная» — варианта III, а «левая» — варианта IV. Фибулы варианта V попадают в точку 0, так как щиток у них покрывает всю ножку, и параметр $H2$ равен 0. Фибулы, точки пропорций которых находятся на стыке «подгрупп точек», относятся к переходным экземплярам.

Распределение по могильникам фибул выделенных нами вариантов показано в табл. 1, значения пропорций по вариантам — в табл. 2, образцы фибул по вариантам — на рис. 2.

Хронология фибул с треугольным щитком на ножке может быть определена путем повариантной синхронизации с проволочными и узкопластинчатыми фибулами на основе их совместных находок в закрытых комплексах. Именно такие фибулы являются пока единственным надежным материалом для определения хронологии зарубинецких комплексов. Подобные фибулы из памятников зарубинецкой культуры имеют средневропейское происхождение. Их хронология уже рассматривалась³, причем в основу классификации была положена типология Ю. В. Кухаренко⁴. Для датирования фибул с треугольными щитками имеет значение время бытования

Таблица 2
Варианты фибул с треугольным щитком на ножке (значения пропорций)

Вариант	$H2:H1$	$L:H1$	Вариант	$H2:H1$	$L:H1$
I	1,3—3,36	0,53—0,77	IV	0,18—0,38	0,2—0,34
II	0,72—1,18	0,26—0,63	V	—	—
III	0,36—0,73	0,23—0,52			

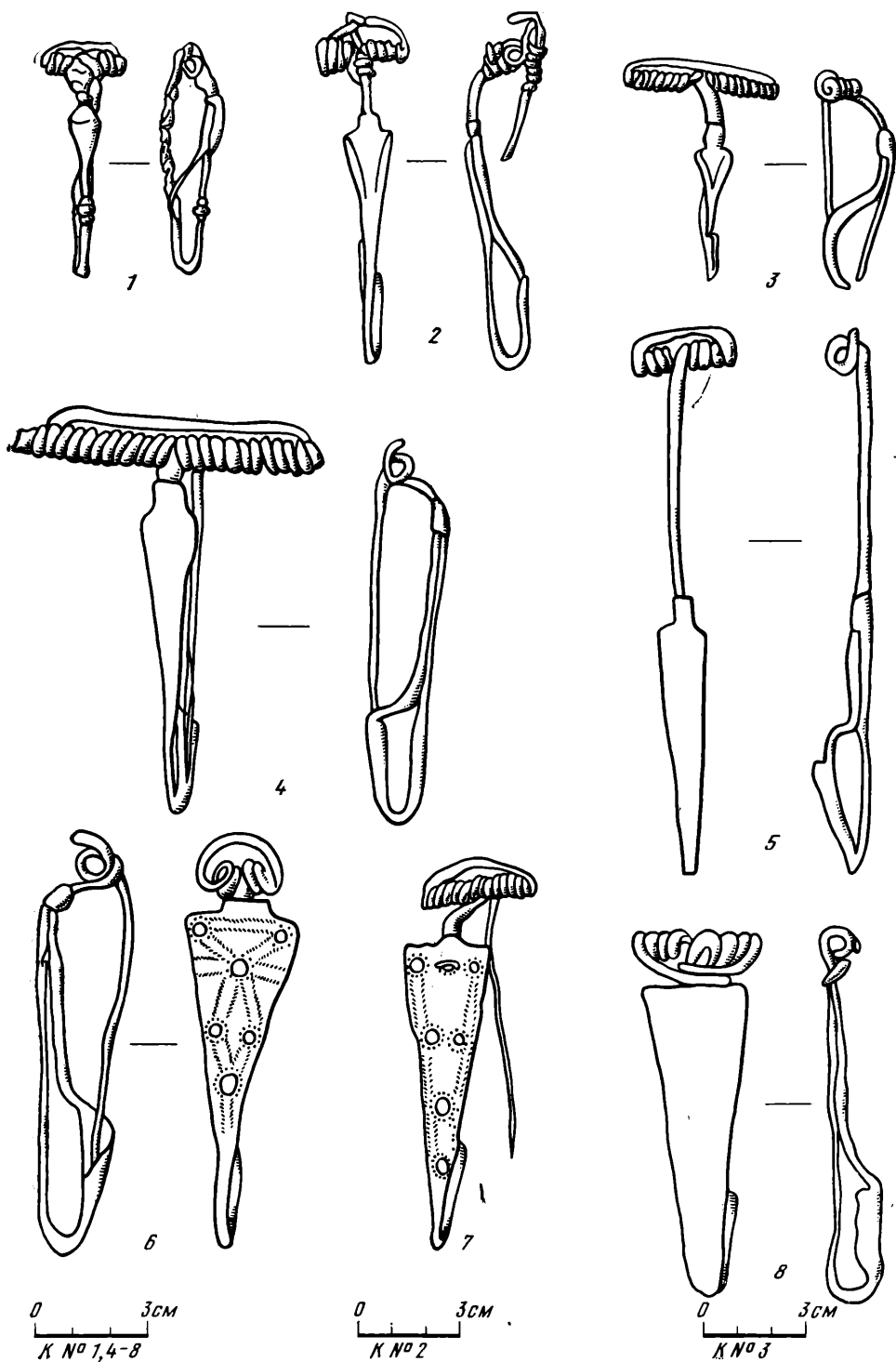

Рис. 2. Фибулы с треугольным щитком на ножке

1 — вариант I (могильник Воронино, погребение 4); 2 — вариант I (могильник Чаплин, погребение 103); 3 — вариант I (могильник Велемичи II, погребение 105); 4 — вариант II (могильник Велемичи I, погребение 88); 5 — вариант неясен (могильник Беляус, 20-6); 6 — вариант III (могильник Велемичи II, погребение 23); 7 — вариант IV (могильник Велемичи I, погребение 50); 8 — вариант V (могильник Гриневицы Вельки, погребение 13)

Таблица 3
**Взаимовстречаемость фибул с треугольным щитком
и проволочных узкопластинчатых фибул в зарубинецких погребениях ***

Могильник и № погребения	Варианты фибул															
	Б	І	ІІ	Г1	Г2	ІІІ	ІV	М	Н	П/Р	О	V	А58/59	А53	Кн.	
Велемичи ІІ, 105	+	+														
Там же, 104		—	—	+												
Чаплин, 109		—	—		+											
Там же, 117		—	—													
« « 217		—	—													
Велемичи І, 60						+										
Витачев, І						+										
Велемичи ІІ, 11							+									
Воронино, 29							+									
Отвержичи, 31							+									
Велемичи І, 50								+								
Отвержичи, 26									+							
Велемичи ІІ, 85										+						
Велемичи І, 76											+					
Велемичи ІІ, 93												+				
Там же, 86													+			
Гриневици Вельки, 13														+		+
Рахны, 4															+	+

* Знак + обозначает наличие фибул в комплексе; знак — означает, что найденный в том или ином погребении фрагмент фибулы можно в равной степени отнести к нескольким вариантам, указанным чертой; А53 и А58/59 — фибула типа Альмгрен 53 и 58/59; Кн. — фибула «со слабо-намеченной кнопкой на конце присмика».

следующих вариантов проволочных и узкопластинчатых фибул: вариант Б — ІІ в. до н. э. — первая четверть І в. до н. э.; вариант Г1 — середина ІІ в. до н. э. — 40—25 гг. до н. э.; вариант Г2 — около 120 г. до н. э. — конец І в. до н. э.; варианты Д и М — вторая четверть І в. до н. э. — І в. н. э.; варианты Н, О, П/Р, Г3 — конец І в. до н. э. — І в. н. э.; варианты С, Т, Ф — І в. н. э.

Зарубинецкие фибулы с треугольным щитком варианта І синхронизируются с расчлененными фибулами среднелатенской схемы. Основанием для этого утверждения является совместная их находка в комплексе погребения 105 могильника Велемичи ІІ⁵. Дополнительным подтверждением этой синхронизации служит фибула из погребения 4 могильника Воронино⁶, имеющая бусину на ножке, — типологический признак расчлененных фибул (рис. 2, 1). Видимо, фибулы варианта І синхронны также и фибулам варианта Г1. На это указывает дуговидный профиль одной из них (погребение 105 могильника Велемичи ІІ)⁷, в то время как почти все фибулы с треугольным щитком имеют скобчатый профиль, что является устойчивой традицией для всех вариантов. Исключений из этого правила немного. На основании синхронизации с расчлененными фибулами с треугольным щитком варианта І должны датироваться ІІ — первой четвертью І в. до н. э. (бытование расчлененных фибул). Предположение о синхронизации их с проволочными и узкопластинчатыми варианта Г1 этой дате не противоречит.

Взаимовстречаемость фибул с треугольным щитком и различных вариантов проволочных и узкопластинчатых фибул представлена в табл. 3. Из этой таблицы явствует, что фибулы с треугольными щитками варианта ІІ встречены совместно с такими же фибулами варианта ІІ, что говорит об их по крайней мере частичной синхронности, а также с проволочными и узкопластинчатыми вариантами Г2 и П/Р.

Фибулы варианта ІІ, как уже упоминалось, частично синхронны фибулам варианта ІІІ. Встречены они в одних комплексах и с фибулами варианта Г2. Характерно, что фибулы варианта ІІ или такие же фибулы, вариант которых точно не определен, но которые по размерам щитка можно отнести к вариантам І или ІІ, ни разу не встречены ни с фибулами, нижняя хроно-

логическая граница которых относится ко второй четверти I в. до н. э., ни с фибулами, появляющимися в конце I в. до н. э., а также с более поздними фибулами (вариантов Д и М в первом случае и вариантов Н, О, П/Р, С, Т, Ф, ГЗ — во втором). В типологическом отношении фибулы варианта II предшествуют фибулам варианта III. Учитывая все это, период их бытования следует отнести к концу II — началу I в. до н. э.

Фибулы с треугольным щитком варианта IV встречены в комплексах с такими же фибулами варианта III и с фибулами позднелатенской схемы⁸. Очевидно, они должны датироваться, как и последние, либо концом I в. до н. э. — I в. н. э., либо серединой I в. до н. э. — I в. н. э.⁹

Фибулы варианта V надежно датируются по двум закрытым комплексам: погребению 13 могильника Гриневици Вельки и погребению 4 могильника Рахны. В первом из них обнаружены две глазчатые фибулы типов А53 и 58/59¹⁰, соответственно принадлежащие к сериям А и В К. Ямки¹¹. По средневропейской шкале хронологии первые относятся к периоду В1, а вторые — В2¹². По сочетанию этих фибул погребение должно датироваться рубежом двух периодов, т. е. примерно 70-ми годами н. э. Погребение 4 из могильника Рахны синхронно этому комплексу, так как и здесь фрагмент фибулы А53 найден с обломком фибулы серии В¹³. Происходящая отсюда же фибула со «слабо намеченной кнопкой на конце приемника» предложенной дате обоих комплексов не противоречит, так как датируется концом I — первой половиной II в.¹⁴ Фибулы варианта V, таким образом, относятся к концу I в.

Особую важность имеет вопрос о времени появления на зарубинецкой территории фибул с треугольным щитком варианта I. От решения этой проблемы зависит определение нижней хронологической границы как большинства зарубинецких могильников, так и верхнеднепровского варианта этой культуры, так как эти фибулы здесь наиболее ранние. Синхронизация фибул варианта I с расчлененными не вносит достаточной ясности в этот вопрос: нижняя дата фибул варианта I определяется в рамках II в. до н. э. по нижней дате расчлененных фибул. Выяснить только по корреляции, появляются ли фибулы варианта I в начале, середине или конце столетия, не представляется возможным.

Нельзя признать удачной и попытку определить дату появления зарубинецких фибул с треугольным щитком по сопоставлению их с копьевидными фибулами Югославии, предпринятую недавно К. В. Каспаровой¹⁵. Оставив в стороне вопрос о возможности сопоставления балканских копьевидных фибул (с одной иглой) и зарубинецких (с треугольным щитком на ножке), которая, на мой взгляд нуждается в дополнительном обосновании, обратимся к хронологии копьевидных фибул. К. В. Каспарова отмечает, что специальные исследования по их хронологии в югославской литературе отсутствуют. Сама К. В. Каспарова датирует возникновение копьевидных фибул первой половиной II в. до н. э. Однако из приведенной ею сводки находок следует, что наиболее ранние их экземпляры в подавляющем большинстве случаев датируются широко: в пределах II или III—II вв. до н. э. Исключением является лишь фибула из погребения 4 могильника Карабурма (около 200 г. до н. э.). Однако К. В. Каспарова отмечает противоречие во взглядах И. Тодоровича, автора раскопок Карабурмы, который, несмотря на свое определение хронологии погребения 4, все же датирует возникновение копьевидных фибул I в. до н. э. Это противоречие ставит под сомнение правильность определения даты погребения 4 Карабурмы. Остальные ранние находки копьевидных фибул Югославии не позволяют датировать их появление точнее, чем II в. до н. э. в целом, т. е. так же, как и зарубинецких фибул с треугольным щитком.

Уточнению ранней даты зарубинецких фибул с треугольным щитком варианта I помогает недавно опубликованная фибула из могилы 20 Беляусского некрополя в Крыму. Профилировка беляусской фибулы («скобчатая») весьма обычна для зарубинецких фибул с треугольным щитком, форма пружины также обычна для фибул зарубинецкой культуры (рис. 2, 5).¹⁶ Отличие заключается в форме щитка: беляусская фибула не имеет сво-

бодного участка ножки ниже щитка, как у фибул варианта V (ср.: рис. 2, 5, 8); щиток покрывает всю ножку. Однако, в отличие от фибул варианта V, щиток беляусской фибулы прикреплен на середине высоты, а не под самой пружиной, как обычно бывает у зарубинецких фибул. Учитывая отличия, Б. Ю. Михлин предположил, что эта фибула подвергалась починке¹⁶. К сожалению, по этой причине нельзя определить точно, к какому из вариантов относится фибула из Беляуса. Но даже если учесть починку, то щиток слишком широк для фибул вариантов I—II. Скорее всего до починки она относилась к варианту III. По комплексу, в котором она найдена, фибула из Беляуса датируется концом II в. до н. э.¹⁷ Поскольку в конце II в. до н. э. фибула с треугольным щитком явно не раннего варианта попадает в Беляусский могильник, то ясно, что наиболее ранние типологически фибулы с треугольным щитком варианта I должны были появиться раньше конца II в. до н. э., по крайней мере в середине этого столетия.

¹ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура.— САИ, 1964, вып. Д1-19, с. 31, 32; Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 14—19.

² Амброс А. К. Фибулы юга..., с. 17; Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник Велемичи II.— АСГЭ, 1972, вып. 14, с. 84.

³ Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры.— СА, 1983, № 1.

⁴ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура, с. 30—35.

⁵ Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник..., рис. 18, 1, 5.

⁶ Кухаренко Ю. В. Памятники железного века Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1-29, табл. 38, 12.

⁷ Каспарова К. В. Зарубинецкий могильник..., рис. 18, 5.

⁸ Каспарова К. В. Могильник и поселение у д. Отвержичи.— МИА, 1969, 160, рис. 15, 6, 9.

⁹ Обломок проволоочной фибулы из погребения 26 могильника Отвержичи, в котором обнаружена и фибула с треугольным щитком варианта IV, в равной степени может быть отнесен к вариантам М, Н, О, П/Р. Из них вариант

М относится к периодам II—III позднего латена и датируется временем от второй четверти или середины I в. до н. э. до конца I в. н. э., а другие — к периоду III позднего латена и датируются концом I в. до н. э. — концом I в. н. э. См. об этом: Обломский А. М. Хронология..., с. 118, 119.

¹⁰ Szmit Z. Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewczach Wielkich koło Bielska Podlaskiego.— WA, 1922. VII, рис. 97; 99.

¹¹ Jamka K. Fibule typu oczkowatego w Europie środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem Polskich.— MS, 1964, X, s. 56, 64.

¹² WA, 1970, 35, z. 4, s. 442.

¹³ Хавлюк П. I. Памятки зарубинецкой культуры на Побужжі. — В кн.: Археология. Київ, 1971, № 4, рис. 7, 7, 8.

¹⁴ Хавлюк П. I. Памятки..., рис. 7, 6; Амброс А. К. Фибулы юга..., с. 43.

¹⁵ Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа.— АСГЭ, 1977, вып. 18, с. 70—75.

¹⁶ Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника.— СА, 1980, № 3, с. 202, рис. 5, 3.

¹⁷ Там же, с. 202, 203.

Ю. А. ЛИХТЕР

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Стеклянные изделия из черняховских поселений и могильников давно привлекают внимание исследователей, используются для датировки отдельных памятников и культуры в целом, для выяснения направления торговых путей и экономических связей черняховской культуры.

Обычно каждая категория таких находок изучается самостоятельно при помощи формально-типологического метода. Хорошо изучены в этом плане сосуды. Однако в основу классификаций обычно кладутся различные признаки, вследствие чего классификации стеклянных сосудов различных регионов черняховского ареала резко отличаются друг от друга.

Так, Э. А. Рикман, основываясь на форме сосудов, выделил среди находок в Прутско-Днестровском междуречье цилиндрические и конические кубки¹. Г. Б. Федоров, рассматривая стеклянные сосуды того же района, положил в основу классификации толщину стенок и выделил в качестве основных групп толстостенные и тонкостенные сосуды². Э. А. Симонович для подобных находок из Поднепровья и Волыни, основываясь на сочетании различных признаков, выделил восемь самостоятельных групп, никак между собой не связанных³. Ни один из предложенных способов разделения сосудов в сущности не является классификацией, которая, по современному определению, должна фиксировать закономерные связи между классами объектов; само местоположение объекта в такой классификации должно указывать на его свойства⁴.

Другим категориям стеклянных изделий уделялось меньше внимания. Отдельные статьи посвящены игральным жетонам и стеклянным вставкам на керамических изделиях⁵. До сих пор специально не рассматривались стеклянные бусы из черняховских памятников.

Стекло смежных регионов, в первую очередь античное, изучено подробно, но прежде всего также в формально-типологическом плане, без учета технологии изготовления и состава стекломассы. Итоги этих исследований имеют большое значение при изучении черняховского стекла.

Формально-типологический метод недостаточен для решения многих проблем, встающих при изучении стеклянных изделий. Наиболее целесообразно применение его к изучению целых сосудов, которые весьма редки. В остальных случаях необходим иной подход — с учетом данных о технологии изготовления и составе стекла. Одна из первых попыток такого рода была сделана Н. П. Сорокиной относительно стеклянных изделий из культурного слоя и могильника Танаиса⁶.

Возможны некоторые уточнения и обновление такого подхода. Предметы материальной культуры, с которыми имеет дело археолог, являются продукцией того или иного производства. Продукцию одного ремесленного производства имело бы смысл рассматривать совместно. В таком направлении, например, ведутся исследования изделий из металлов⁷. Подход к стеклянным изделиям как к продукции ремесленного производства дает возможность использовать данные об организации последнего, о способах передачи знаний и т. п. Известно, что каждый мастер обладал ограниченным набором приемов, которыми он владел виртуозно. При этом производственные секреты хранились в тайне и передавались только ученикам⁸. Классическим примером заботы о сохранении тайны ремесла может служить организация стеклоделия в Венеции.

Развитие ремесла в древности и особенно в позднеримскую эпоху осуществлялось за счет дробной специализации⁹. В связи с этим нужно полагать, что изделия, требовавшие разной по сложности технологии происходили из различных мастерских, где труд ремесленников был организован по-разному. Например, в Египте позднеантичного времени частные мастерские были небольшими, работа в них производилась членами семьи владельца и двумя-тремя помощниками. Продукция таких мастерских не могла быть сложной, иначе затраты на ее производство не окупались бы. В то же время государственные мастерские, пользовавшиеся трудом ремесленников-рабов, производили предметы роскоши, требовавшие сложных приемов обработки. Учиться этим мастерам приходилось очень долго, иногда в течение нескольких лет¹⁰.

Очевидно, данные о технологии изготовления стеклянных изделий могут способствовать решению вопроса если не о месте их производства, то по крайней мере о школе, в традициях которой работал мастер. В понятие «школы» здесь включается не только технология изготовления, но и состав стекла. Стеклянные вещи, как правило, не подвергались переплавке, подобно металлическим, поэтому изучение состава стекла по дошедшим до нас вещам проще, чем изучение состава изделий из цветных металлов. К настоящему времени выделены некоторые основные школы стеклоделия древнего мира¹¹. Вопрос о характерных признаках школы

имеет практическое значение, так как весь массив находок, происходящих с территории отдельной археологической культуры, можно разделить между этими школами.

Время существования черняховской культуры — это период расцвета римского стеклоделия. К середине II в. н. э. римскими мастерами не только были поняты возможности стеклодувной трубки, применение которой позволяло ускорить и облегчить изготовление сосудов, но и освоен такой важный инструмент, как понтия. Можно думать, что употребление стеклодувной трубки способствовало специализации и разделению тесно связанных до тех пор школ. В производстве бус, например, это выглядело следующим образом: мастера сирийской школы развивали технологию серийного производства бус, египетская школа продолжала и развивала традиции изготовления сложных мозаичных бус, а во вновь сложившейся римской школе бусы делались простыми приемами навивки¹².

Современная практика изготовления художественных изделий из стекла знает три основных способа их производства. В одних случаях изделие изготавливается и декорируется от начала до конца у стекловаренной печи, т. е. применяются только горячие способы обработки (так называемая гутная техника). В других случаях изделия после обжига и охлаждения поступают к мастерам, наносящим на них декор путем росписи, травления, гравирования и другими видами холодной обработки. Третий способ — работа на стеклодувной горелке, когда заранее изготовленные полуфабрикаты, как правило, трубочки и палочки, вторично разогреваются, и уже из них делаются различные изделия¹³.

Стекланные изделия из памятников черняховской культуры изготавливались с применением всех перечисленных способов. Среди них есть сосуды, декорированные в горячую, в основном различными видами накладного декора; разнообразные бусы из тянутых трубочек; несомненно, гутным способом делались жетоны и пряслица. Холодная обработка стекла представлена сосудами с декором, нанесенным при помощи шлифования; бусами со шлифованными гранями. Очень различны изделия из полуфабрикатов: здесь и мозаичные бусы, требовавшие от мастеров высокой квалификации; и значительно более простые в изготовлении вставки из стекла на металлических фибулах, сосудах и пряслицах.

Можно думать, что среди черняховского стекла имеются изделия как крупных, «государственных», так и небольших частных мастерских. К продукции «государственных» мастерских, вероятно, относятся такие трудоемкие изделия, как толстостенные сосуды, изготовленные с применением техники шлифования, и сложные виды мозаичных бус. Большинство сосудов и бус, изготовленных в гутной технике, следует расценивать как продукцию мелких мастерских. На таких же предприятиях могли делать тонкостенные кубки и чаши, украшенные несложными насечками, разнообразные бусы из разрезанных вхолдную палочек и трубочек, а также изготовленные навивкой. С первыми попытками использования стекла связаны стекланные вставки на сосудах и пряслицах.

Вывод, что неодинаковый состав стекла и разная технология соответствуют различным школам в стеклоделии, позволяет внести уточнения в формальные классификации. Так, появляется возможность связать округлые синие бусы (одноцветное стекло, тип 15 по классификации Е. М. Алексеевой¹⁴), изготовлявшиеся длительное время, с различными центрами производства. Вообще при рассмотрении изделий из стекла наилучшие результаты получаются, если проводить классификацию по нескольким признакам одновременно: учитывая их форму, технологию, состав, цвет и декор.

Для оценки изделий из стекла, часто представленных в археологическом материале фрагментарно, полезно рассматривать историю стеклоделия в целом как единый процесс развития ремесла. Это дает возможность использовать элементы системного подхода, основополагающим моментом которого является процесс¹⁵. Изделия, с которыми мы имеем дело, или их фрагменты могут найти свое место в рамках той или иной школы

«стеклоделия, известной для рассматриваемого периода. Даже при визуальном наблюдении видно, что определенная техника изготовления сосудов, техника исполнения декора и сам декор связаны с определенными формами. Некоторые особенности формы определены той или иной технологией. Чтобы констатировать применение понтии, например, не обязательно иметь донце с ее следами: достаточно оплавленного края сосуда или некоторых видов декора. Декор также соответствует конкретной форме. Так, для рассматриваемого времени можно говорить, что шлифованные полосы и овалы характерны для открытых толстостенных сосудов — чаш или кубков. Таким образом, применение системного подхода при изучении фрагментов изделий дает возможность получить немало сведений об изделии в целом.

Системный подход позволяет также выделить среди массы сходных вещей действительно родственные по происхождению, являющиеся продукцией если не одной мастерской, то по крайней мере круга мастерских одной школы. В частности, можно разделить на группы изделия, происходящие из памятников черняховской культуры и связанные с тем или иным центром производства. Исследования Ю. Л. Щаповой изделий из мастерской в Комарове¹⁶ разрешили отнести к этой мастерской некоторые изделия, найденные на этом и близлежащих памятниках. Подобные исследования других мастерских не проводились, однако само существование в ту эпоху стеклянных изделий различного происхождения заставляет предполагать, что стекло из памятников черняховской культуры изготавливалось в различных мастерских. Выделение среди всего стекла, найденного на поселении, где обнаружена мастерская, собственной продукции этой мастерской является важной задачей. Подход, при котором все стекло, найденное на памятнике, заведомо рассматривается как продукция исследуемой мастерской и из этого делается вывод о производственных знаниях ее мастеров, представляется нам методически неверным¹⁷.

Системный подход создает также условия для выработки языка описания, которым для археологического материала является в первую очередь классификация. Прежде чем приступить к разработке принципов классификации, необходимы разработка и упорядочение первичного описания вещей. Для стеклянных изделий эта работа ведется в настоящее время в рамках подготовки каталога древнего стекла Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа¹⁸.

Полученные в результате описания признаки составляют информационный ряд, длина которого устанавливается в соответствии с алгоритмическим определением количества информации: последнее определяется как минимальная длина программы, позволяющая однозначно преобразовать один объект (множество) в другой объект (множество)¹⁹. Это определение дает возможность сосредоточить внимание на различиях в рассматриваемых объектах. Вещи, описанные с помощью данного ряда признаков, сводятся в единую таблицу (матрицу), упорядочивание которой проводится по алгоритму²⁰.

Еще один важный вопрос — необходимое количество образцов для исследования. Известно более 2 тыс. памятников черняховской культуры. Нами выделено (в основном по публикациям) 150 памятников, на которых найдены стеклянные изделия. Очевидно, мы имеем дело лишь с некоторой выборкой из генеральной совокупности, какой в данном случае являются все стеклянные изделия, бывшие в ходу у племен черняховской культуры. Без дополнительных неархеологических методов исследования, в данном случае — принципов математической статистики, трудно определить размер выборки, достаточной для решения поставленных задач. Напомним, что конечная задача исследований заключается в том, чтобы наметить первоначальные группы стеклянных изделий и проследить их распределение на территории черняховской культуры. Выборка в 277 экз. может дать представление о генеральной совокупности в 1000²¹. Этого вполне достаточно для решения задач, стоящих перед нами на данном

этапе исследования, если при оценке полученных результатов рассматривать их в пределах доверительных интервалов.

Таким образом, при исследовании стеклянных изделий черняховской культуры нужно рассматривать их как элементы системы древнего стеклоделия, которое анализируется, исходя из итогов изучения структуры и организации древних ремесел. Системный подход создает условия для упорядочивания и осмысления фактического материала. Рассмотрение стеклоделия как системы позволяет применить системный анализ и тесно связанный с ним вероятностно-статистический подход. Возможности системного анализа позволяют не ограничиваться только изучением формы изделия и его декора, а привлекать данные о технике изготовления изучаемых изделий и составе стекломассы. Кроме того, следует привлекать данные о распределении продукции различных мастерских на территории черняховской культуры. Картографирование таких данных может служить источником для изучения экономических и культурных связей черняховских племен.

- ¹ Рикман Э. А. Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья.— СА, 1972, № 4, с. 92.
- ² Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья.— МИА, 1960, 89, с. 152—155.
- ³ Сымонович Э. А. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры.— СА, 1977, № 1, с. 177.
- ⁴ БСЭ, т. 12, М., 1973, с. 269.
- ⁵ Сымонович Э. А. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры.— СА, 1964, № 3; *Он же*. Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской обл.— КСИА, 1962, 90. См. также: Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. М., 1970, с. 41, 125—127.
- ⁶ Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из Танаиса.— В кн.: Древности нижнего Дона. М., 1965.
- ⁷ См., например: Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972.
- ⁸ См., например: Чугунов А. Исследование стекловаренного производства и современного состояния его в России. Казань, 1856, с. 13.
- ⁹ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 37.
- ¹⁰ Физман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, с. 39, 61.
- ¹¹ Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983, с. 104—117.
- ¹² Там же, с. 122, 127, 128.
- ¹³ Ланцети А. Т., Нестеренко М. Л. Изготовление художественного стекла. М., 1972, с. 45—195.
- ¹⁴ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 2.— САИ, 1978, вып. Г1-12, с. 64, 65.
- ¹⁵ Никаноров С. Л. Системный анализ и системный подход.— В кн.: Системные исследования: Ежегодник, 1971 г. М., 1972, с. 59.
- ¹⁶ Шапова Ю. Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово.— СА, 1978, № 3, с. 230—242.
- ¹⁷ Острровергов А. С. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье.— СА, 1981, № 4, с. 214—228.
- ¹⁸ Безрукова Л. И., Жак С. В., Шапова Ю. Л. Древнее стекло Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа и физико-математические методы.— В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979, с. 118—121.
- ¹⁹ Бирюков Б. В., Урсул А. Д. К проблеме объективности информации.— В кн.: Методологические проблемы кибернетики. М., 1970, т. 1, с. 205.
- ²⁰ Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 8—24.
- ²¹ Формулу для определения генеральной совокупности по выборке см.: Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древней Тмутаракани.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 104, примеч. 5.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. МАМОНТОВ

ПОГРЕБЕНИЕ VIII В. ДО Н. Э.
ИЗ ИЛЬЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА

В 1970 г. Приволжский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА проводил охранные раскопки курганов на первой террасе Карповского водохранилища у с. Ильевка Калачевского р-на Волгоградской обл. Курганы (16 насыпей) были разбросаны на расстоянии 10 км отдельными группами от северо-восточной окраины села, вдоль Карповского водохранилища. Курган 1, в котором располагалось описываемое погребение, имел высоту 1,65 м, диаметр 34 м и находился на окраине села, в 25 м от обрывистого берега водохранилища. Южный склон кургана пологий, северный — крутой. В кургане исследовано семь погребений: основное — ямное, впускные — ямной, катакомбной и срубной культур VIII в. до н. э., а также сарматское прохоровского этапа.

Интересующее нас погребение 3 обнаружено в юго-восточном секторе насыпи, на расстоянии 5,5 м и на глубине 1,1 м от центра кургана. Очертания могилы не были прослежены. Костяк женщины 35—40 лет лежал на подстилке из куги, уложенной в виде прямоугольника, черепом на северо-восток, кости рук вытянуты перед туловищем. Рядом с костяком найдены следующие вещи:

1. Большой глиняный кувшин с двумя петлевидными ручками, хорошим лощением и резным орнаментом находился перед лицевыми костями. Высота сосуда 37,5 см; край венчика диаметром 14,5 см отогнут наружу; высокая горловина постепенно переходит в реповидное тулово; диаметр дна 10,3 см (рис., 1). В месте перехода горловины в тулово на некотором расстоянии друг от друга изображены наклонные «лесенки». Ниже проходят три резные круговые линии. По двум верхним линиям концом острой палочки нанесены косые насечки. К нижней круговой линии примыкают основаниями прочерченные заштрихованные треугольники. Еще ниже — ломаная линия с насечками, выполненная тем же приемом, что и две линии на горловине. На равном расстоянии от ручек на тулове имеется два сферических выступа-налепа.

2. Сероглиняный сосуд с высоким горлом найден рядом с кувшином. Высота сосуда 23,5 см, диаметр дна 8 см, венчик диаметром 11 см сильно отогнут наружу. По поверхности тулова от места перехода горловины в широкое реповидное тулово наискось проходят углубленные залощенные параллельные полосы (рис., 3).

3. Бронзовая полусферическая пуговица высотой 0,8 см и диаметром 1,3 см лежала перед челюстью погребенной. Внутри пуговицы имеется округлая в сечении поперечина для прикрепления к одежде (рис., 2).

4. Череп лошади находился справа от головы погребенной, между вытянутыми костями рук и сосудами.

5. Узкий бронзовый однолезвийный нож, в сечении каплевидный, с округлой спинкой и черенком, подчеркнутым со стороны режущего края, лежал в ногах погребения. На черенке имелись слабые следы дерева от

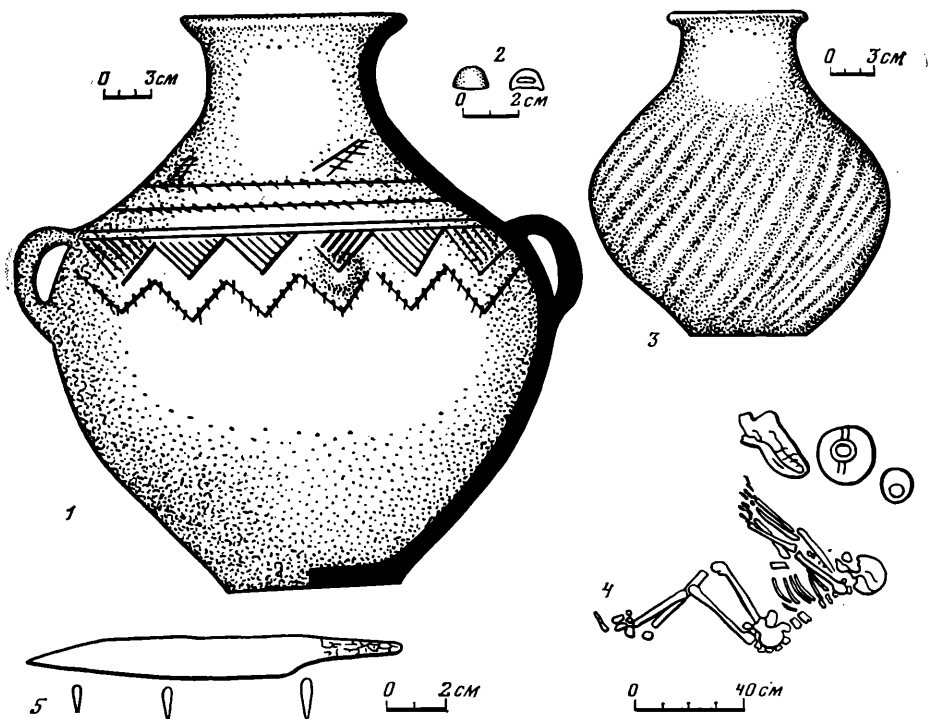

Рис. Комплекс погребения 3 кургана 1 Ильевского могильника

1, 3 — глиняные сосуды; 2 — бронзовая пуговица; 4 — план погребения; 5 — бронзовый нож

рукояти. Длина ножа 12,5 см, длина черенка 3,2 см, ширина лезвия у основания черенка 1,2 см (рис., 5).

Рассмотренное погребение можно отнести к кругу так называемых киммерийских памятников, что подтверждается комплексом погребального инвентаря. Действительно, форма большого кувшина и его резной геометрический орнамент находят достаточно четкие аналогии в посуде верхнего слоя Алхастинского и Змейского поселений на Северном Кавказе, отнесенных к «доскифской культуре»¹. Малому сосуду по форме и технике нанесения орнамента (косые пролощенные линии) близок лощеный сосуд из погребения, исследованного В. Я. Кияшко в 1968 г. на территории энеолитического поселения у г. Константиновск Ростовской обл. Это погребение прорезало слой поселения. В. Я. Кияшко отнес его сначала к памятникам VIII—VII вв. до н. э., а затем — к первой половине VI в. до н. э.² Близкие аналогии нашим сосудам имеются также среди кувшинов, найденных на Кобяковском поселении, датированном Э. С. Шарафутдиновой X — началом VIII в. до н. э.³, в погребении 20 кургана 1 Соленовского курганного могильника⁴, на нижней Волге⁵.

Аналогии бронзовой пуговице нам неизвестны. Близкие полусферические пуговицы-бляшки, но изготовленные из кости, найдены в погребении 9 кургана 6 Жирноклеевского курганного могильника вместе с костяными трехдырчатыми псаллиями. По мнению К. Ф. Смирнова, это погребение относится к VIII в. до н. э.⁶ Близкие по форме пуговицы скифского времени имеют не внутреннюю петлю, а выступающую, выходящую дугой за нижний край предмета⁷.

Бронзовый нож по форме сильно отличается от ножей эпохи бронзы. Общие очертания, каплевидное сечение, однолезвийность сближают его с железными ножами периода раннего железа.

Таким образом, погребение 3 кургана 1 Ильевского курганного могильника можно отнести к концу VIII — началу VII в. до н. э. к периоду, когда на Дону и в Волго-Донском междуречье обитали племена, связываемые с киммерийцами письменных источников⁸.

- ¹ *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи.— В кн.: Тр. ГИМ, 1947, вып. XVII, с. 19, 20, рис. 12, 13; *Он же.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 134, 135, 438, 443, табл. XVI, 1; XXI.
- ² *Кияшко В. Я.* Раскопки Константиновского поселения.— АО 1968 г. М., 1969, с. 106; *Он же.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска на Дону.— СА, 1976, № 1, с. 172, 176, рис. 2, 1.
- ³ *Шарафутдинова Э. С.* Кобяковское поселение эпохи бронзы.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962, с. 42, рис. 3; *Она же.* Раскопки на Кобяковском поселении эпохи бронзы в 1962 г.— КСИА, 1967, 112, с. 79, рис. 25, 1; *Она же.* Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук Л., 1971, с. 13, 22.
- ⁴ *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, 1954, 53, с. 65, рис. 29, 5.
- ⁵ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 352, рис. 60, 1, 4—6.
- ⁶ Там же, с. 29, 294, рис. 2, 35.
- ⁷ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-31, с. 85, табл. 23, 19—22.
- ⁸ *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 7, 35.

Б. А. РАЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ ПРОХОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У НОВОЧЕРКАССКА

В 1974 г. отряд кафедры археологии Ленинградского университета раскапывал курганные могильники у г. Новочеркасск Ростовской обл. Среди исследованных погребений, хронологически охватывающих время от периода средней бронзы до средневековья, особое место занимает погребение 4 из кургана 5 Камышевахского могильника, расположенного на правом берегу р. Тузлов, к югу от ст. Грушевская.

Могильная яма была впущена в северо-западную полу возведенного ранее кургана. В насыпи она не прослеживалась, но была зачищена каменная кладка, составлявшая ее забутовку в предматериковой части. Яма, зачищенная на уровне материка, в плане овальной формы, размерами 1,8 × 0,7 м, длинной осью вытянута по линии запад — восток (рис., 1—3). Южная стенка вертикально спускается ко дну, имеющему глубину 1,3 м от вершины кургана. Вдоль южной стенки проходит ступенька шириной до 40 см. Западная ее часть срезана для того, чтобы поставить сосуд за головой погребенного, на одном уровне с ним. По всей длине северной стенки в ней сделан подбой глубиной и высотой 20 см, дно подбоя на 5 см ниже уровня ступеньки.

В подбое находился костяк в вытянутом положении на спине, черепом на запад. Череп лицевой частью повернут в сторону задней стенки подбоя. Плечевая кость правой руки лежит вдоль туловища, кости предплечья — перпендикулярно позвоночнику, кисть — в области таза. Положение левой руки аналогично. За головой погребенного в юго-западном углу ямы стоял керамический сосуд шаровидной формы со слегка уплощенным дном и узким горлом, край которого отогнут наружу. Плечики сосуда украшены прочерченным орнаментом в виде спускающихся на тулово узких длинных треугольников, заштрихованных одной-двумя продольными полосами (рис., 4).

Подбойная форма могильной ямы (тип 5 по М. Г. Мошковой) характерна для III—II вв. до н. э., особенно для Поволжья к северу от г. Камышин¹. На нижнем Дону аналогичные погребения исследованы в Койсугском могильнике и датируются IV—III вв. до н. э.² Здесь в III в. до н. э. в подбойных могилах на смену западной ориентировке приходит южная, и фиксируются изменения в погребальном инвентаре³. Все это связывается с передвижением на нижний Дон племен прохоровской культуры из более восточных районов Поволжья⁴.

Сосуд из исследуемого погребения по типу относится к горшкам, выделенным М. Г. Мошковой в отдел III. Такие сосуды появляются в IV в.

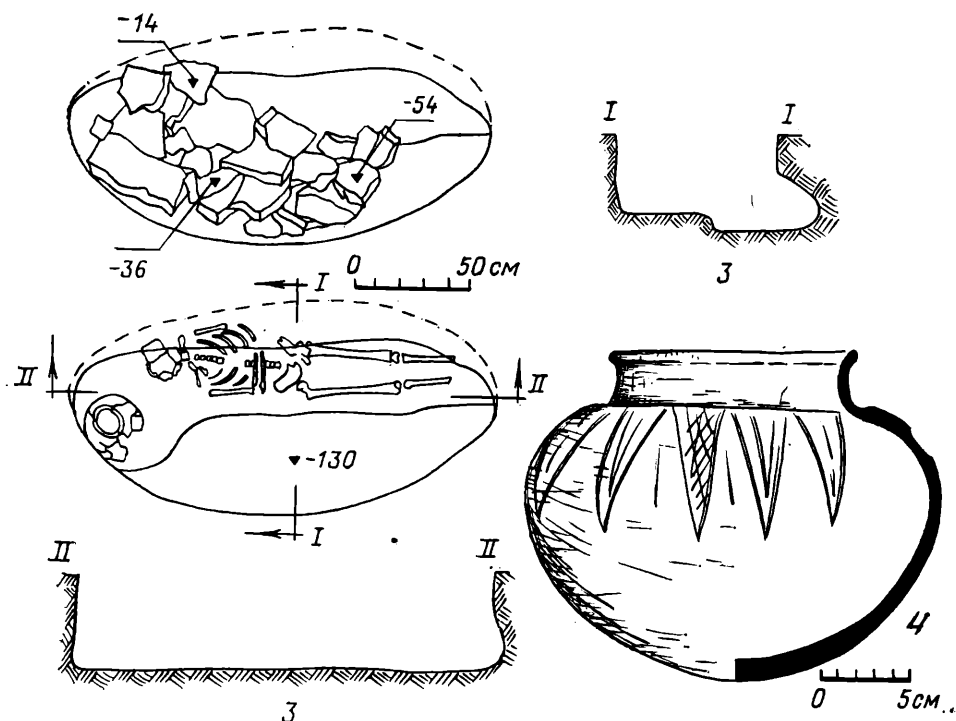

Рис. Погребение из Камышевахского кургана

1 — каменная кладка в заполнении могильной ямы; 2 — план погребения; 3 — разрезы; 4 — сосуд из погребения

до н. э. в Приуралье, а к III—II вв. до н. э. распространяются на запад до Поволжья и междуречья Волги и Дона. По мере продвижения к западу у этих сосудов заметна тенденция к уменьшению высоты горла и упрощению орнамента⁵. Наиболее близка территориально пока единственная не только на правобережье, но и на нижнем Дону вообще находка фрагмента горла аналогичного горшка в разрушенном погребении у пос. Кадамовский Октябрьского р-на Ростовской обл.⁶ По набору вещей этот комплекс относится к III—II вв. до н. э. Детальная проработка орнамента на плечиках нашего горшка не позволяет датировать его временем позже начала III в. до н. э. По форме могильной ямы, обряду и инвентарю погребение в Камышевахском кургане следует связать с прохоровской культурой и датировать концом IV — началом III в. до н. э.⁷

Погребение прохоровской культуры, раскопанное на правобережье Дона, представляет особый интерес. Существует мнение, согласно которому уже в V—IV вв. до н. э. на Дон продвинулось с востока новое сарматское племя, с появлением которого связывается первый удар сарматов по Скифии⁸. Погребение из Камышевахского кургана можно, по-видимому, отнести к этой волне переселения, что дает основание поставить вопрос о более раннем, чем принято было считать⁹, проникновении отдельных племен прохоровской культуры на правый берег Дона.

¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 20, табл. 1.

² Максименко В. Е. Некоторые итоги исследования Койсугского курганного могильника.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973, с. 47. Судя по положению костей предплечья, погребенный лежал головой не на запад, как пишет автор, а на

юго-запад. Ср.: Максименко В. Е. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1966 г. Архив ИА, р-1, № 3239, альбом, табл. XXXVII, 3.

³ Максименко В. Е. Некоторые итоги..., с. 47.

⁴ Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов нижнего Дона.— КСИА, 1973, 133, с. 78.

- ⁵ *Мошкова М. Г.* Памятники..., с. 32, табл. 10, 31, 32.
- ⁶ Музей истории Донского казачества: Каталог археологических коллекций. Новочеркасск, 1979, с. 49, табл. 22, 19.
- ⁷ Совсем недавно В. Е. Максименко, использовавший публикуемый комплекс в своей работе, включил его в памятки переходного периода от бронзового к железному веку. См.: *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983, с. 23. В описании и на рисунке (там же, с. 71, табл. 6, 8) сосуд изображен с прямым горлом. Эта неточность, а также техника нанесения орнамента, видимо, послужили основанием для

такой интерпретации погребения. В действительности венчик горшка отогнут наружу аналогично венчику упомянутого выше сосуда из коллекции Новочеркасского музея. Последний сосуд известен В. Е. Максименко и верно датирован им II в. до н. э. (там же, с. 44).

- ⁸ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднестровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, 1971, вып. 13, с. 49, 50.

- ⁹ *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974, с. 15, 16.

В. Н. ИГНАТОВ

КАТАКОМБЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У СТ. ХОПЕРСКАЯ

В 1983 г. археологическая экспедиция Волгоградского университета в соответствии с договором с дирекцией Краснодарсовхозростроя проводила работы у ст. Хоперская Тихорецкого р-на Краснодарского края в зоне строительства оросительной системы. Раскопано 13 курганных насыпей. Среди исследованных значительную часть (23) составляли погребения сарматского времени. Два впускных захоронения — погребение 8 из кургана 10 и погребение 8 из кургана 11 — совершены в катакомбах.

Погребение 8 из кургана 10 (рис. 1, 1) имело входную яму трапециевидной формы, ориентированную длинной осью по линии запад — восток. Длина ямы 2,55 м, ширина восточной стороны — 1,3 м, западной — 1,7 м, глубина — 2,75 м. В западной стенке был устроен вход в камеру. Входное отверстие имело трапециевидную форму. Высота отверстия 0,6 м, максимальная ширина — 1,2 м. Дно входной ямы понижалось к погребальной камере на 0,5 м. Погребальная камера прямоугольной формы располагалась на одной оси с входной ямой с небольшим отклонением к северу. Ее длина 2,55 м, ширина — 1,1 м, высота свода (в центре) 0,7 м. Дно понижалось к западу на 0,25 м. На дне камеры на органической подстилке коричневого цвета, посыпанной мелом, в вытянутом положении на спине, черепом на запад — северо-запад лежал скелет взрослого мужчины. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая, согнутая в локте под прямым углом, направлена кистью к тазу. На костях отмечены следы органического покрытия. У правого плеча погребенного обнаружены железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (рис. 1, 4). У колена справа стоял черлощенный кувшин с яйцевидным туловом и вертикальной петлевидной ручкой, сильно отогнутым венчиком и носиком-сливом (рис. 1, 3). Поверхность его украшена прочерченными прямыми и зигзагообразными горизонтальными линиями, от которых спускаются вертикальные линии. Высота кувшина 31 см, диаметр венчика 14,6 см, горла — 9 см, тулова — 25 см, дна — 12,4 см. Рядом с кувшином лежали кости барана (лопатки, кости ног, ребра) и железный нож с черенком и «горбатой» спинкой (рис. 1, 2). Длина ножа 9,7 см.

Железные наконечники стрел, подобные наконечникам из данного погребения, широко представлены в сарматских погребениях уже со второй половины IV в. до н. э., оставаясь ведущими вплоть до II в. до н. э.¹

Аналогичные кувшины, как черно-, так и серолощенные, довольно часто встречаются в Нижнем Поволжье и особенно в Прикубанье. Дати-

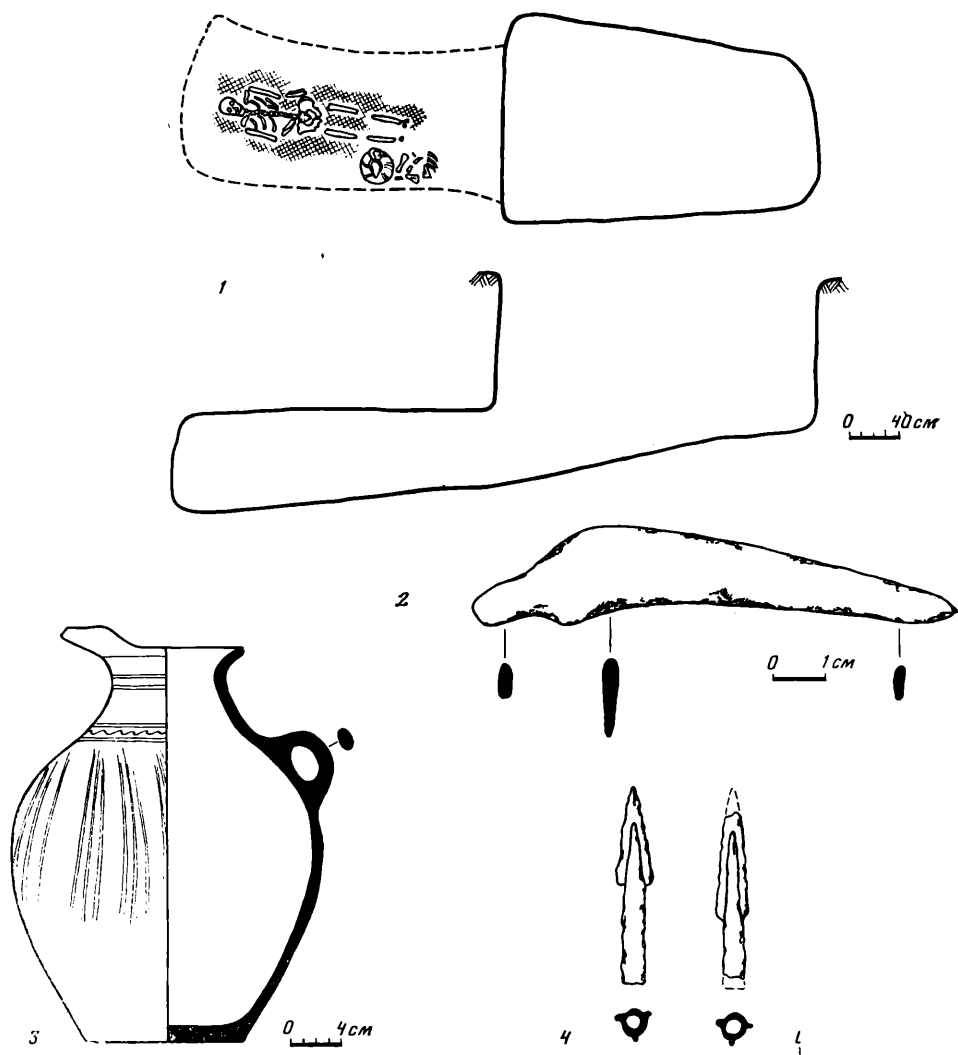

Рис. 1. Погребение 8 кургана 10 у ст. Хоперская

1 — план; 2 — железный нож; 3 — чернолощеный кувшин; 4 — железные наконечники стрел

руются они, как правило, среднесарматским временем и имеют, вероятно, кавказское происхождение².

Погребение 8 из кургана 11 (рис. 2, 1) имело входную яму прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии запад — юго-запад — восток — северо-восток. Длина ямы 2,5 м, ширина западной стороны — 0,95 м, восточной — 0,75 м, глубина — 2,7 м. В западной стенке был устроен вход в погребальную камеру. Входное отверстие имело арочную форму. Высота отверстия 0,4 м, максимальная ширина — 0,65 м. Камера прямоугольной формы располагалась на одной оси с входной ямой. Длина камеры 2,5 м, ширина — 0,9 м, высота свода (в центре) 0,6 м. Дно камеры плавно понижалось к западной стенке на 0,55 м. На дне в деревянном гробовище находился скелет мужчины. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал в вытянутой позе на спине. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая, согнутая в локте, — покоилась кистью на тазовых костях. На груди погребенного обнаружена бронзовая проволоочная фибула (рис. 2, 3). Она имела 12-витковую пружину и прямую спинку; ножка расплющена в виде узкого треугольного щитка, а конец ее закручен в виде восьмерок. Слева от гробовища стоял серо-лощеный кувшин с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком и

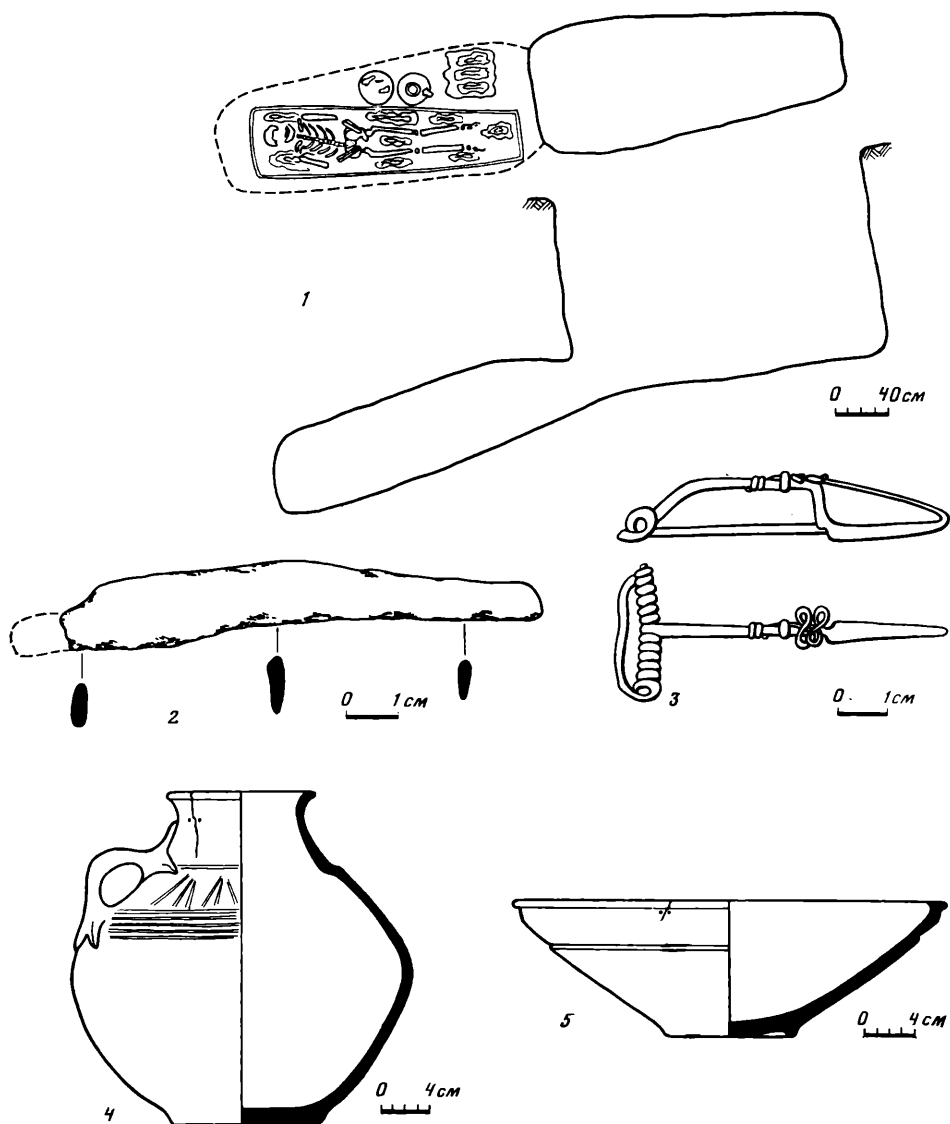

Рис. 2. Погребение 8 кургана 11 у ст. Хоперская

1 — план; 2 — железный нож; 3 — бронзовая фибула; 4 — сероглиняный кувшин; 5 — сероглиняная миска

плоским дном (рис. 2, 4). Сбоку крепилась петлевидная ручка, концы которой были оформлены в виде птичьих лапок. По плечикам сосуда шел орнамент из горизонтальных прочерченных линий и заключенных между ними треугольников. Высота кувшина 26,5 см, диаметр венчика 12 см, горла — 10,5 см, тулова — 27 см, дна — 12 см. Рядом с кувшином находилась сероглиняная миска на кольцевидном поддоне (рис. 2, 5). Диаметр ее венчика 34 см, дна — 10 см, высота — 10,5 см. В миске лежали кости барана и железный нож со слегка «горбатой» спинкой и вогнутым лезвием (рис. 2, 2). Длина сохранившейся части черенка 9,2 см. Слева от гробовища отмечено пятно древесного тлена (0,6×0,35 м). На нем обнаружены мелкие фрагменты бронзы.

Фибула важна как датирующий материал. По форме и конструкции ее следует отнести к расчлененным фибулам среднелатенской схемы³. Происхождение фибул с восьмеркообразным расчленением конца ножки связано с культурами кельто-иллирийского круга Юго-Восточной Европы.

Подобные фибулы часто встречаются на памятниках Словакии⁴, Румынии⁵ и Югославии⁶. По вопросу о времени бытования этих фибул единого мнения нет. По Я. Филипу это — середина II — начало I в. до н. э.⁷

По строению ножки хоперская фибула близка к фибулам зарубинецкого типа и балканским копьевидным. По мнению К. В. Каспаровой, наиболее ранние фибулы зарубинецкого типа появляются не позднее середины II в. до н. э., а позднейшие — в I в. до н. э.⁸ З. Марич относит копьевидные фибулы с узкими слабо развитыми треугольными щитками к 110—35 гг. до н. э.⁹

Применение фибул указанных типов на одной территории, вероятно, привело к созданию таких, у которых сочетаются треугольное расширение ножки и восьмеркообразное расчленение ее конца.

Хоперская фибула представляет собой редкий тип для территории нашей страны. Ближайшие аналогии ей происходят из Йелшовиц (Словакия)¹⁰ и Нови Бановци (Сербия)¹¹.

Катакомбные захоронения из курганов у ст. Хоперская по устройству относятся к типу II сарматских катакомб по классификации К. Ф. Смирнова. Этот тип катакомб более, чем для Северного Кавказа, характерен для районов Поволжья и Приуралья, где и появляется уже с IV в. до н. э.¹² Хоперские захоронения, вероятно, следует датировать второй половиной II—I в. до н. э.

Вопрос о времени появления и этнической принадлежности катакомб Северного Кавказа до сих пор остается спорным. Новые подобные памятники сарматского времени с территории Северного Кавказа несомненно способствуют решению этой проблемы. Рассмотренные катакомбные захоронения и другие аналогичные им, относящиеся ко времени ранее рубежа нашей эры¹³, ставят под сомнение попытку ряда исследователей связать появление катакомб с аланами¹⁴, утверждение которых на сарматской территории можно отнести лишь к началу второй половины I в. н. э.¹⁵

На наш взгляд, правы те исследователи, которые считают методически неверным выделять аланскую культуру по конструкции погребального сооружения¹⁶.

¹ Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.— КСИИМК, 1950, XXXII. с. 122, 123, рис. 37, 8; Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах.— КСИА, 1962, 89, с. 79, рис. 27, 53, 61.

² Шилов В. П. Калининский курганный могильник.— МИА, 1959, 60, с. 477, 478.

³ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 14, табл. 1, 6—11.

⁴ Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956, s. 99, rys. 30, 7.

⁵ Zirra V. Un cimitir celtic in Nord-Vestul Românie. Maramureş, 1967, p. 58, fig. 28.

⁶ Тогорубић У. Каталог праисторијских металних предмета. Београд, 1971, с. 140, табл. LXIV, 7, 8.

⁷ Filip J. Keltové..., s. 102.

⁸ Каспарова К. В. О фибулах зарубинецкого типа.— АСГЭ, 1977, вып. 18, с. 75.

⁹ Marić Z. Japodske nekropole u dolini Une.— In: Glasnik Zemaljskog museja u Sarajevu. Sarajevo, N. S., 1968, XXIII, t. XI, s. 24.

¹⁰ Filip J. Keltové..., s. 99, fig. 30, 7.

¹¹ Majnarić-Pandžić N. Keltsko-latenska kultura u Havoniji i Sijemu.— In: Acta Musei Cibalensis. Vinkovci, 1970, t. 2, s. 89, tabl. XXVI, 1, 1a, 2.

¹² Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбы

Южного Приуралья — Поволжья и их отношении к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 74, 77.

¹³ Коренько В. А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае.— КСИА, 1980, 162, с. 96—101. Выражаю признательность Т. В. Мирошиной за информацию о десяти подобных катакомбах, исследованных в курганах Ставропольского края.

¹⁴ Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, 106; Березин Я. Б., Савенко С. Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.

¹⁵ Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв.— СА, 1982, № 2, с. 51.

¹⁶ Абрамова М. П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н. э.— первые века н. э.).— В кн.: Тр. ГИМ, 1982, вып. 54, с. 17; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия..., с. 53.

НОВЫЕ САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

В 1980 г. Ставропольской экспедицией Института археологии АН СССР на землях колхоза им. Войтика Александровского р-на Ставропольского края раскопан курган высотой 1,3 м и диаметром 46 м. Он был сооружен в период средней бронзы и содержал три впускных сарматских погребения¹.

Погребение 1 находилось в северо-западном секторе кургана, в прямоугольной могильной яме, ориентированной в направлении северо-восток — юго-запад и имевшей глубину 1,6 м от вершины кургана. Размеры ямы определить не удалось. На дне ее обнаружен скелет подростка², лежащий на спине, черепом на юго-запад. Левая рука была положена ладонью вверх, правая — ладонью вниз, стопы сведены. У шеи найдено пять мелких круглых пастовых зеленых и белых бусин, у левого локтя — небольшой необработанный песчаниковый камень.

Погребение 4 (рис. 1, I) располагалось в северной поле кургана на глубине 1,82 м от его вершины. Прослежена только северо-западная стенка могильной ямы, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. Скелет мужчины 50—60 лет лежал на спине, черепом на северо-запад. Правая рука согнута в локте, кисть — на тазе, левая рука вытянута, положена ладонью вниз. Ноги были слегка согнуты в коленях и лежали на левом боку. Под костяком обнаружены следы темно-коричневой органической подстилки.

У черепа найден небольшой тонкостенный гончарный сосуд, изготовленный из серой, хорошо отмученной глины; горло его отбито в древности (рис. 2, I). Он имеет шаровидное тулово, кольцевой поддон, на плечиках прочерчены три горизонтальные полосы. Высота сохранившейся части 10 см, диаметр дна 5,5 см. У левого плеча встречена фрагментированная сероглиняная лепная кружка с туловом округлой формы, петлевидной ручкой, отходящей от края венчика, и следами копоты на поверхности (рис. 2, 2). Высота ее 14 см, диаметр дна 7 см. В 0,05 м к северу от левой бедренной кости лежал фрагмент лезвия железного меча (рис. 2, 3). В северном углу могилы находились кости ноги овцы.

В 2,5 м к северу от черепа обнаружен развал обломков весьма интересного сосуда, поставленного дном вверх (рис. 3, I). Хотя этот сосуд найден далеко от костяка, он, вероятно, относится к погребению 4, так как находился на одном уровне с ним. Сосуд сделан из черной глины с черными и белыми включениями, снаружи и внутри имеет небрежное лощение. Это корчага с яйцевидным туловом, переходящим в узкое горло, и отогнутым венчиком, может быть, изготовленная на гончарном круге. От венчика со сливом отходит круглая в сечении ручка, посредине горла — налупной валик. Выше валика горло украшено прочерченным орнаментом из вертикальных линий, сгруппированных по пять. На верхней половине сосуда прочерчены изображения бегущих влево пяти оленей, причем один вдвое меньше остальных (рис. 3, 2). Все крупные фигуры оленей изображены с ветвистыми рогами; маленькая фигура (оленок?) — с двумя рожками. У всех фигур хорошо переданы треугольные уши, горизонтальные линии на горле, передняя и задняя ноги с копытом в профиль. Маленький хвост задран вверх, туловище вытянутое, с сужением посредине. На туловище чередуются заштрихованные и гладкие треугольники, на задней части — две точки. Высота сосуда 54,4 см, диаметр дна 17,2 см, наибольший диаметр — 46 см, высота фигур крупных оленей 26 см. Возможно, сосуд стоял во входной яме непрослеженной катакомбы, которые известны в Ставропольском крае с IV—III вв. до н. э.

Погребение 5 (рис. 1, II) найдено к югу от погребения 4, на глубине 2,1 м от вершины кургана. Прослежена северо-западная часть овальной

184

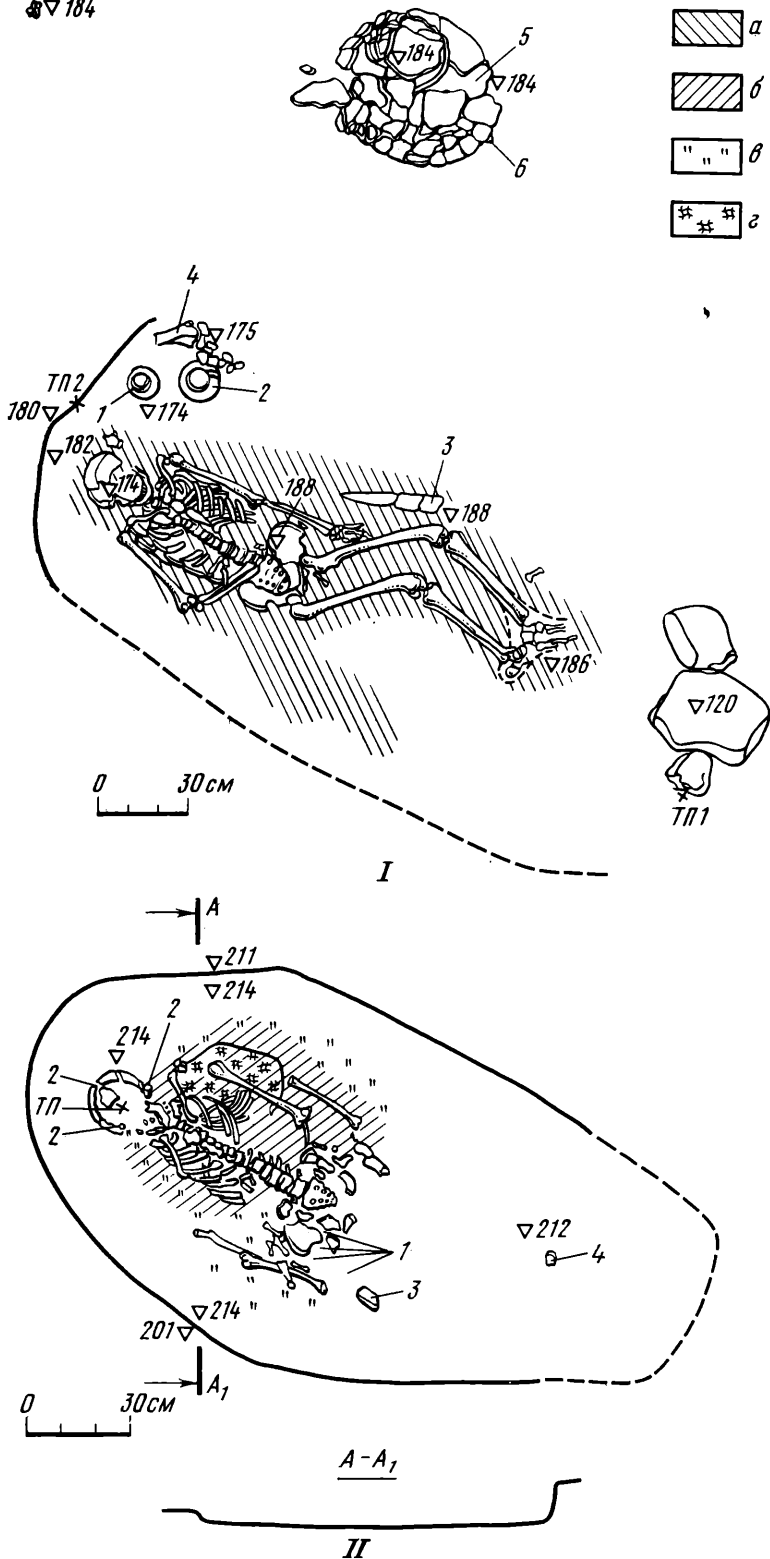

Рис. 1. Планы погребений 4 и 5 на землях колхоза им. Войтика

I — план погребения 4: 1 — гончарный сосуд, 2 — лепной сосуд, 3 — железный меч, 4 — кости животного, 5 — сосуд с оленями, 6 — камень, 7 — фрагмент железного предмета; II — план и разрез погребения 5: 1 — бусы, 2 — височные кольца, 3 — железный предмет, 4 — фрагмент стенки сосуда; а — органический тлен; б — следы тлена перекрытия; в — органическая подстилка; г — дерево (?)

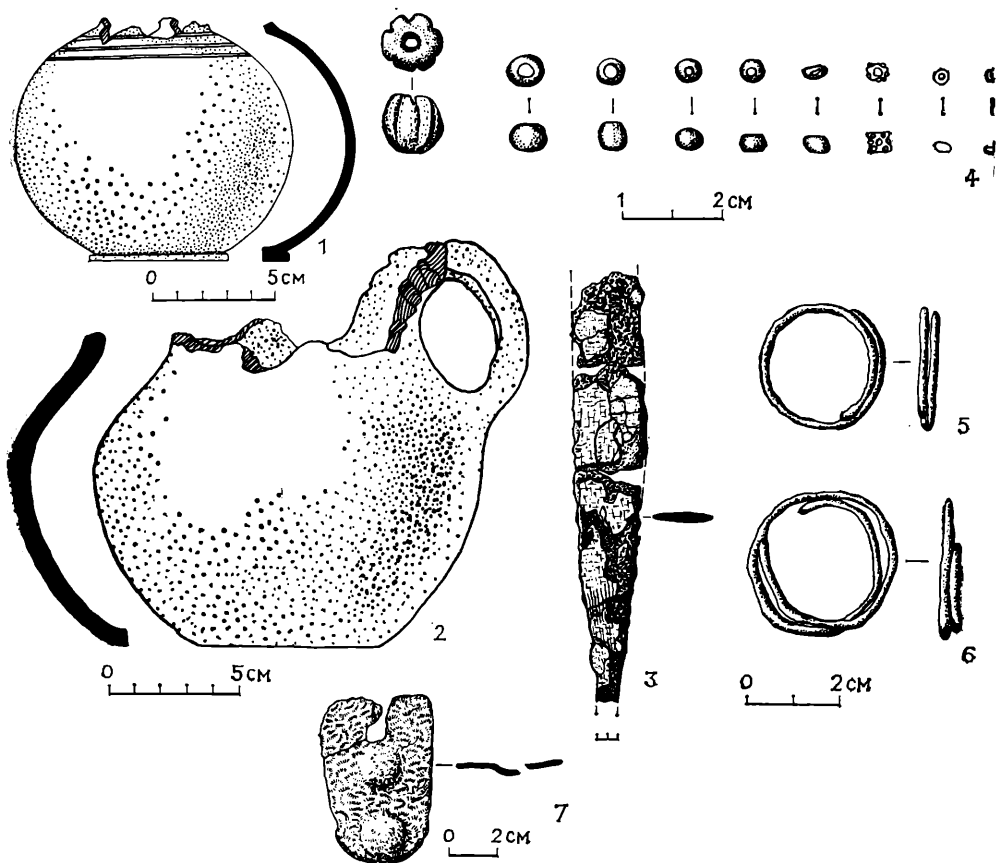

Рис. 2. Инвентарь погребений 4 и 5

1 — гончарный сосуд; 2 — лепной сосуд; 3 — фрагмент меча; 4 — стеклянные бусы; 5 — серебряное височное кольцо; 6 — бронзовое височное кольцо; 7 — железный предмет; 1—3 — из погребения 4; 4—7 — из погребения 5

ямы размерами около 2×1 м, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. На дне могилы на спине, черепом на северо-запад лежал скелет женщины, значительно потревоженный скрепером. На правом крыле таза виднелось пятно зеленого цвета от несохранившегося бронзового предмета, под левым плечом — следы дерева. Под костями скелета обнаружен темно-коричневый тлен толщиной 5 см, на костях — коричневый тлен, возможно от перекрытия могилы.

Под нижней челюстью и у правого крыла таза найдены бусы — янтарная прямоугольная, семь гешировых бочонкообразных, две голубые и три синие бисеринки, пять красных круглых стеклянных, четыре голубые дольчатые, две белые бородавчатые (рис. 2, 4). У висков обнаружены серебряные проволочные височные кольца диаметром 2,5 см, свернутые в $1\frac{1}{3}$ оборота (рис. 2, 5), а под затылком — бронзовое кольцо диаметром 3 см, свернутое в два оборота (рис. 2, 6). Справа от правого бедра лежала прямоугольная железная пластинка размерами $6,6 \times 4,2$ см с двумя приварившимися пастовыми бусинами (рис. 2, 7). У левого крыла таза найдена стеклянная шестидольчатая бусина, у ступней — мелкие фрагменты сосуда.

Обратимся к анализу материалов из рассмотренных погребений. Проволочные спиральные височные кольца из погребения 5 являются характерным раннесарматским украшением IV—II вв. до н. э.³ Бусы из погребений 1 и 5 относятся к III—I вв. до н. э.⁴ Сосуды из погребения 4 не имеют прямых аналогий. Гончарный сероглиняный сосудик может быть меотского производства. Строченные горизонтальные линии на горле из-

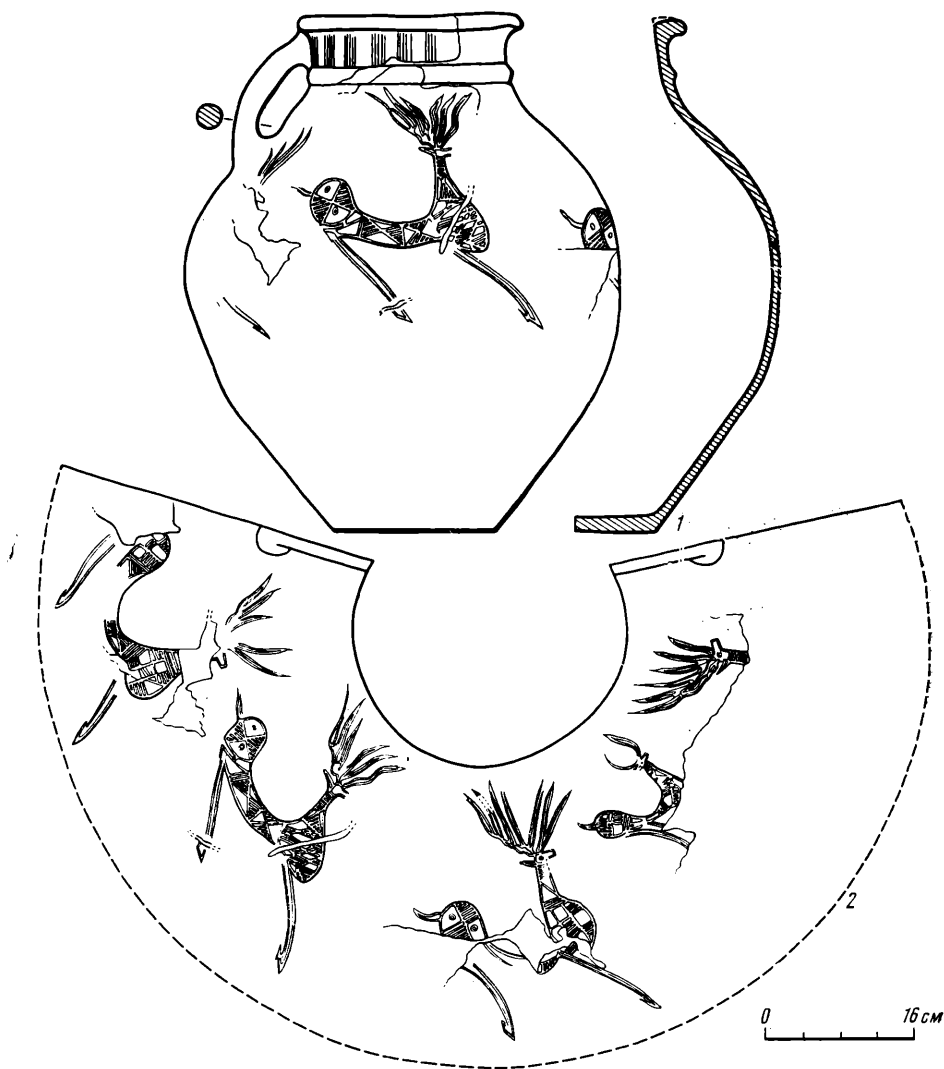

Рис. 3. Сосуд с оленями из погребения 4

1 — общий вид; 2 — развертка изображения

вестны на кувшинах из Усть-Лабинского могильника, датированных временем от IV до I в. до н. э.⁵; в это же время встречаются кольцевые поддоны. Хотя лепная кружка по очертаниям и типу крепления ручки близка таким же сосудам из Подкумского могильника I—III вв. (погребения 12, 30, 32, 33, 35)⁶, по остальному инвентарю все погребения сарматского времени данного кургана, видимо, можно датировать III—I вв. до н. э.

Особый интерес представляет уникальный сосуд с изображениями оленей. Подобные профильные изображения оленей известны на ряде сосудов Северного Кавказа: это корчаги из Ставрополя и Нальчика⁷, фрагменты сосудов из Пятигорска (собрание А. С. Попова в Анапе), кургана в Моздокском карьере и поселения в Зольском карьере⁸, кружка из погребения у с. Отрадное⁹, фрагменты сосудов из погребения 86/150 Лугового могильника и из Бештауского поселения. Все эти сосуды относятся к VI в. до н. э. Кроме того, близкие изображения имеются среди наскальных рисунков в Дагестане, на бронзовых поясах и топорах из Тлийского могильника¹⁰. Схема всех этих изображений одинакова: бегущие влево олени (на «пуантах») с тонким туловищем. На сосудах из Нальчика, Отрадного и Бештау рядом с оленями помещены треугольники —

типично кавказская орнаментация. Формы сосудов с такими изображениями также местные¹¹.

Сосуд из кургана на землях колхоза им. Войтика иной. Видимо, по форме он сарматский, но сделан кавказским мастером, который поместил на нем традиционные для Кавказа изображения. Аналогий среди ранней кавказской керамики он не находит. По размерам этот сосуд значительно больше других сосудов с оленями. По форме он похож на кувшины из Пседаха¹² и из погребения 6 кургана 10 Моздокского могильника¹³, датируемые III—I вв. до н. э. Видимо, этот сосуд можно отнести к тому же времени, что и сарматские погребения рассматриваемого кургана. Изображение оленей на сосуде из кургана на землях колхоза им. Войтика — самое совершенное из известных. Олени занимают половину сосуда (в других случаях — только верхнюю треть). Треугольники на их туловищах встречены впервые. В этих особенностях, вероятно, проявляется развитие схемы орнамента во времени.

Сосуды с оленями известны только в мужских погребениях. Вероятно, они были ритуальными. Может быть поэтому, в рассматриваемом кургане этот сосуд был поставлен далеко от скелета и вверх дном. Погребения 4 и 5 рассматриваемого кургана (мужское и женское), видимо, разделяет небольшой промежуток времени, так как они находились рядом и были одинаково ориентированы. Все сарматские погребения этого кургана, возможно, принадлежали одной семье. Если это так, то такой «семейный» курган встречается в Ставропольском крае впервые.

¹ Благодарю начальника Ставропольской экспедиции В. Л. Державина и начальника раскопа Т. Н. Мишину за предоставленное мне разрешение опубликовать материал сарматских погребений этого кургана.

² Все антропологические определения сделаны Г. П. Романовой.

³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 44.

⁴ Благодарю Е. М. Алексею за консультацию по датировке бус.

⁵ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, 23, с. 165, рис. 3, 8; с. 173, рис. 6, 2, 3, 6, 7.

⁶ Раскопки М. П. Абрамовой.

⁷ *Иссен А. А.* Северокавказские сосуды с изображением оленя.— В кн.: Сообщ. ГАИМК, 1931, вып. 2, с. 14—17.

⁸ *Пиотровский Б. Б., Иссен А. А.* Моздокский могильник. Л., 1940, табл. XII, 1, 2.

⁹ *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, рис. 20, 1.

¹⁰ Там же, с. 174; *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Тбилиси, 1981, рис. 58, 1; 81, 1.

¹¹ *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ..., с. 170, 171.

¹² *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.— СА, 1979, № 2, с. 33, рис. 1.

¹³ *Виноградов В. Б.* Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 14, 4.

О. А. ГЕЙ

ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ У ХУТ. МАЛАИ

В 1981 г. Северокавказская экспедиция Института археологии исследовала несколько курганных групп в северо-западном Прикубанье, в том числе Малаи I. Все курганы этой группы были сооружены в эпоху бронзы. Среди впускных погребений есть принадлежащие к сарматскому времени. Одно из них (погребение 9 кургана 9) представляет особый интерес. Оно было впущено с поверхности насыпи пятиметрового кургана на глубину 3 м.

Захоронение совершено в катакомбе, длинные оси входной ямы и камеры которой вытянуты в одном направлении (тип II катакомб по Б. Н. Гракову; рис., 1). Погребальное сооружение ориентировано по линии:

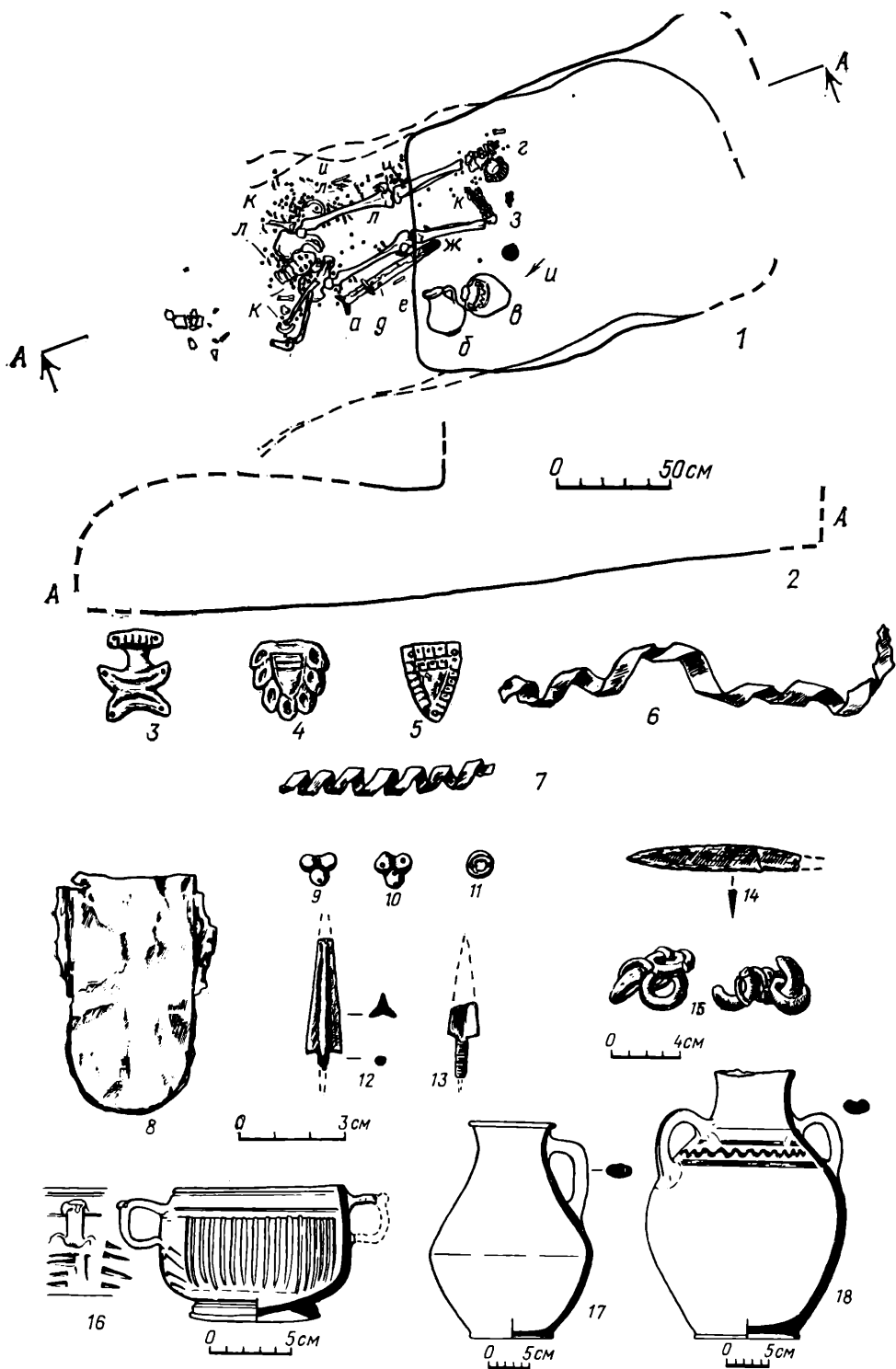

Рис. Курган 9 у хут. Малаи

1, 2 — план и разрез погребения сарматского времени; 3—18 — вещи из погребения

запад — юго-запад — восток — северо-восток. Входная яма шириной 1,2 м и длиной более 1,5 м имела продолговатую в плане форму. Дно наклонное с понижением в сторону камеры, стенки вертикальные, покрыты плотным толстым слоем белого известкового вещества (видимо, естественный на-

лет солей). На стенках кое-где видны широкие и гладкие следы орудия типа лопаты. В верхней части заполнения входной ямы попадались куски древесного тлена, вероятно, от рухнувшего перекрытия. Форму камеры полностью проследить не удалось, так как западная часть срезана скрепером. Ширина камеры, как и ширина входной ямы, составляла 1,2—1,4 м. Дно камеры слегка понижалось к западу.

В катакомбе похоронен взрослый мужчина¹, туловище и часть бедер которого находились в камере, а ноги ниже колен — во входной яме. Верхняя часть костяка повреждена скрепером. Погребенный лежал в вытянутой позе на спине, головой на запад — юго-запад. Правая рука согнута в локте, кисть ее ладонью вниз положена на таз. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть ее лежала слева от головки левого бедра, ладонью вниз. Ноги вытянуты параллельно друг другу, причем правая стопа неестественно вывернута в левую сторону и лежит плашмя. Может быть, это связано с каким-нибудь повреждением, заболеванием или врожденной травмой ноги.

Инвентарь погребения богат и разнообразен. По всей площади могилы были рассеяны многочисленные бляшки из золотой фольги, которые, видимо, были нашиты на полностью истлевшую ткань от покрывала или плаща. Четыре из них — круглые диаметром 0,5—0,7 см с двумя отверстиями по краям для пришивания (рис., 11); 87 — треугольной формы, состоящие из трех полусферических ячеек с отверстиями (рис., 9, 10); восемь — фигурные с изображением двух соединенных полумесяцев (рис., 3); 37 — треугольной формы с растительным орнаментом по краям (рис., 4); восемь — треугольные с геометрическим орнаментом (рис., 5).

У левой стопы погребенного стоял небольшой гончарный кубок с двумя ручками на кольцевом сложнопрофилированном поддоне (рис., 16). Его высота 8,3 см, диаметр венчика 9,8—10,2 см, дна — 7,8 см. Кубок изготовлен из хорошо отмученной светло-желтой глины без видимых примесей. Тулово сосуда украшено грубыми уплощенными каннелюрами, вырезанными острым желобчатым орудием. Внутренняя поверхность кубка покрыта бурым лаком, на внешней стороне сохранились следы красящего темного вещества, имитирующего черный лак, нанесенного уже после того как были сделаны каннелюры. По пропорциям, форме, устройству ручек и поддона сосуд напоминает античные черно- и краснолаковые кубки III в. до н. э. — начала III в. н. э., а также чернолаковые канфары с каннелюрами². Определенное сходство в форме наблюдается и с прикубанскими кубками из литого стекла, причем наиболее близки стеклянные кубки типа I (по классификации К. Ф. Смирнова) из сарматских погребений Зубовского и Воздвиженского курганов. Датируются они временем не ранее второй четверти I в. до н. э.³

У правой голени стоял большой гончарный двуручный кувшин на кольцевом поддоне с отбитым горлом (рис., 18). Его высота 31 см, диаметр венчика 9 см, максимальный диаметр тулова 22 см. Сосуд изготовлен из хорошо отмученного теста серого цвета без видимых примесей. Внешняя поверхность покрыта темно-серым лощением, местами переходящим в черное. Плечики украшены линейным и волнистым орнаментом, нанесенным девятизубым штампом. Кувшин пока не имеет аналогий ни в античной, ни в местной меотской керамике. Не встречаются подобные сосуды и в центральных районах Кавказа.

Здесь же, у правой голени, стоял одноручный гончарный кувшин со слабовыраженным кольцевым поддоном (рис., 17). Его высота 26,7 см, диаметр венчика 10,5 см, дна — 9,7 см. Сосуд изготовлен из оранжевого расслаивающегося теста. Внешняя поверхность покрыта красновато-оранжевым ангобом. По форме и пропорциям этот кувшин близок многочисленным боспорским, меотским, крымским кувшинам из серой и красной глины, бытовавшим с III в. до н. э. до первых веков нашей эры⁴.

Между кубком и правой стопой погребенного найдены два обрывка железной цепи, состоявшей из чередующихся тонких и толстых колец (рис., 15).

Вдоль правого бедра лежал короткий железный меч (рис., 1а). Его длина 52,5 см, максимальная ширина линзовидного в сечении лезвия 5 см. Меч имел серповидное навершие, обернутое полоской золотой фольги, и прямое перекрестие. На рукояти обнаружены следы костяных накладок. От ножен сохранился наконечник, состоявший из костяных пластинок, обернутых листками золотой фольги (рис., 8). Особенности оформления навершия (без шишечек или утолщений на концах), а также прямое перекрестие не позволяют отнести этот меч к группе мечей с серповидными навершиями Северного Кавказа, выделенной М. П. Абрамовой⁵. Типологически он более близок прохоровским мечам, которые были распространены в IV—II вв. до н. э.⁶, но, видимо, могли употребляться и позднее. Рядом с мечом находилось лезвие железного ножа с «горбатой» спинкой (рис., 14), а на лезвии меча, возле перекрестия, — обломок бронзового предмета.

С внешней стороны левого бедра и колена погребенного обнаружено восемь железных черешковых трехлопастных наконечников стрел с остатками древков на черешках (рис., 12, 13). Чуть выше, в районе таза, видимо, находились древки стрел (рис., 6, 7). Черешковые стрелы на Северном Кавказе появляются не ранее I в. до н. э., а широкое распространение получают, видимо, лишь в I в. н. э.⁷

Таким образом, судя по инвентарю, это захоронение можно датировать временем около рубежа нашей эры, может быть, I в. до н. э. Погребение интересно не только богатством инвентаря, но и типом могильного сооружения. Вопрос о происхождении катакомб Северного и Центрального Кавказа не имеет однозначного решения. М. П. Абрамова считает, что раннеаланские катакомбы Нижнедзулатского могильника генетически связаны с местными и боспорскими «земляными склепами»⁸. Однако типы катакомб с камерой и входной ямой, вытянутыми по одной оси, имеют, видимо, иное, сарматское, происхождение. Именно такие катакомбы преобладают в Южном Приуралье, Поволжье, Подонье и Приднепровье⁹. Можно полагать, что сарматскими чертами в комплексе рассматриваемого погребения являются погребальное сооружение, оружие (меч), покрывало с нашитыми на него бляшками. Однако ориентировка погребенного и керамический материал в большей степени характерны для меотов.

¹ Определение Г. П. Романовой.

² *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, рис. 77—80, с. 84—86; *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977, с. 60, 61, 86.

³ *Смирнов К. Ф.* Северский курган. М., 1953, с. 20.

⁴ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, 23, с. 173; *Капошина С. И.* Некрополь в районе пос. им. Войкова близ Керчи. — МИА, 1959, 69, с. 137—140; *Гущина И. И.* О сарматах в юго-западном Крыму. — СА, 1967, № 1, с. 46.

⁵ *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 4—8.

⁶ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоров-

ской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 34.

⁷ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 191; *Козенкова В. И.* Комплексы сарматского времени из ст. Ново-Титаровская (Краснодарский край). — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 78.

⁸ *Абрамова М. П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Предкавказья. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 65, 66.

⁹ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. — СА, 1972, № 1, с. 78.

АЛАНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ СТАВРОПОЛЬЯ

Среди курганов, исследованных Ставропольской экспедицией Института археологии в междуречье р. Томузловка и ее левого притока р. Калининка в Александровском р-не Ставропольского края, выделяется группа невысоких, сильно распаханных насыпей, имеющих по одному катакомбному погребению. Дромосы в них ориентированы по оси север—юг с небольшими отклонениями. Входные ямы прямоугольной формы, иногда немного расширяются к северу, дно их понижается по направлению к входу. В некоторых случаях вместо пандуса — ступени. Длинные оси камеры и дромоса перпендикулярны. Вход в катакомбу находится, как правило, в северной стенке ямы. Камера отделяется от входной ямы ступенькой. Такие катакомбы относятся к типу I (по классификации К. Ф. Смирнова)¹. Все погребения в этих курганах ограблены, и лишь немногие сохранившиеся вещи дают возможность отнести захоронения к началу I тысячелетия н. э. Не является исключением и погребение 1 кургана 8 группы Веселая Роща II (рис. 1).

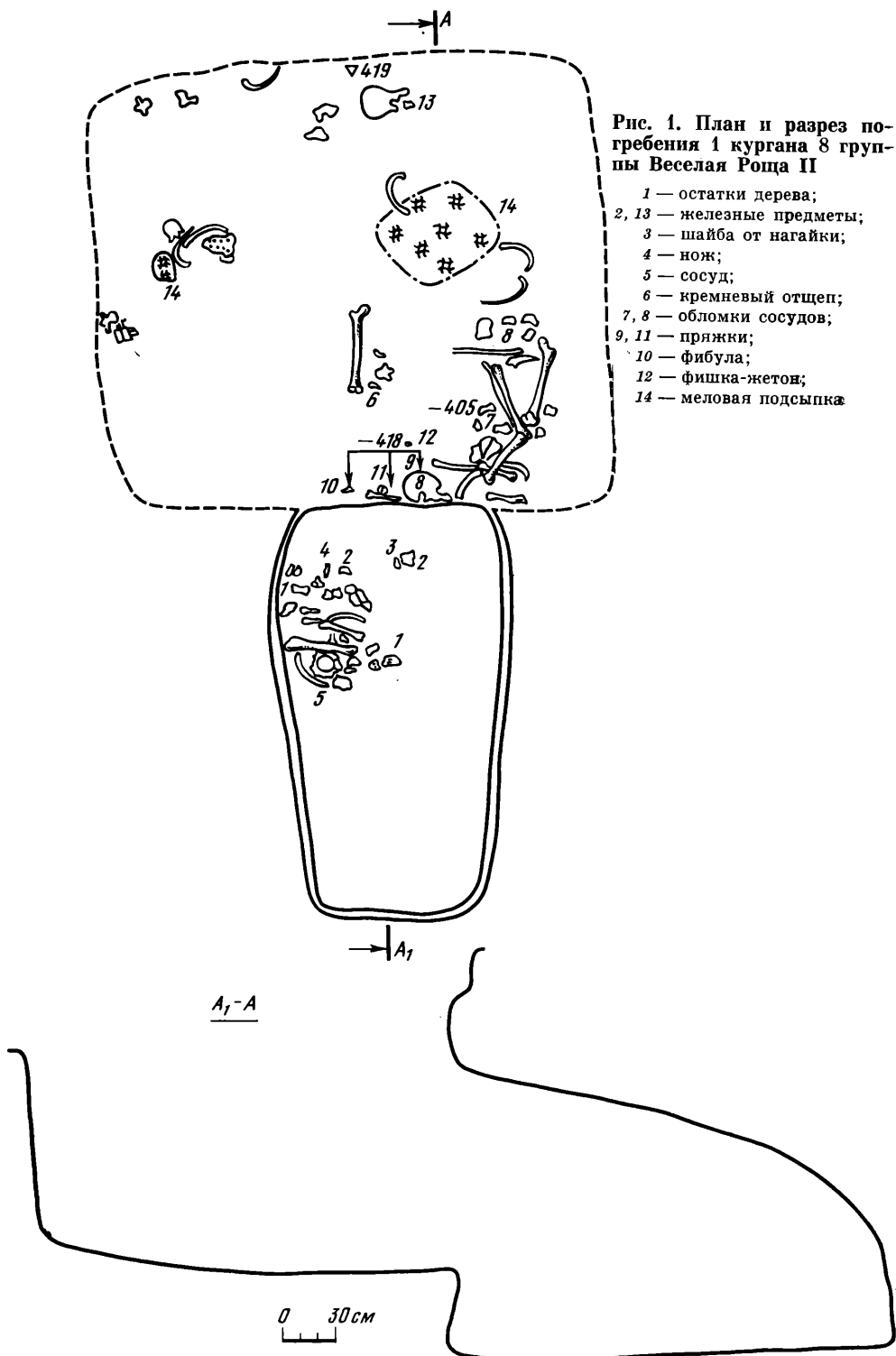
Курганная насыпь, под которой оно найдено, имела высоту 1,43 м и диаметр 36 м. Ровик не прослеживался. Грабительский ход попал точно во входную яму могилы, не нарушив ее конструкции. Можно предположить, что на поверхности кургана вход в погребение был каким-то образом отмечен.

Входная яма в плане имела форму трапеции. Длина ее 2,32 м, ширина в северной части — 1,25 м, в южной — 0,85 м. Продольные стенки ямы скошены ко дну, немного понижавшемуся в сторону входного отверстия. В заполнении входной ямы в плотном грунте затека на глубине 3,3—3,5 м от вершины кургана были обнаружены скопления костей человека, обломки дерева, возможно от заклада катакомбы, два обломка железного ножа с прямой спинкой (рис. 2, 6) и обломки сероглиняного горшочка с короткой шейкой и слабоотогнутым венчиком (рис. 2, 9), находящего аналогии в сарматских могилах Нижнего Поволжья². Ближе к центру ямы лежали металлическая шайба нагайки с сохранившимся в отверстии деревом от рукоятки (рис. 2, 5) и железная обойма прямоугольной формы (рис. 2, 8). Подобная, но меньших размеров свинцовая шайба и серебряная обойма от рукоятки нагайки найдены в погребении 6 кургана III в урочище Четыре Брата на Дону³. Здесь же на разных глубинах лежали кусочки железа и железного шлака, серебра и бронзы.

В погребальную камеру вела отвесная ступенька высотой 0,47 м. Вход в камеру имел размеры 1,13×1,10 м. Сама камера в плане прямоугольная размерами 2,8×2,52 м, со сводчатым потолком, вытянута с запада на восток. Высота ее 1,55 м. На дне камеры были разбросаны кости человека 35—45 лет⁴. Большая часть ребер, нижняя челюсть, крестец и правое крыло таза найдены в западной части камеры, все кости ног — в восточной. Не исключено, что такое расположение костей свидетельствует о западной ориентировке костяка. На дне погребальной камеры сохранились два пятна меловой подсыпки (рис. 1).

В погребальной камере обнаружены две серебряные пряжки, серебряная проволочная фибула, стеклянная фишка, несколько сильно коррозированных железных обломков, возможно от меча, кремневый отщеп (рис. 2, 3), служивший, вероятно, для высекания огня, и мелкие обломки керамики.

Представляет интерес серебряная овальнорамчатая литая пряжка с подвижным язычком и овальным щитком (рис. 2, 1). Щиток украшен прекрасно отполированным плоским сардониксом, закрепленным в гнезде из вертикальной пластины и обвитым двумя рядами золотой скани (проволочки сплетены косичкой). На щитке — два шпенька-заклепки, прикреплявших пряжку к ремню и служивших декоративным целям. Прямые

аналогии этой пряжке нам неизвестны, однако в качестве более поздней ее имитации можно вспомнить пряжку из Цebельды, опубликованную В. Б. Ковалевской⁵, где скань заменена насечкой-«елочкой». В. Б. Ковалевская относит пряжку к предметам местного производства и датирует V в. н. э. Пряжка из Веселой Рощи, по мнению В. Б. Ковалевской, относится к IV в. н. э. Вторая серебряная пряжка по типу аналогична

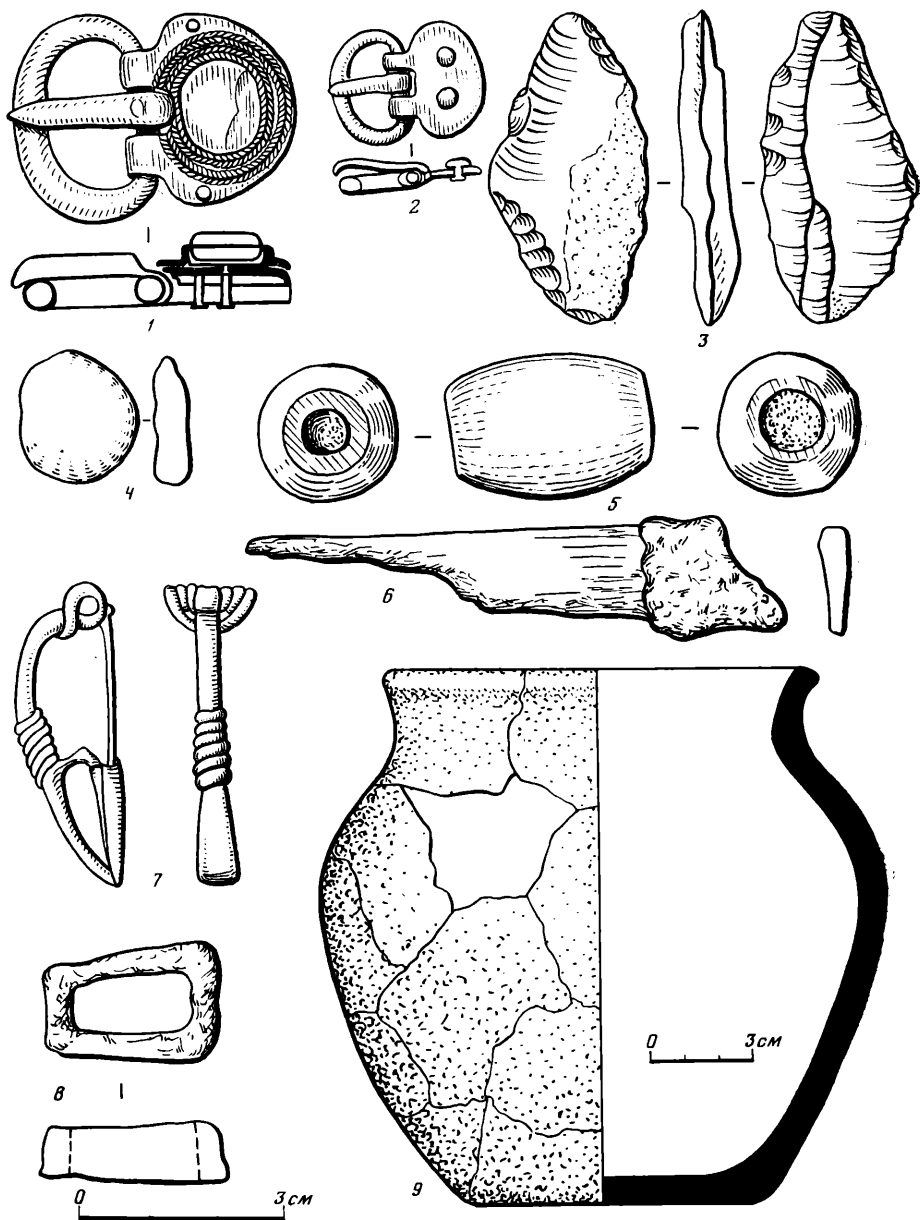

Рис. 2. Вещи из погребения 1 кургана 8 группы Веселая Роща II

1, 2 — серебряные пряжки; 3 — кремневый отщеп; 4 — стеклянная фишка-жетон; 5 — шайба от нагайки; 6 — железный нож; 7 — серебряная фибула; 8 — железная обойма; 9 — сосуд

описанной, но меньших размеров и не имеет украшений (рис. 2, 2). Такие пряжки датируются III—V вв.

Проволочная двучленная лучковая фибула с подвязным приемником, нижней тетивой и раскованной ножкой (рис. 2, 7) принадлежит к типу, датированному А. К. Амброзом II—III вв. для территории Северного Причерноморья и IV в.— для Кавказа и Поволжья⁶. По мнению А. С. Скрипкина, в Нижнем Поволжье такие фибулы появляются раньше — во второй половине III в.⁷ В Румынии ареал лучковых фибул в карпо-дакийских могильниках совпадает с зоной распространения сарматов во II—III вв.

Стеклянная игральная фишка-жетон имеет плоскую форму. Диаметр ее 1,7 см, толщина — 0,4 см. Подобные предметы датируются III—IV вв.⁸

Анализ немногочисленного инвентаря из рассматриваемого погребения:

позволяет датировать его второй половиной III—IV в. Погребения, по времени и типу аналогичные раскопанным в группе Веселая Роща, известны в Чечено-Ингушетии⁹. Катакомбы здесь также были ограблены, но сохранившиеся предметы по типам и набору похожи на полученные при раскопках в Веселой Роще. Однако погребальные сооружения отличаются ориентировкой дромосов, которые во всех случаях были вытянуты в направлении с запада на восток.

Катакомбы с камерами, перпендикулярными оси дромоса, наиболее характерны для алан раннего средневековья¹⁰. К атрибуции любых катакомбных захоронений следует подходить крайне осторожно¹¹. Однако, учитывая предгорный характер района, в котором расположен могильник Веселая Роща II, рассматриваемое погребение скорее всего можно отнести к аланским.

- ¹ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья—Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 74, 75, рис. 1.
- ² *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г.— В кн.: Древности Астраханского края. М., 1977, с. 68, 163, рис. 72, 1.
- ³ *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работа Багаевской экспедиции в 1971 г.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974, т. II, табл. XIV, 4; XV, 9.
- ⁴ Определение Г. П. Романовой.
- ⁵ *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, 1979, вып. Е1-1, с. 19, табл. IV, 3.
- ⁶ *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской

части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 52, табл. 9, 18.

- ⁷ *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений).— СА, 1977, № 2, с. 108.
- ⁸ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.). М., 1970, с. 41; *Сымонович Э. А.* Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры.— СА, 1964, № 3, с. 108.
- ⁹ *Мунчаев Р. М.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии.— СА, 1965, № 2, с. 174—187.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения..., с. 80.
- ¹¹ *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.— СА, 1978, № 1, с. 72—82.

А. В. ДМИТРИЕВ, А. А. МАСЛЕННИКОВ, Н. А. ОНАЙКО

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА В УРОЧИЩЕ ШИРОКАЯ БАЛКА

Для этнической истории азиатских районов Боспора в первых веках нашей эры чрезвычайно важно изучение погребальных памятников, оставленных населением его сельской территории. Между тем, долгое время здесь не было известно ни одного более или менее крупного варварского могильника. Лишь в последние годы, благодаря раскопкам прежде всего в юго-восточной части Боспора, картина начала меняться. Наиболее полно изучен грунтовой могильник в урочище Широкая Балка, расположенный в 14 км к северо-западу от Новороссийска. За три полевых сезона здесь было раскопано более 140 захоронений¹. Материалы этих работ исследованы еще далеко не полностью, поэтому данная публикация носит лишь предварительный характер.

Могильник, раскопки которого были связаны с ведущимися на его площади строительными работами, расположен на правом берегу р. Чухабль, в 1,3 км от ее впадения в море и в 200 м к северо-востоку от одновременного античного поселения, исследованного в 1967 и 1969 гг.², на нижней террасе, плавно спускающейся к реке. Ориентировочные размеры могильника 60×130 м. Судя по размерам и плотности расположения могил, можно ожидать не менее 1 тыс. захоронений.

Могилы представлены простыми грунтовыми ямами с перекрытием из каменных плит или без него и плитовыми гробницами. Как правило, фор-

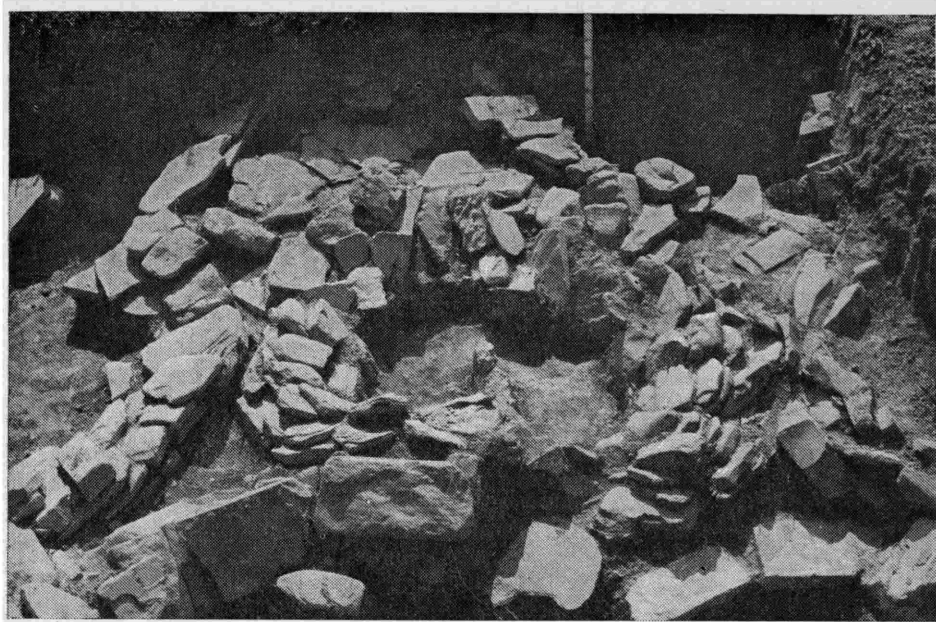

Рис. 1. Каменная кольцевидная выкладка над одним из погребений могильника Широкая Балка

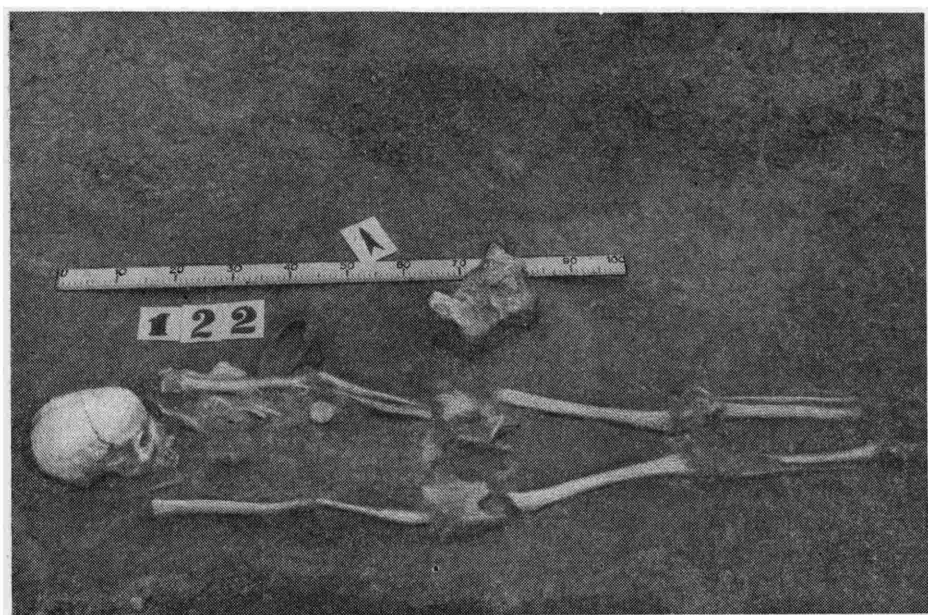

Рис. 2. Могильник Широкая Балка. Погребение с миской под головой

ма могильных ям в грунте не прослеживалась. Лишь в отдельных случаях удалось установить, что они были довольно узкими, прямоугольной формы. Перекрытие могильных ям обычно делалось из нескольких кусков местного песчаника — плитняка. Из того же материала сооружались плитовые могилы. Дно могил в отдельных случаях также было выложено камнем.

Характерной особенностью могильника являлись выкладки из различных по размерам камней над многими захоронениями (рис. 1). Это или кольцевидный навал камней овальной формы, или своего рода кольцевид-

ная кладка, сложенная насухо в несколько рядов. Диаметр таких «колец» 2—4 м, высота — до 1 м. Пространство внутри кольцевидных кладок, возможно, засыпали грунтом. Во всех случаях камни лежали с явным наклоном к центру «колец». Вероятно, кольцевые стенки в древности стояли наподобие «башенок» с грунтовым «куолом» внутри; со временем они были скрыты под наплывшей со склонов землей. Иногда такие кольцевидные кладки частично перекрывали друг друга, что могло случиться лишь при одновременности погребений под ними.

Находок между камнями обкладок немного. Это обломки лепной и гончарной серо- и красноглиняной посуды, два железных наконечника копий и меч, кости животных, чаще всего — черепа и их фрагменты. С определенной долей вероятности эти находки можно считать остатками тризн.

Камни надмогильных выкладок обнаружены на глубине от 0,3 до 0,6 м, дно могильных ям — на глубине от 0,6 до 2,5 м. Могилы с плитовыми гробницами обычно глубже могил в простых ямах. Сами захоронения часто расположены далеко не под центром огражденного выкладками пространства. Погребения с кольцевыми обкладками составляют более трети общего числа раскопанных и характерны скорее для простых грунтовых могил. Находки позволяют предполагать, что эта группа могил более поздняя, чем погребения без таких надмогильных конструкций.

Почти все захоронения — одиночные труположения, причем в них дважды зафиксированы следы деревянных гробов. В одном случае было произведено перезахоронение: кости рук и ног сложены под черепом. В трех могилах костяки отсутствовали — по-видимому, это были кенотафы. Обнаружено одно трупосожжение, перекрытое досками. Оно предварительно датируется III—IV вв.

Положение костяков в могилах, как правило, вытянутое на спине. Отмечены случаи (8% могил), когда погребенный похоронен на правом или левом боку, на животе или скорченно. Ориентировка таких умерших различна, но чаще — на юго-запад и запад; инвентарь беднее, чем в других могилах. Кольцевидных выкладок над этими погребениями нет. В таких положениях изредка хоронили умерших в синхронных могильниках Среднего Прикубанья и боспорских городов³. Сходны они и по другим характеристикам.

Руки у погребенных по обряду труположения обычно вытянуты вдоль тела. Однако в 22% таких погребений, как мужских, так и женских, отмечено положение одной или двух рук на костях таза. Перекрещивание же ног в голени является чертой, присущей, вероятно, лишь мужским захоронениям могильника.

Череп у погребенных обычно лежат лицевой частью вверх, но в 36% случаев — на правом или левом боку. Возможно, это определенная черта обряда, но какой-либо корреляции ее с ориентировкой, набором инвентаря, хронологией или иными признаками нет.

В 13% погребений у головы или под головой покойного помещены миски, часто перевернутые вверх дном (рис. 2). Такие случаи отмечены в могилах без каменных кольцевидных выкладок с южной, юго-западной и северо-восточной ориентировкой костяков. Эта черта погребального обряда характерна для меотских грунтовых могильников, особенно в IV—II вв. до н. э. К рубежу нашей эры она исчезает почти повсеместно⁴. Дата рассматриваемой группы могил — по-видимому, I—II вв. Они — одни из самых ранних в некрополе.

Ориентировка погребенных в могильнике Широкая Балка очень разнообразна. Доминирует западное, юго-западное, северо-восточное, юго-юго-западное и северо-западное направления. К каждому из них относятся примерно 13—15% могил. Такую пестроту ориентировки в немалой степени можно объяснить местоположением могильника в глубокой ложине между гор, откуда трудно определить направление по солнцу. Тем не менее, для ранней группы могил более характерна южная ориентировка костяков, а в I—II вв. увеличивается число могил, где умершие положены головой на север и запад. В целом такая же динамика ориентировки по-

Рис. 3. Могильник Широкая Балка. Погребение с деформированным черепом

гребенных наблюдается и в меото-сарматских могильниках Прикубанья I в. до н. э.— III в. н. э.⁵

Примерно в четверти исследованных могил обнаружены кости домашних животных, а иногда и целые их скелеты. Помещались они в ногах, немного выше костяка. Чаще всего встречались они в погребениях, имевших западную ориентировку.

В двух случаях отмечены погребения всадников со взнузданными конями, скелеты которых лежали слева от костяков людей. Эти погребения — одни из самых богатых в могильнике. Над ними были сооружены кольцевые оградки. Среди вещей, сопровождавших погребенных в этих могилах, — длинные мечи без перекрестия с костяным и халцедоновым навершиями, наконечники копий, кости овец и коров. Ориентировка обоих костяков северо-западная. Дата этих погребений — II — начало III в. Они близки сарматским могилам Прикубанья и сильно отличаются от основной массы могил некрополя. Оружие в могильнике Широкая Балка найдено в 8% погребений, причем мечи встречаются вдвое чаще, чем копья. И те и другие иногда бывают вместе в одной могиле. Почти все погребения с оружием расположены под кольцевыми выкладками, имеют в основном южную и западную ориентировку. Мечи длинные, без перекрестий, с навершиями, так называемого сарматского типа, характерные для II—III вв.⁶ В могилах I в. до н. э. — I в. н. э. оружия нет.

Несколько раз в погребениях были найдены боспорские и римские медные монеты первых веков нашей эры. Посуда в основном простая красно- и сероглиняная — чашки, кувшины, миски. Изредка встречаются краснотапоковые тарелки. Много мелких бронзовых украшений: перстней, фибул, браслетов. Найдены также зеркала с ручками-петельками I—II вв., иглы, пряслица, пряжки, серьги. Часты стеклянные сосуды и бусы — стеклянные, пастовые, сердоликовые. Попадаются бляшки и бусы, обтянутые золотой фольгой, раковины каури. В целом инвентарь обычен для большинства могильников I в. до н. э.— середины III в. н. э. на обширной территории юга нашей страны.

Нужно отметить, что в двух, по-видимому женских, погребениях II—III вв. у костяков деформированы черепа (рис. 3).

Ранние погребения могильника Широкая Балка, совершенные в каменных ящиках, можно связать с керкетами, упомянутыми древними ав-

торами и единодушно помещаемыми всеми исследователями в этом районе. В настоящее время захоронения в каменных «ящиках» в районе Новороссийска — Геленджика выявлены почти для всех эпох от бронзы до позднего средневековья⁷, что позволяет считать этот обряд типично местным. Каменные «ящики» встречены в основном в юго-западной части могильника.

Вторая хронологическая группа представлена захоронениями в грунтовых ямах, заваленных камнями. Для нее характерны помещения под голы погребенных мисок и захоронение вместе с ними нерасчлененных туш телят, овец и собак, сероглиняная посуда (двух- и трехручные канфары, маленькие узкогорлые горшочки, миски). Этот обряд типичен для меотских погребений Среднего Прикубанья рубежа нашей эры⁸. Не исключено, что в первых веках нашей эры среди обитателей этих мест были сарматы, а возможно, и ранние аланы. В какой-то мере ощущается воздействие греческих, вернее боспорских, традиций (например, погребения с монетами). Истоки обычая возводить над могилами кольцевые обкладки и оградки пока неясны.

Анализ материалов Широкобалкинского могильника позволяет сделать вывод, что население Азиатского Боспора в первых веках нашей эры было неоднородным и скорее варварским, чем эллинизированным. Сюда, в отдаленные, глухие районы, заселенные ранее керкетами, под давлением сарматов переселялись меоты из Прикубанья, проникали и сами сарматы. Наконец, боспорские правители могли поселять здесь выходцев из различных этнических групп в качестве «федератов» или на других условиях.

¹ *Онайко Н. А.* Раскопки некрополя в Широкой Балке.— АО 1980 г. М., 1981, с. 114; *Она же.* Исследование некрополя в Широкой Балке.— АО 1981 г. М., 1982, с. 127; *Дмитриев А. В.* Пастушеские захоронения из Широкой Балки близ Новороссийска.— В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1980, с. 38.

² *Онайко Н. А.* Разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика.— СА, 1970, № 1, с. 130.

³ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Уст-Лабинской.— МИА, 1951, 23, с. 192; *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981.

⁴ *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у ст. Пашковской.— МИА, 1958, 64, с. 296—299.

⁵ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 192.

⁶ Там же, с. 197; *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 15—17.

⁷ *Дмитриев А. В.* Разведка памятников в районе Новороссийска.— АО 1972 г. М., 1973, с. 125; *Он же.* Памятники эпохи раннего железа в районе Новороссийска.— АО 1974 г. М., 1975, с. 108.

⁸ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 191.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

КЛАД ВТОРОГО БЕЛЬТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник эпохи бронзы у сел. Бельты Ножай-Юртовского р-на Чечено-Ингушской АССР исследуется с 1978 г. За время раскопок к археологам неоднократно поступали древние предметы, случайно найденные местными жителями в названном и соседних с ним памятниках эпохи бронзы и раннего железного века. В 1981 г. бульдозеристы А. Альмурзиев и Х. Истамулов передали автору настоящей статьи набор древних вещей. По их словам, все предметы находились в глиняном сосуде, верхняя часть которого была срезана ножом бульдозера при дорожных работах. Это позволяет рассматривать комплекс как клад. Сосуд не сохранился.

В состав комплекса входили следующие бронзовые вещи: налобная лента со сложным пунсонным узором (рис., 1); шестивитковая шейная

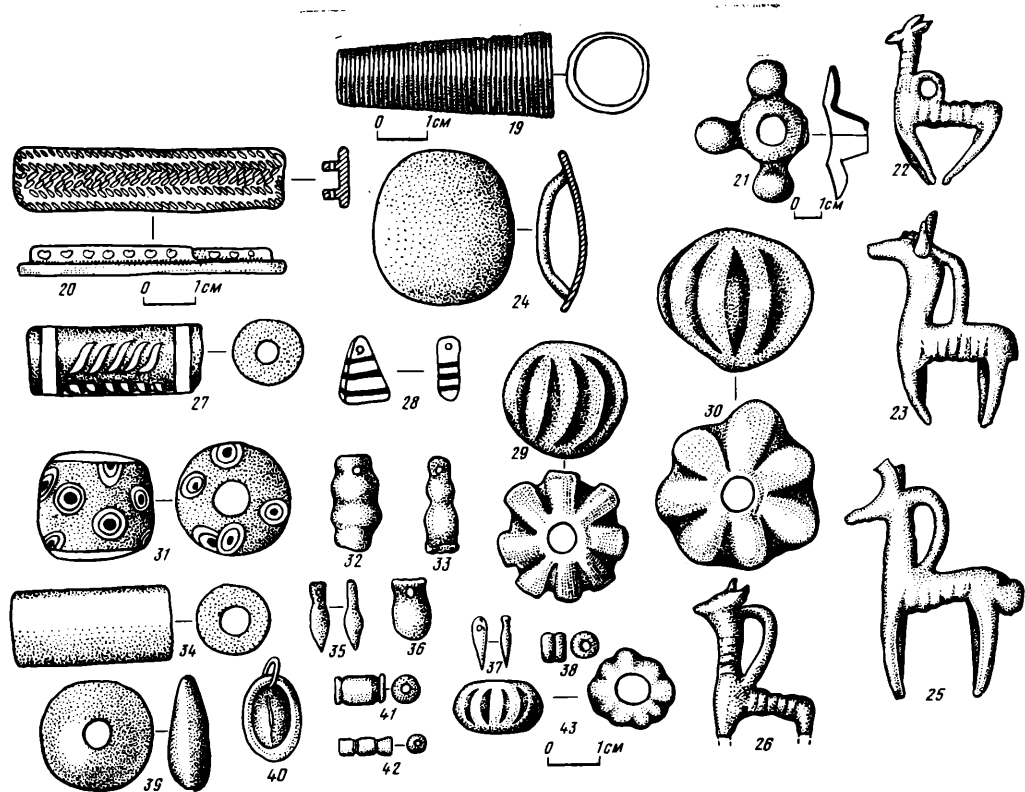
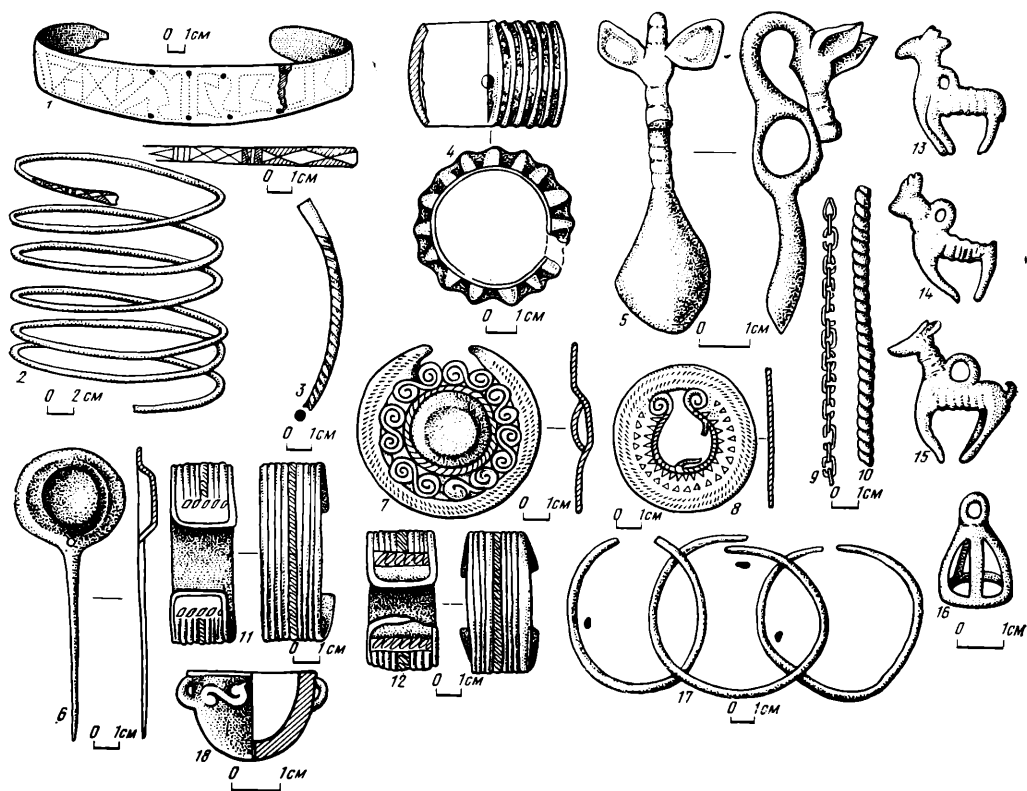

Рис. Предметы из клада, найденного во Втором Бельтинском могильнике (1—43)

гривна из прута с расплюснутыми и орнаментированными концами, один из которых обломан и утерян (рис., 2); фрагмент гривны из витого прута с расплюснутым концом (рис., 3); навершие булавы с рифленой поверхностью и отверстием в стенке (рис., 4); уздечная подвеска, оформленная в виде головки животного, вероятно лани (рис., 5); две «ложкообразные» булавки (рис., 6); две круглые бляхи с орнаментом, одна из них ажурная (рис., 7, 8); два пластинчатых орнаментированных браслета (рис., 11, 12); три браслета из прута, овальных в сечении (рис., 17); семь подвесок в виде фигурок оленей и ланей (рис., 13—15, 22, 23, 25, 26); миниатюрная имитация котла с двумя ушками (рис., 18); две прямоугольные «пряжки» с округленными углами, покрытые узором (рис., 20); 17 фрагментов витых трубочек; две усеченно-конические пронизки, свитые из проволоки (рис., 10, 19); полусферическая бляшка (рис., 24); крестовидная бляха, одна лопасть которой отломана (рис., 21); 23 ажурные подвески-«колокольчики» (рис., 16); многочисленные фрагменты цепочек (рис., 9). Кроме того, в составе комплекса были девять разных по величине раковин каури, у трех из которых сохранились бронзовые колечки для подвешивания (рис., 40); богатый набор различных по размерам и формам сердоликовых бусин (11 вытянуто-цилиндрических; две уплощенно-цилиндрические, причем одна — с двумя сквозными продольными отверстиями; две вытянутые, квадратные в сечении; семь колесовидных; пять шаровидных; пять некрупных низко-цилиндрических); четыре пастовые бусины зеленовато-голубые и две рифленые, из прозрачного стекла (рис., 29, 30, 34, 39, 43); две цилиндрические бусины из глухого стекла с перистым орнаментом (рис., 27); треугольная подвеска из цветного стекла (рис., 28); 11 разноцветных пастовых зонных бусин с «глазками» (рис., 31); восемь круглых стеклянных бусин с внутренней позолотой; 15 разнообразных стеклянных фигурных бусинок-подвесок (рис., 32, 33, 35—38, 41, 42); по одной стеклянной бусине других четырех типов. Вещи, входящие в этот набор, в большинстве не относятся к массовым находкам на территории юго-восточной Чечни (Ичкерии).

Налобные, орнаментированные пунсоном бронзовые ленты изредка встречаются в каякентско-харачоевских древностях рубежа II—I тысячелетий до н. э. (Тарки I, II; Зандак)¹. Витая гривна более всего напоминает кобанские образцы первой трети I тысячелетия до н. э., найденные однажды в разрушенном захоронении Второго Бельтинского могильника. Уникальная многовитковая гривна по типу корпуса и оформлению концов близка кобанским шейным украшениям VI—V вв. до н. э.², которые, однако, всегда больше по диаметру и одновитковые. Не находит прямых аналогий в местных и соседних памятниках навершие булавы. Но в принципе фигурные бронзовые булавы оригинальных очертаний известны на Северном Кавказе (Пятигорье, Хунзах, Зандак) в комплексах VIII—VII вв. до н. э.³ Подвеска от конской узды морфологически принадлежит деталям сбруи V—III вв. до н. э. из Северного Причерноморья⁴, но ее оформление в виде головки лани оригинально и носит как будто бы местный характер.

Если одна круглая орнаментированная бляха декором напоминает обычные, но более массивные кобанские бляхи VI—IV вв. до н. э. с бегущей спиралью, то ажурная бляха неординарна, ибо трактована в центральной части в виде скульгамы с обломанным язычком. Аналогии ей в ближайших районах мне неизвестны, но сами скульгамы бытовали в Ичкерии с IV в. до н. э. до IV в. н. э.⁵ Обе бляхи, как и прямоугольные «пряжки», и своеобразные по орнаменту пластинчатые браслеты, щедро украшены «псевдошнуровым» узором, особенно популярным на бронзовых изделиях в юго-восточной Чечне во второй половине I тысячелетия до н. э.⁶

Миниатюрные имитации котлов известны, например, в сарматских памятниках прохоровского времени, в том числе и в плоскостной Чечено-Ингушетии. Так, моделька сарматского котла найдена в разрушенном погребении у горы Хаян-Корт близ г. Грозный. Но в данном случае форма котла и его ручек, «бегущая спираль» на стенке, вероятно, указывают на местные, пока неизвестные нам прототипы, может быть, кобанские. Под-

вески в виде фигурок оленей и ланей совершенно не отличимы от бронзовой зооморфной пластики VI—IV вв. до н. э. с территории Чечено-Ингушетии⁷. А вот «ложкообразные» булавки встречены в местных древностях впервые, имея определенные параллели в могильниках Карабудахкентском (Дагестан) и Корца (Северная Осетия), датируемых первыми веками нашей эры⁸. Наиболее выразительные образцы пастовых и стеклянных бус находят широкие аналогии в ожерельях последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры⁹. Другие предметы, пожалуй, хронологически нейтральны и более или менее обычны среди находок скифо-сарматского времени в Чечено-Ингушетии.

Таким образом, набор вещей из клада относится ко времени от рубежа II—I тысячелетий до н. э. до первых веков нашей эры включительно. Такой широкий хронологический диапазон затрудняет однозначную его оценку. Специфический состав клада, в котором нет оружия и бытовой утвари, наводит на мысль о его сакральном характере. Возможно, в нем собраны атрибуты жреца, использовавшиеся для священнодействий. Подобные культовые комплексы вещей известны в «языческих» могильниках различных эпох в Чечено-Ингушетии¹⁰. Едва ли рассматриваемый клад представляет собой результат длительного накопления: слишком велик временной интервал между бытованием его отдельных составных частей. С большой осторожностью можно интерпретировать эту уникальную находку как клад-коллекцию преднамеренно подобранных предметов из расположенных в округе богатых археологических памятников, относящихся к эпохе бронзы и скифо-сарматскому времени. Эти памятники прижимают к речным обрывам, занимают площади, удобные для поселений и хлебопашества, вблизи дорог. Естественно, что они не могли не подвергаться постоянному интенсивному разрушению, что засвидетельствовано и раскопками. Время зарытия клада, может быть, определяется позднейшими из представленных в нем предметов.

¹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки в 1948—1949 гг.—МИА, 1951, 23, с. 238—253, рис. 12, 11; 13, 7; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 69.

² См., например: Мунчаев Р. М. Луговой могильник.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 143—207.

³ См., например: Мунчаев Р. М. Луговой могильник, рис. 35, 1; 42, 3; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, рис. 2, 9; 7, 18.

⁴ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-31, табл. 22, 10, 24; 23, 5.

⁵ Петренко В. А. Культура населения Среднего Причеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э.—IV в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980, с. 17, 18.

⁶ Петренко В. А. Бронзовые барельефные бляхи скифского времени из Ичкерии.— В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1980, с. 22, 23.

⁷ Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское

время. Грозный, 1972, рис. 41, 11; 52, 9; 62, 6; *Он же.* Новогрозненский могильник VI—V вв. до н. э.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с. 24—36, рис. 1, 5; 2, 17; 3.

⁸ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.— МАД, 1961, вып. II, с. 189, рис. 19, 387; Абрамова М. П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры.— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 6, рис. V, 18.

⁹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 1.—САИ, 1978, вып. Г1-12.

¹⁰ Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Роль жречества у средневековых вайнахов.— В кн.: Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979, с. 132—145; Виноградов В. Б. Погребение знахарки-чародейки в ингушском склепе.— В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 58—67.

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА У Д. САВИКИ

В 1972 г. Вазузской экспедицией Института археологии на правом берегу р. Вазуза, в 0,5 км к югу от д. Савики Сычевского р-на Смоленской обл., было исследовано городище, расположенное на высоком мысу между долиной реки и оврагом. Городище сильно разрушено в результате размыва берега во время паводков. Сохранились только небольшой участок вала и примыкающая к нему часть площадки, имеющая треугольную форму. Поверхность площадки и вала также имела многочисленные нарушения. Хотя сохранилось не более $\frac{1}{30}$ первоначальной площади поселения, материалы, полученные при его раскопках, представляют определенный интерес.

На площадке городища был заложен раскоп площадью 132 кв. м, ориентированной по сторонам света и повторяющий форму площадки. Культурный слой мощностью от 0,3 до 0,4 м представлял собой светло-серую супесь со значительным содержанием угля и золы. Местами прослеживались мелкие угольные и глиняные прослойки, однако системы в их расположении установить не удалось, что, по-видимому, обусловлено малыми размерами исследованной площади. Остатки построек не найдены. Около вала обнаружено несколько скоплений камней. Правильное расположение, многочисленные продукты горения и следы прокала дают основание считать их очагами. Очаги, расположенные вне построек, многократно встречались на поселениях того времени в лесной полосе. В конструкции очагов прослежена ранее неизвестная деталь. Обычно камни, из которых сооружались очаги, бывают просто уложены на поверхность. Два из рассматриваемых очагов имели другое устройство. Один из них состоял из трех, а другой — из четырех камней длиной 0,6—0,7 м. Они были вкопаны примерно на половину своей высоты, а вокруг них были уложены более мелкие камни. Установить хронологическую последовательность очагов не удалось. При расчистке поверхности материка обнаружены столбовые ямы, однако из-за ограниченности площади раскопа система в их расположении не установлена.

Для исследования укреплений проведена траншея длиной 30 м и шириной 2 м. Установлено, что высота вала достигала 2,6 м, ширина по подошве — около 18 м. Перед валом с напольной стороны был ров глубиной 1 м и шириной около 6 м, сильно заплывший однородной супесью. Разрез вала обнаружил сложную стратиграфию, позволяющую проследить эволюцию оборонительных сооружений. Вал был сооружен из нескольких слоев глины, между которыми имелись прослойки угля, в трех случаях довольно мощные — до 0,1 м толщиной. Выше них отмечены прослойки прокаленной глины. По определению Г. Н. Лисицыной уголь, взятый из прослоек в валу, был получен при сгорании тополя.

Первоначально сложилось впечатление, что вал был возведен в один прием. Последующее изучение разреза вала и рва показало, что более вероятно иная реконструкция возведения оборонительных сооружений. По-видимому, в их истории можно выделить четыре этапа. Древнейший вал шириной до 7 м и высотой около 0,8 м обнаружен в основании насыпи (рис. 1, 1). Рва перед ним еще не было. Слой угля, перекрывающий эту первоначальную насыпь, образовался в тот период, когда сгорели деревянные укрепления, стоявшие на ее гребне. Хотя сказать что-либо определенное о характере укреплений на древнейшем валу трудно, наиболее вероятно, что это была стена из двух рядов плетня, пространство между которыми заполняла глина. Аналогичное сооружение В. И. Качанова реконструировала для Мамонова городища¹, а П. Н. Третьяков — для городища Березняки². Когда плетни сгорели, находившаяся между ними глина рассыпалась и прокалилась, образовав прослойки обожженной глины выше древнейшей насыпи. После пожара был сооружен новый вал

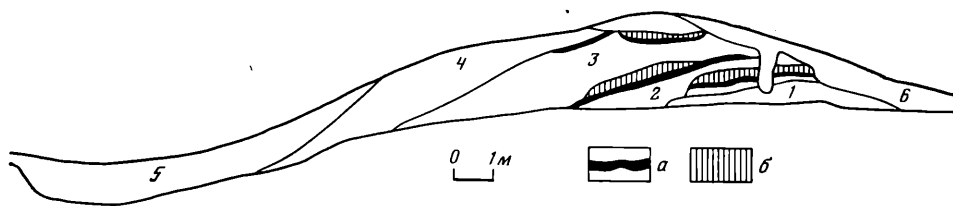

Рис. 1. Разрез вала городища у д. Савики

1—4 — этапы сооружения вала; 5 — заполнение рва; 6 — культурный слой на площадке; а — прослойки угля; б — прокаленная глина

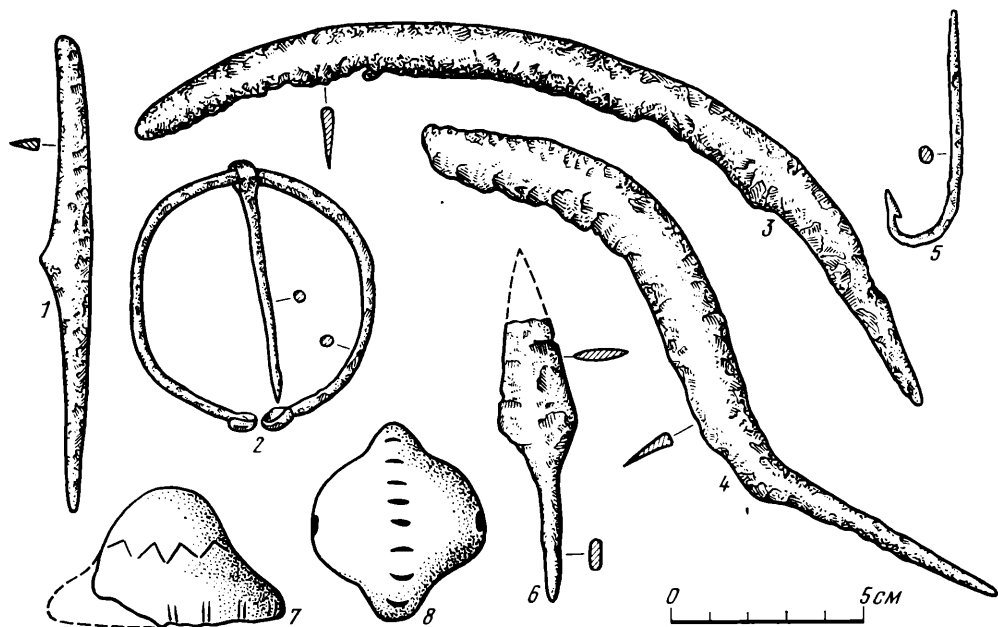

Рис. 2. Находки на городище у д. Савики

1—6 — железо; 7, 8 — керамика

высотой примерно 1,2 м и шириной по подошве около 9 м. На его гребне установили аналогичное деревянное сооружение, которое тоже сгорело (рис. 1, 2). Третий вал был насыпан вскоре после разрушения второй насыпи. Об этом можно судить по тому, что угольная прослойка от сгоревших деревянных конструкций, не перекрытая прокаленной глиной, хорошо сохранилась. Третий вал имел высоту около 2 м и ширину в основании около 14 м (рис. 1, 3). По-видимому, укрепления, стоявшие на его гребне, напоминали описанные выше. После их разрушения вал был доведен до высоты 2,6 м. В это время был выкопан ров, а вынутая из него земля уложена в насыпь вала.

Определить время сооружения древнейшего вала и его последующих перестроек не представляется возможным. По вещевому материалу, городище датируется периодом от начала до второй-третьей четвертей I тысячелетия н. э. Каждая перестройка укреплений следовала после разрушения предыдущих. Новые укрепления были мощнее старых. Близкая картина наблюдалась при исследовании городища у д. Леснично в низовьях Вазузы. Там при исследовании укреплений также было обнаружено несколько прослоек пожаров, после которых валы подсыпались.

Самую многочисленную категорию находок, полученных при раскопках городища, составляют обломки посуды. Найдено 1138 фрагментов. Большинство из них мелкие, восстановление по ним формы сосудов невоз-

можно. Все фрагменты лепные и имеют в тесте мелкую примесь. На некоторых фрагментах был орнамент из ямок, защипов и отпечатков веревочки, намотанной на палочку. Несколько обломков имеет лощеную поверхность.

Из керамических находок отметим грузик дьякова типа с прорезным орнаментом на боковой поверхности (рис. 2, 7). Он близок грузикам первого типа по нашей классификации, которые датируются временем в пределах II—V вв.³ Второй керамический предмет представляет собой как бы два грузика, сложенных основаниями (рис. 2, 8). Несколько аналогичных предметов встречено на городищах дьякова типа, в частности на Троицком⁴. Найдены пять керамических пряслиц, а также один целый миниатюрный сосудик и один фрагментированный.

Обнаружено два железных серпа (рис. 2, 3, 4), один из которых имеет прямо поставленный черешок, являющийся продолжением полосы, другой — с черешком, поставленным под углом к полосе. Такие серпы бытовали одновременно⁵ и свидетельствуют о наличии земледелия. О занятии рыболовством можно судить по находке железного крючка со стержнем длиной 65 мм (рис. 2, 5). Из предметов вооружения найден железный черешковый наконечник стрелы уплощенной формы с широким пером (рис. 2, 6). Встречен нож с прямой спинкой, характерный для поздних слоев городищ дьякова типа (рис. 2, 1)⁶. И. Г. Розенфельдт датировала аналогичные ножи временем не ранее VII в.⁷ Представляется, однако, что такие ножи появляются несколько раньше. Отметим железную скульгаму с закрученными концами, лежащими в плоскости, перпендикулярной плоскости кольца (рис. 2, 2). Предметы такой схемы бытуют на протяжении всего I тысячелетия и даже позднее. По размерам и форме находку следует отнести к середине этого периода.

Весь комплекс вещей из городища у д. Савики укладывается в период второй-третьей четвертей I тысячелетия н. э. Вещи, относящиеся к более раннему времени, не найдены. Несмотря на это, сооружение первого, самого древнего вала, вероятно, следует датировать временем до рубежа нашей эры. Укрепления в пределах одного региона обладают примерно одинаковыми боевыми качествами. На городище у д. Леснично аналогичный вал, датированный как по вещам, так и радиоуглеродным методом, относится ко времени до нашей эры. К близкому времени надо относить и возникновение укреплений на городище у д. Савики.

¹ Качанова В. И. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры.— В кн.: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954, с. 18.

² Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1941, 5, с. 52.

³ Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье (МИА, 184). М., 1971, с. 82, 96.

⁴ Дубынин А. Ф. Троицкое городище.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье (МИА, 156). М., 1970, с. 85, рис. 8, 14.

⁵ Смирнов К. А. Дьяковская культура.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 40.

⁶ Там же, с. 38, 79.

⁷ Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982, с. 150.

Н. А. КРЕНКЕ

ВАЛ ДЪЯКОВА ГОРОДИЩА

Вал Дьякова городища, ныне находящегося в черте Москвы, функционировал в течение длительного времени, на протяжении всего периода существования дьяковской культуры.

Первое описание вала городища было сделано Г. Д. Филимоновым в 1876 г.¹ С тех пор его конфигурация мало изменилась. Как и в конце

XIX в., вал серповидной формы охватывает ныне южную и восточную стороны площадки городища, возвышаясь над ней на 1,5 м (рис. 1, V). С внешней стороны он представляет собой внушительное сооружение. Гребень его возвышается на 10 м над дном промоины (возможно, следы рва), отделяющей городище от коренного берега. С северной и западной сторон укреплений, по-видимому, не существовало. Во всяком случае при исследованиях этих частей городища в 1981 и 1983 гг. какие-либо остатки вала не были обнаружены. Возможно, остатками оборонительного сооружения является всхолмление при входе на городище с северной стороны.

Впервые вал Дьякова городища был исследован В. И. Сизовым, однако место, где он сделал разрез, неизвестно. По данным В. И. Сизова вал был насыпан из чистой глины, под ним прослежен культурный слой значительной мощности². Вторично раскопки вала были проведены в 1935 г. К. Я. Виноградовым³, но никакой документации по этому разрезу нам обнаружить не удалось.

В 1982 г. вал Дьякова городища был вновь разрезан с южной стороны траншеей 2×8 м на расстоянии около 12 м от западного склона. Максимальная мощность напластований вала достигала здесь 6 м (рис. 1, I). Вал неоднократно досыпался, а сгоревшие деревянные укрепления на гребне возобновлялись.

Насыпь первоначального вала лежала прямо на материке. Однако в материк была врезана вдоль оси вала канавка со столбовыми ямками (рис. 1, II), возможно, являющаяся остатками предшествующего вала укрепления типа плетня.

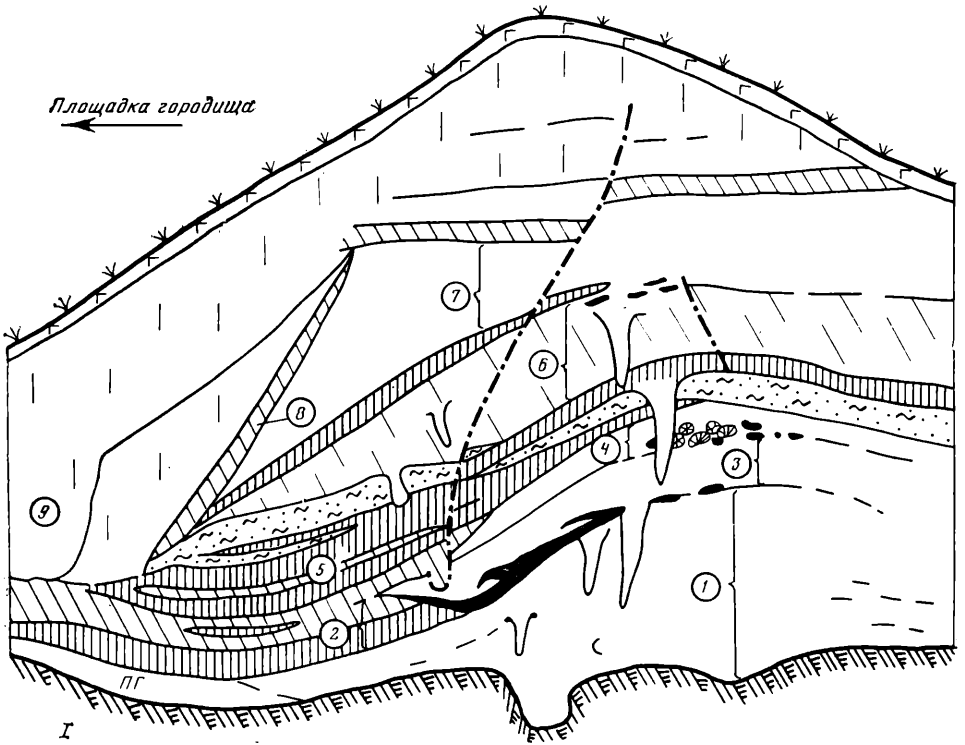
Древнейшая насыпь (насыпь 1) имела высоту около 1,5 м и была сооружена из материкового суглинка. Внутри нее находились деревянные укрепляющие конструкции, от которых сохранились наклонные обугленные столбики и горизонтально расположенные плахи. По гребню вала, по-видимому, шла деревянная стена из вертикальных столбов и связывавших их горизонтальных плах и бревен (рис. 1, III). Эти укрепления существовали довольно длительное время, в течение которого отложился культурный слой мощностью 0,4 м, перекрывший северную часть насыпи со стороны площадки. На этом слое найдены остатки сгоревших укреплений первоначального вала, а в самом слое обнаружено 98 фрагментов сетчатой керамики и два фрагмента гладкостенной, а также целый сетчатый горшок (рис. 2, II). Структура слоя, перекрывшего насыпь 1 (прослойки коричневого цвета, насыщенные органикой, чередующиеся с золистой супесью), и найденная в нем керамика позволяют отождествить его с нижним слоем городища, выделенным при раскопках на площадке. По находкам костяных стрел, синим глазчатым античным бусинам, сделанным на керамической основе (тип 78а по Е. М. Алексеевой)⁴, и серии радиоуглеродных дат этот слой датируется в пределах V—III вв. до н. э.

По образцу, взятому из столбиков, составлявших каркас первоначальной насыпи, получена радиоуглеродная дата 2380 ± 30 (ГИН, 3185) лет т. н., т. е. 500 ± 30 г. до н. э. Угли от сгоревшей стены, шедшей по валу, датируются так: 2170 ± 60 (ГИН, 3183) и 2330 ± 100 (ГИН, 3182) лет т. н., т. е. соответственно 290±60 г. до н. э. и 450±100 г. до н. э. Таким образом, наиболее вероятная дата сооружения первого вала на Дьякове городище V—IV вв. до н. э.

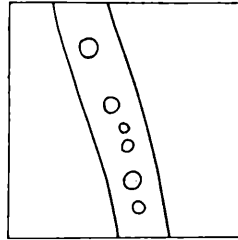
Вскоре после того как древнейшая деревянная стена сгорела, укрепления были восстановлены: вал досыпан на 0,4 м (насыпь 2), а на гребне сооружена конструкция, от которой сохранились столбовые ямы, а также скопление обугленных бревен и плашек, ориентированных вдоль оси вала (рис. 1, IV). Эти укрепления, видимо, повторяли конструкцию предшествующих. В насыпи 2 было найдено около 40 фрагментов сетчатой керамики. Радиоуглеродный возраст бревен с ее гребня — 2110 ± 50 (ГИН, 3186) и 2180 ± 50 (ГИН, 3181) лет т. н., т. е. соответственно 220±50 г. до н. э. и 290±50 г. до н. э.

Когда и эта стена сгорела, вал был досыпан серо-желтым суглинком на 20—30 см (насыпь 3). Со стороны площадки городища насыпи 2 и 3 пере-

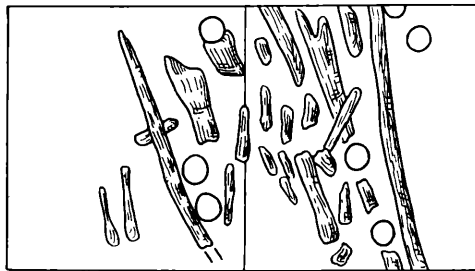
Площадка городища

0 1 м

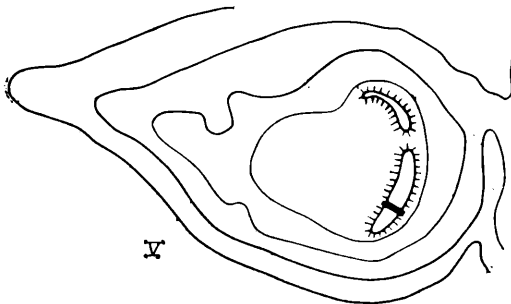

II

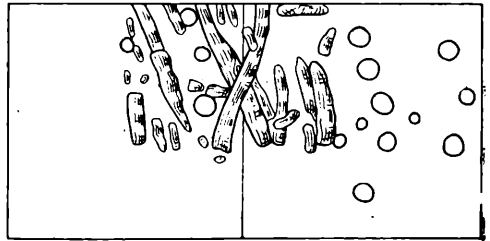

III

0 20 м

IV

IV

крывает слой, тождественный нижнему слою. Следовательно, их сооружение нужно датировать временем не позднее верхней даты нижнего слоя, т. е. III в. до н. э. От деревянных сооружений, которые, вероятно, дополняли насыпь 3, ничего не сохранилось. Гребень этой насыпи перекрыт голубовато-желтым слоем пепла с песком, который по данным раскопок 1981 и 1982 гг. на площадке городища разделяет верхний и нижний слои памятника. В слое пепла был обнаружен серповидный нож (рис. 2, 6), аналогичный найденному в этом же слое на площадке городища. В профилях разреза вала хорошо прослеживались ямы от столбов диаметром до 30 см, шедших с уровня слоя пепла.

Историю вала во второй период жизни Дьякова городища, когда на памятнике откладывался верхний культурный слой, восстановить весьма трудно, так как хорошо сохранившиеся конструкции этого времени не обнаружены. Критерием для выделения строительных горизонтов могут служить столбовые ямы, прослеженные в профилях. Однако нужно заметить, что в верхних напластованиях вала ям гораздо меньше, чем в нижних, и они меньше по размерам. Возможно, в этот период укрепления на валу состояли из конструкций, в которых столбы не играли главной роли.

В насыпи вала, сделанной на втором этапе жизни городища, выделяются две части общей мощностью до 1,5 м: верхняя и нижняя. Нижняя часть (насыпь 4) состояла из материкового суглинка со значительной примесью культурного слоя, использованного при строительстве, в том числе и коричневой органики, слагающей нижний слой городища. В этой части насыпи встречаются костяные изделия и сетчатая керамика, относящиеся к V—III вв. до н. э. (рис. 2, 1, 4). Из находок, относящихся к верхнему слою, наиболее важна бронзовая бляшка с плетенкой по краю (рис. 2, 2). Близкие украшения неоднократно встречались на дьяковских городищах. Обычно их датируют первыми веками нашей эры⁵. Для датировки насыпи 4 важно, что в ней встречена гладкостенная керамика (рис. 2, 8, 9), но нет лощеной, которая, по мнению И. Г. Розенфельдт, появляется на городищах дьякова типа в IV в. н. э.⁶

Насыпь 4 перекрыта насыпью 5, состоящей из чистого материкового суглинка почти без находок. Со стороны площадки городища насыпь 5 перекрыта выброшенным на вал культурным слоем позднедьяковского времени (насыпь 6). Очевидно, эта подсыпка имела какое-то конструктивное значение. Никаких следов оборонительных сооружений в верхней части насыпи 5 не обнаружено. Эта насыпь имела плоское завершение, образовавшееся, по-видимому, в результате каких-то земляных работ в последнедьяковское время, так как на ней отложился или был туда выброшен культурный слой толщиной 15—20 см, содержащий, кроме дьяковской, незначительное количество древнерусской керамики XI—XIII вв. Этот слой местами был перекрыт прослойкой глины в 15—20 см.

Верхний метр насыпи вала Дьякова городища состоит из двух подсыпок: культурного слоя и включений материкового суглинка, содержащих преимущественно дьяковскую керамику и отдельные фрагменты древнерусской XI—XIII вв. Верхняя из этих двух подсыпок, вероятно, является выбросом из траншеи Г. Д. Филимонова 1875 г. Происхождение всех прослоек, заключенных между отвалами Г. Д. Филимонова и насыпью 5, осталось не выясненным: то ли это выбросы из ям, зафиксированных Г. Д. Филимоновым в привальной части городища, то ли остатки древнерусского вала.

Рис. 1. Вал Дьякова городища

I — восточная стенка разреза; II — канавка со столбовыми ямками в материке под валом; III — остатки сооружений, дополнявших насыпь 1; IV — остатки сооружений, дополнявших насыпь 2; V — план площадки городища и место разреза вала; а — мешанный слой; б — серая супесь; в — коричневая органическая прослойка; г — угли; д — пепел и зола с песком; е — материковый суглинок; ж — линия оползня; з — столбовые ямки; и — погребенный дерн; 1 — первоначальная насыпь вала (насыпь 1); 2 — культурный слой, перекрывающий насыпь 1; 3 — насыпь 2; 4 — насыпь 3; 5 — культурный слой, перекрывающий насыпи 2 и 3; 6 — насыпь 4; 7 — насыпь 5; 8 — насыпь 6; 9 — траншея XIX в.

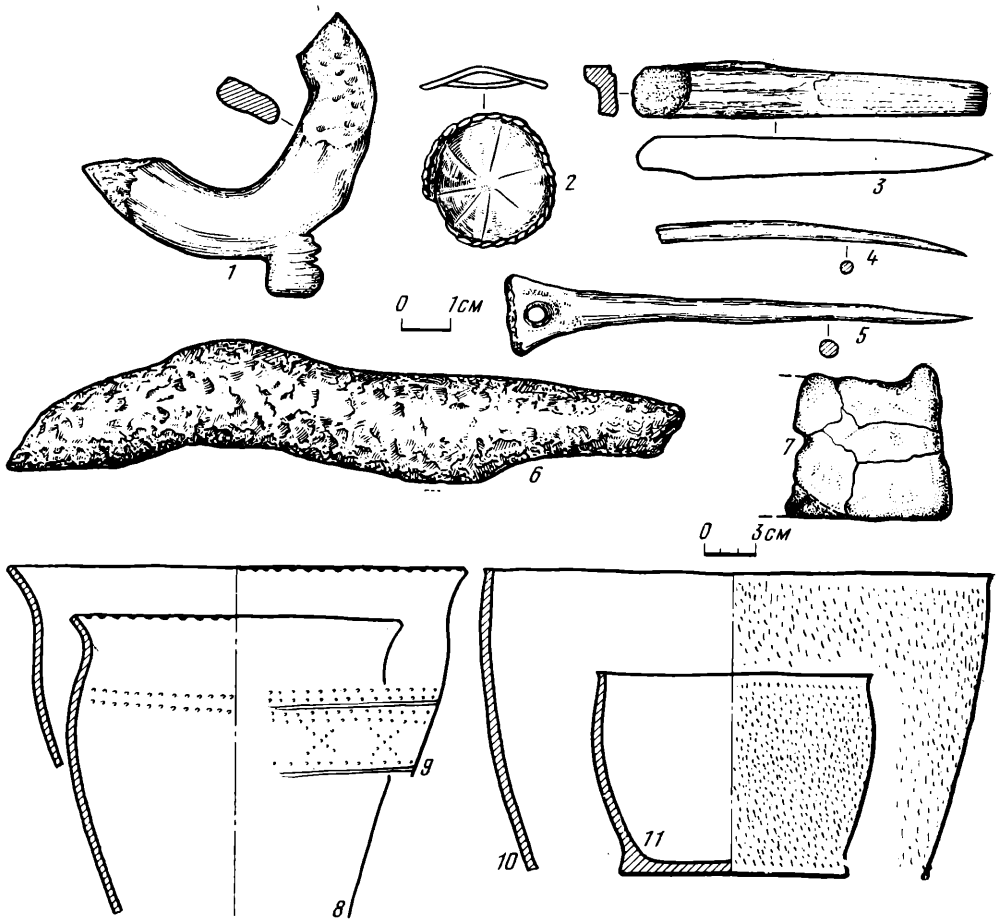

Рис. 2. Находки из разреза вала Дьякова городища

1, 2, 4, 7—9 — из насыпи 4; 3, 5, 10 — из культурного слоя, перекрывшего насыпь 2 и 3; 6 — из слоя пепла с песком; 11 — из культурного слоя, перекрывшего насыпь 1; 1, 3—5 — кость; 2 — бронза; 6 — железо; 7—11 — глина

Таким образом, вал Дьякова городища имеет не менее шести строительных горизонтов, из которых первый, второй и третий относятся к V—III вв. до н. э., четвертый — к концу I тысячелетия до н. э. и первым векам нашей эры, пятый и шестой — к I тысячелетию н. э. Первая насыпь вала была сооружена в V—IV вв. до н. э., о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты и возраст перекрывающего насыпь культурного слоя. До V в. до н. э. на Дьяковом холме существовало поселение, от которого не сохранилось культурного слоя. Однако в гумусированном горизонте погребенной почвы под нижним культурным слоем найдена керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, поверхность которой покрыта текстильными отпечатками и иногда подвергнута «полосчатому сглаживанию». С этим древнейшим поселением, точный возраст которого пока трудно установить, видимо, связана канавка со столбовыми ямками (остатками плетня?), обнаруженная под первоначальной насыпью вала.

Разрез вала Дьякова городища обнаруживает наибольшую близость с профилем вала, изученного Х. И. Крис на городище Боршева⁷. Здесь также прослежено три строительных периода, относящихся к V—III вв. до н. э., а валу предшествовало укрепление типа плетня или частокола, существовавшее в период бытования древнейшей дьяковской керамики с гребенчатой орнаментацией. На городищах Успенское⁸, у Саввино-Сторожевского монастыря⁹, Подмоклово¹⁰ валам, возведенным, по-видимому, еще в середине I тысячелетия до н. э., также предшествуют слои с керамикой, имеющей гребенчатый орнамент.

Можно предположить, таким образом, что на наиболее раннем этапе дьяковской культуры поселения еще не укреплялись валами. Строительство валов, по крайней мере на москворецких городищах, началось в середине I тысячелетия до н. э.

О деревянных конструкциях на валах дьяковских городищ середины I тысячелетия до н. э. судить пока трудно. На городищах Леснично¹¹ и Кубринское¹², валы которых, по-видимому, были сооружены во второй половине I тысячелетия до н. э., зафиксированы остатки бревен и плах, позволившие авторам раскопок интерпретировать их как остатки стен. На городище Дьяков Лоб на валу были зафиксированы столбовые ямы — возможно, остатки тына¹³. Из-за незначительности площадей, вскрытых на валах городищ Дьяково и Леснично, конструкции «стен», обнаруженных здесь, трудно сравнивать между собой. Тем не менее, нужно отметить, что на валу Кубринского городища, раскопанном почти целиком, не зафиксированы крупные столбовые ямы.

В первой половине I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье произошли существенные этнические перемены, связанные с проникновением на эту территорию балтских племен¹⁴. Вполне вероятно, что это должно было привести к разрушениям и перестройкам укреплений дьяковских городищ, изменениям в оборонительных конструкциях. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют пока строить гипотезы ни о сохранении строительных традиций, ни о локальных или временных различиях в конструкции валов дьяковских городищ этого времени.

¹ Филимонов Г. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой.— В кн.: Вестник Общества древнерусского искусства. М., 1876, вып. 11/12, с. 106, 107.

² Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы.— В кн.: Тр. IX АС. М., 1897, т. II, с. 257.

³ Красноцветов Т. Археологические памятники на территории Большой Москвы 1938—1940. Москов. обл. краевед. музей, отд. археологии, с. 29.

⁴ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, вып. 1.— САИ, 1975, вып. Г1-12, с. 68.

⁵ Бадер О. Н. Древние городища на верхней Волге.— МИА, 1950, 13, с. 108; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первой половине I тысячелетия н. э.— МИА, 1941, 5, с. 29; Смирнов К. А. Новые городища дьякова типа в бассейне реки Москвы.— КСИА, 1964, 102, с. 94.

⁶ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 177.

⁷ Крис Х. И. Отчет об охранных археологических раскопках на городище

Боршева в 1979 г. Архив ИА, р-1, № 7419.

⁸ Красно Ю. А., Красно Н. А. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки.— СА, 1963, № 1, с. 218; Красно Ю. А. Отчет о работе археологической экспедиции Звенигородского музея в Кунцевском р-не Московской обл. летом 1959 г. Архив ИА, р-1 № 1891, с. 21.

⁹ Красно Ю. А. Отчет о работе археологической экспедиции..., с. 24.

¹⁰ Успенская А. В. Отчет о раскопках городища Подмоклово в Серпуховском р-не Московской обл. в 1957 г. Архив ИА, р-1, № 1572.

¹¹ Смирнов К. А. Отчет о раскопках на городище у д. Леснично в 1971 г. Архив ИА, р-1, № 4415, с. 31.

¹² Станкевич И. Л. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского гос. ун-та в 1979 г. Архив ИА, р-1, № 7570, с. 29.

¹³ Смирнов К. А. Городище «Дьяков Лоб».— КСИА, 1973, 133.

¹⁴ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 234—239, 285—294.

Х. И. КРИС

ВАЛ БОРШЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Раскопки городищ дьякова типа, проводившиеся в последнее время, значительно пополнили представления о характере их укреплений. Материалы полностью исследованных городищ Щербинского, Троицкого Михайловского, Кузнечики, Неждинского⁴ говорят о том, что оборонительные сооружения на них создавались не одновременно. Наиболее полное

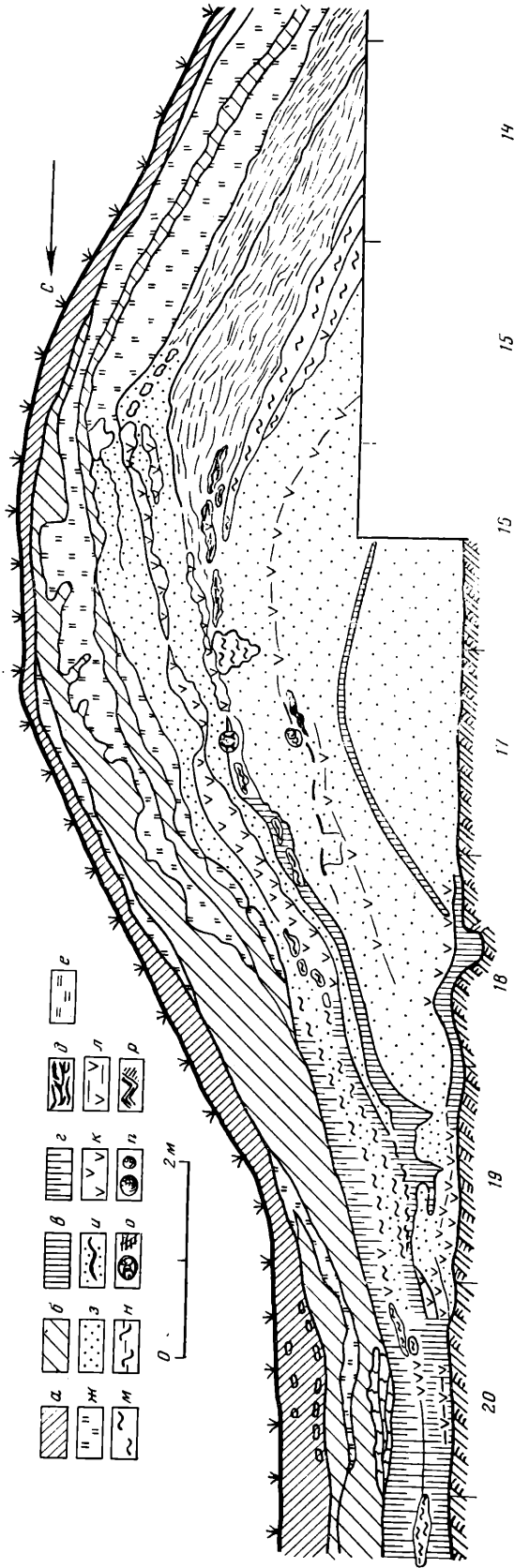

Рис. Разрез вала городища Боршева

а — средневековый слой; б — позднеякоковский слой (I-3); в — раннеякоковский слой (II-2); г — раннеякоковский слой (II-1); д — древний тлен; е — глина; ж — глина с органическими примесями; з — песок; и — прокаленный песок; к — уголь; л — угольный прослойка; м — зола; н — золотая прослойка; о — обугленные плахи; п — камни; с — материк

отражение в публикациях нашли укрепления Троицкого городища². Из более ранних подробно описаны оборонительные сооружения Щербинского городища³.

Основная сложность в исследовании укреплений на памятниках дьякова типа заключается в том, что довольно редко удастся сопоставить отдельные периоды их функционирования и перестроек с одновременными культурными напластованиями, что затрудняет датировку оборонительных сооружений. Одним из исключений можно считать вал Боршевского городища, расположенного на правом берегу Москвы-реки в 5 км к югу от г. Бронницы Раменского р-на Московской обл. Несмотря на то что в верхней части культурного слоя этого памятника находились остатки древнерусского поселения домонгольского времени и грунтовой могильник XIV—XV вв., а слой раннего железного века был частично нарушен, наиболее ранние напластования дьяковского времени сохранили четкую стратиграфию⁴.

Охранные раскопки Боршевского городища проводились в юго-восточной части площадки, к которой с напольной стороны примыкает вал. По данным магниторазведки параллельно рву, сохранившемуся до настоящего времени, перед валом проходил ныне полностью сnivelированный пашней еще один ров. Это позволяет предположить, что был и второй вал⁵. Сохранившийся вал городища в недавнее время был нарушен, что привело к образованию в нем проема шириной 4 м. При раскопках стенки проема были зачищены, что дало возможность изучить полную стратиграфию вала. Место зачистки разреза вала было соединено с раскопом для сопоставления культурных напластований на площадке городища с периодами сооружения укреплений (рис.).

В разрезе вала в квадрате 18 ясно видно, что под основание вала уходил культурный слой в виде тонкой прослойки, завершающейся следами пожара. Это позволяет предположить, что вал был насыпан после того как началось отложение культурного слоя. Древнейшая насыпь вала состояла из материковой супеси и на большей части основания подстилалась тонким слоем погребенной почвы, который оконтуривал и поверхность насыпи. Максимальная высота ее не превышала 1,2 м, а ширина основания — 5 м. Незначительная высота древнейшего вала позволяет предположить, что на его гребне находились какие-то деревянные укрепления, подобные обнаруженным при раскопках вала Дьякова городища над древнейшей его насыпью, также имевшей небольшую высоту⁶. Эти укрепления Дьякова городища радиоуглеродным методом датированы 500 ± 30 г. до н. э.

Такая дата соответствует и времени возникновения вала на Боршевском городище. Дата его нижнего слоя (слой II) определяется по находкам в нем синих стеклянных глазчатых бус, бронзовой умбоновидной серьги скифского типа, железных серповидных ножей малых размеров, железного проушного топора, предметов звериного стиля, которые относятся к V—III вв. до н. э. Находки были равномерно распределены по всей толще раннедьяковского слоя, который местами достигал мощности 1 м. Поскольку сооружение древнейшего вала происходило вскоре после начала отложения этого слоя, создание древнейших укреплений на Боршеве может быть датировано временем не позднее V в. до н. э. По-видимому, тогда же возникли и другие укрепленные поселения дьякова типа на берегах Москвы-реки — например, Круглица, Мамоново. Для более раннего периода характерно расположение городищ в отдалении от этой крупной водной магистрали, на ее притоках. Таковы городища Щербинское и Селецкое.

Первоначальный вал на Боршевском городище через довольно короткий промежуток времени был перекрыт второй насыпью, что увеличило его высоту до 2,5 м, а ширину основания — до 10 м. Вторая насыпь также состояла из материковой супеси и, видимо, соорудилась в два приема. Об этом свидетельствуют тонкая угольная прослойка в середине ее толщи, остатки горизонтальных бревен и ямка от вертикального столба. Вероятно, после того как эти сооружения погибли от пожара, вторая насыпь была

увеличена вторично. На ее гребне сохранились остатки сгоревших бревен и плах, как и на второй насыпи вала Дьякова городища, где они радиоуглеродным методом датированы 250 ± 50 г. до н. э.

По профилю квадратов 19 и 20 боршевского вала видно, что основание второй насыпи не выходит за пределы раннедьяковского слоя II-2. Таким образом, период между созданием первой и второй насыпей был, вероятно, небольшим. Между первой и второй насыпью вала на Дьяковом городище образовалась прослойка культурного слоя мощностью до 0,4 м. На Боршеве такой прослойки нет. Здесь первую и вторую насыпь разделяет только прослойка погребенной почвы, оконтуривающая первую насыпь вала. Очевидно, вторая насыпь вала Боршевы была сооружена раньше, чем на Дьяковом городище. Это позволяет говорить о том, что каждое из этих поселений представляло собой самостоятельный объект, а не являлось частью единой оборонительной системы.

Третья насыпь вала Боршевы, в отличие от первых двух, неоднородна. Она состояла из перемежающихся прослоек культурного слоя, материковой супеси, угля, золы, а на внешней стороне — из мощного слоя щепы, достигающего толщины 1 м. Щепа широко применялась здесь как материал для нивелировки площадки городища при его перепланировке. В этот период высота вала достигла 3,6 м. В профиле квадратов 19 и 20 четко просматривалась верхняя граница третьей насыпи в виде тонкой угольной прослойки. Ее стратиграфическое положение позволяет относить сооружение третьей насыпи, как и первых двух, ко времени отложения слоя II-2. В период отложения на площадке городища слоя II-1 вал оставался без изменений.

Третья насыпь вала Дьякова городища была перекрыта прослойкой из пепла с песком, которая и на площадке городища четко отделяла раннедьяковский слой от позднедьяковского. Радиоуглеродным методом третья насыпь вала этого памятника датирована временем не позднее III в. до н. э. Это соответствует и датировке третьей насыпи вала Боршевы. В отличие от Дьякова городища, на Боршеве не было столь выразительной верхней границы раннедьяковского слоя, однако она улавливалась по различной окраске нижнего раннедьяковского слоя (слой II) и слоя с находками позднедьяковского времени (слой I). Серый по цвету позднедьяковский слой явился составной частью четвертой насыпи вала.

Четвертая насыпь по цвету и структуре резко отличалась от насыпи вала раннедьяковского времени. Суглинок в ее основании чередовался с прослойками серого культурного слоя. Наиболее значительные прослойки суглинка отмечаются на внешней стороне вала, на внутренней — насыпь состояла в основном из серого культурного слоя мощностью до 0,8 м. Последнее обстоятельство указывает на сооружение четвертой насыпи вала в конце позднедьяковского периода, когда на площадке городища отложился довольно мощный культурный слой.

Таким образом, вал городища Боршева был сооружен в начале периода отложения раннедьяковского слоя, вероятно, в V в. до н. э. За сравнительно короткий промежуток времени его насыпь дважды увеличивалась. В конце раннедьяковского периода вал не перестраивался. Последняя насыпь вала — четвертая — относится уже к концу позднедьяковского периода, очевидно, к IV—V вв. н. э. Интервал между последней перестройкой вала в раннедьяковское время и его досыпкой в позднедьяковское составляет более 500 лет. Видимо, в жизни городища был перерыв.

Перерыв в функционировании поселения можно предполагать и на Дьяковом городище, где между раннедьяковским и позднедьяковским слоям обнаружена стерильная прослойка, не наблюдавшаяся на Боршеве. В раскопанной части Боршевского городища нет находок, которые можно было бы четко связать со временем «хиатуса», намечающегося по результатам изучения оборонительных сооружений. Косвенным указанием на возможность значительного перерыва во времени существования некоторых городищ дьякова типа, в частности Боршевы и Дьякова, служат стерильные прослойки, обнаруженные на городищах Смоленщины между

слоями V—III вв. до н. э. и первых веков нашей эры (например, Новые Батеки). Время перерыва в существовании некоторых москворецких и смоленских городищ дьякова типа совпадает, что позволяет предполагать единые причины создания оборонительных сооружений на городищах значительного региона, хотя незначительные перестройки укреплений могли носить узлокальный характер.

Исследование оборонительных валов Боршевы и Дьякова городища показывает, что подобная система оборонительных сооружений была характерна для москворецких городищ дьякова типа, основанных в V в. до н. э. На Боршевском городище в раннедьяковский и позднедьяковский периоды сохранялись один и тот же вид оборонительных сооружений и их планировка. Но в позднедьяковский период были известны и другие типы укреплений: система двойных и тройных валов и рвов, опоясывающих склоны городищ и их площадку, а в наиболее раннее время — кольцевые постройки по периметру поселений⁷.

В связи с изучением вала Боршевского городища следует коснуться вопроса о характере оборонительных сооружений раннедьяковского периода в целом. Строительство валов на Боршевском и Дьяковом городищах, как уже указывалось, относится к V в. до н. э. Городища, возникшие в более ранний период, как, например, Щербинское, первоначально не имели валов и укреплялись кольцевым тыном, который можно рассматривать как наиболее древнюю форму оборонительных сооружений на городищах дьякова типа. На Старшем Каширском городище, возникшем позднее Щербинского, вероятно, на рубеже VII—VI вв. до н. э., были открыты и кольцевой тын, и вал с тыном на гребне с напольной стороны⁸. Нельзя ли в этом усмотреть развитие системы оборонительных сооружений раннедьяковских городищ во времени от кольцевого тына к оборонительным валам с промежуточной формой в виде сочетания укреплений обоих типов, как, например, на Старшем Каширском городище. Указанные типы оборонительных сооружений, изученные на городищах, образующие определенную хронологическую последовательность, возможно, отражают три этапа в развитии этих поселений, выявленные на основании всего комплекса находок: керамического и фаунистического материала, предметов импорта и т. д.⁹

¹ Смирнов К. А. Дьяковская культура.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 7—17.

² Розенфельдт Р. Л. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища.— МИА, 1970, 156, с. 136—144.

³ Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура, с. 209—215.

⁴ Крис Х. И., Черная И. Л. Городища дьякова типа Боршевы и Селецкое.— КСИА, 1980, 162.

⁵ Магниторазведка проведена А. К. Станюковичем.

⁶ См. выше статью Н. А. Кренке.

⁷ Розенфельдт Р. Л. К вопросу об оборонительных сооружениях...

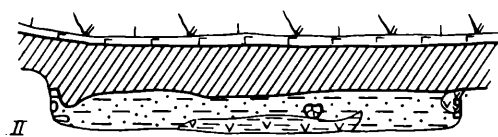
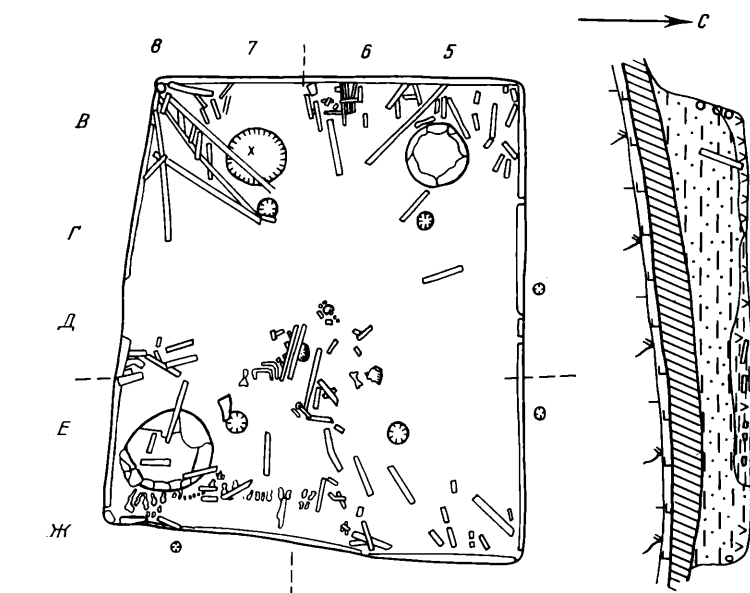
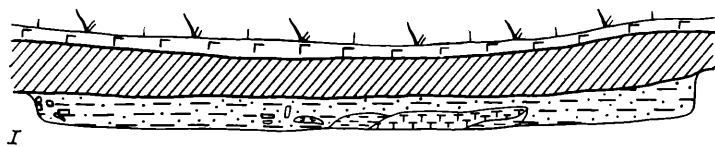
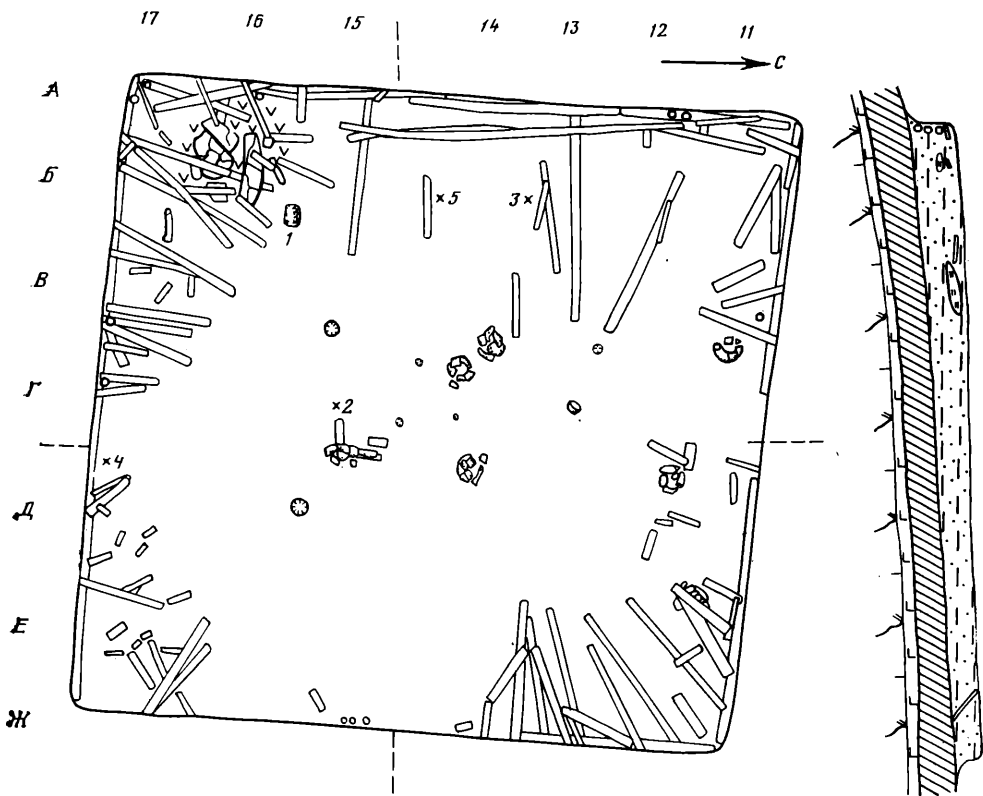
⁸ Городцов В. А. Старшее Каширское городище.— ИГАИМК, 1934, вып. 85, с. 6—8.

⁹ Крис Х. И., Черная И. Л., Данильченко В. П. О раннем периоде дьяковских городищ.— В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 130—136.

Ю. Е. ВОСТРЕЦОВ

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПАДЬ СЕМИПЯТНОВА III В ПРИМОРЬЕ

В 1982—1983 гг. отряд Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР проводил раскопки на поселении Падь Семипятнова III, в 8 км к западу от с. Новокачалинское, на окраине Восточно-Минусинского нагорья. Поселение находится на нижней части склона невысокого плоского холма в западной части пади. Здесь выявлены 53 чашевидные западины от по-

0 1 м

a

b

β

z

θ

e

ж

з

u

к

л

н

х

б

в

г

д

е

ж

з

и

к

л

м

н

о

п

р

строек диаметром 3—6 м. Основным на поселении является слой кроуновской культуры (первая половина I тысячелетия до н. э.). Обнаружено также несколько невыразительных фрагментов более поздней керамики.

На поселении исследованы четыре погибшие от пожара постройки, получившие номера западин, с которыми они были связаны.

Постройка 3 (рис. 1, I) расположена на юго-восточной окраине поселения. Остатки ее представлены прямоугольным котлованом размерами 6,8×6,2 м, углубленным в материк от 0,15 до 0,45—0,5 м (на склоне). Стенки котлована почти отвесны, ориентированы по сторонам света, вход не прослежен. В заполнении, главным образом у стен котлована, обнаружено много угля и остатков жердей толщиной 6—10 см. Часть жердей залегала наклонно по направлению от бортиков к центру котлована, перекрывая обнаруженные археологические объекты; другие стояли вертикально у бортиков и располагались несколькими горизонтальными рядами вплотную к ним. В некоторых случаях угли и остатки жердей лежали ниже археологических объектов, указывая на существование каких-то деревянных конструкций внутри постройки.

В центре котлована, в нижней части его заполнения и на полу, обнаружены почти круглые в плане скопление обломки красноватого цвета и пятно зеленовато-желтой глины мощностью 8—20 см.

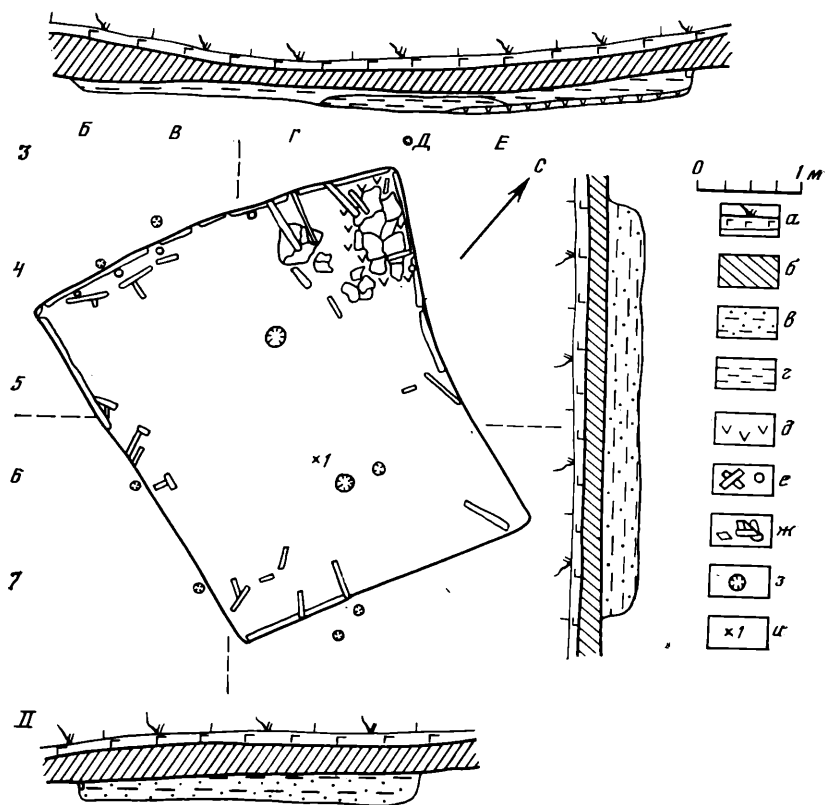
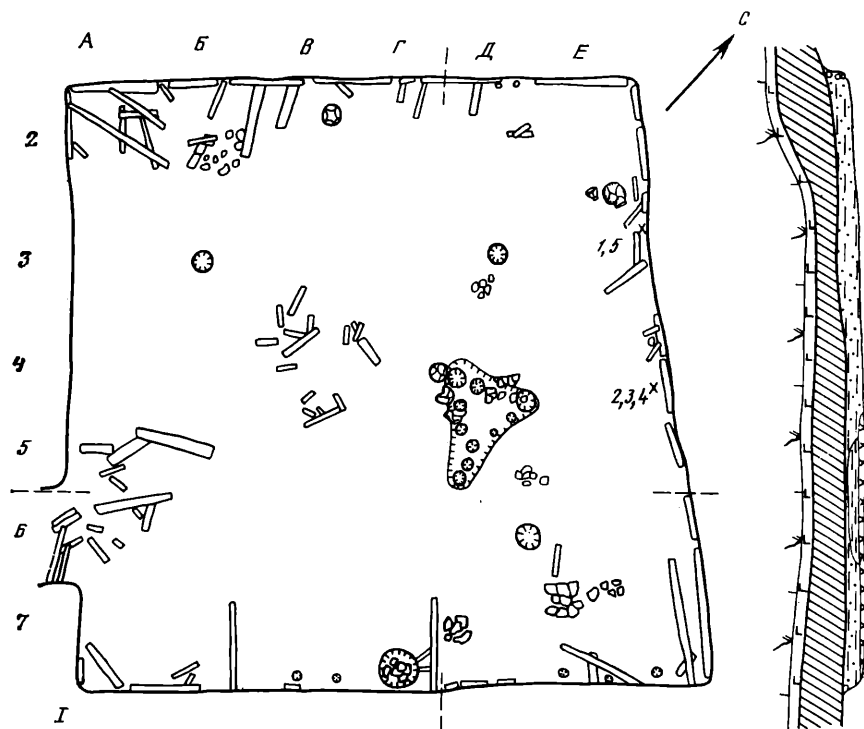
Пол постройки горизонтальный, хорошо выровненный. В центральной части пола (квадраты 15В, 12В, 15Д) зафиксированы три крупные ямы глубиной от 12 до 22 см, оставшиеся, видимо, от опорных столбов. Вдоль бортиков котлована отмечены 22 ямки глубиной 7—10 см. Некоторые из них можно соотнести с вертикально расположенными балками. Три небольшие ямы располагались в центре пола в квадрате 14Г и, возможно, имели отношение к очажным конструкциям. Остальные ямки были рассредоточены по полу бессистемно.

Большинство находок — керамика: разрозненные фрагменты в верхней части заполнения и развалы сосудов в нижней части заполнения и на полу. Все сосуды сформованы вручную, способом ленточно-кольцевого налепа, имеют крупно- и среднезернистую примесь песка в тесте, ангобированную и подлощенную поверхность, красноватый или коричневатожелтый цвет. Преобладают сосуды с округлым, суженным к плоскому дну туловом, плавно-выпуклыми плечиками, невысокой, довольно широкой горловиной, расширяющейся к венчику, слегка отогнутому наружу и по внешнему краю украшенному уплощенным налепным валиком. У нескольких сосудов на налепном валике или сразу под ним имеются маленькие рельефные шишечки, расположенные с интервалом 10—15 см. Это довольно крупные сосуды, высотой до 30—45 см. Обнаружены также небольшая усеченно-коническая мисочка высотой 8 см и слабопрофилированный сосудик в виде стакана высотой 9 см. Кроме того, найдены два керамических пряслица, прямоугольных в сечении, диаметром 5 см; галечная плита размерами 21×7×6 см, которая использовалась для заточки металлических изделий и как отбойник по металлу (определение Н. А. Коненко); курант из треугольной гальки; ложило из гальки овальной формы.

Постройка 4 (рис. 1, II) обнаружена в 2,5 м к северу от постройки 3, аналогична ей по устройству, площадь ее всего около 17 кв. м. Глубина котлована от 0,4—0,5 до 0,95 м. Пол в центральной части постройки был присыпан слоем серого глинистого песка. В центральной его части обнаружены четыре глубокие ямы, образующие в плане четырехугольник, стороны которого параллельны бортикам котлована. В большой сегментовидной в сечении яме, расположенной в квадрате 7В, была обнаружена небольшая галька пирамидальной формы, которая использовалась как ку-

Рис. 1. Планы и разрезы построек 3 (I) и 4 (II)

а — дерн; б — желтый суглинок; в — заполнение; г — глина; д — жженная земля; е — твердая обмазка; ж — индивидуальная находка; з — зубы и кости; и — жерди; к — яма; л — развал сосуда; м — угли; н — камень

рант. Вдоль бортиков котлована было зафиксировано 20 небольших ямок, таких же, как в постройке 3. Две небольшие ямы у северного бортика, в центральной его части, возможно, связаны с конструкциями, оформлявшими вход.

На полу постройки обнаружено несколько кусочков охры, а также 11 пар челюстей, десять из которых принадлежали домашним свиньям в возрасте от шести месяцев до года, одна — старому самцу. Определить, была ли эта особь домашней или дикой, не представляется возможным (определение Н. М. Ермоловой). В северо-западном и юго-восточном углах жилища обнаружены два слегка вкопанных в пол сосуда с туловом эллипсоидной формы, выгнутыми высокими плечиками, очень узким доннышком, слегка отогнутым наружу венчиком, широкой низкой горловиной. Высота их 45 см, диаметр тулова 60 см, диаметр дна 8 см. В квадрате Е6 обнаружен фрагмент небольшого слабопрофилированного сосуда с выступом-«пеньком» на стенке ниже устья.

Результаты фосфатного анализа показали присутствие фосфора по всей площади пола и некоторое его увеличение в квадратах 5, 7В, Д, что указывает на наиболее активное хозяйственное использование этой площади.

Постройка 31 (рис. 2, I) расположена на юго-западной окраине поселения. Остатки ее прослежены также в виде котлована четырехугольной формы со сторонами 5,7; 5,4; 5,7; 5,8 м. Углы ориентированы по сторонам света, площадь пола 32 кв. м. Вход коридорного типа шириной 1 м отмечен в юго-западном бортике котлована. Пол плохо выровнен, имеет легкий наклон от северо-западного к юго-восточному бортику, частично был засыпан серым глинистым песком. На полу лежал тонкий углистый слой. В центральной части пола обнаружены три глубокие ямы, видимо, от опорных столбов. Маленькие ямки (22) располагались вдоль бортика котлована. В квадратах 4, 5Д обнаружена яма треугольной в плане формы глубиной 12–15 см. По периметру ее плоского дна располагались 10 небольших ямок. До начала выборки ямы здесь фиксировались пятно прокаленной земли, оставшейся, возможно, от очага.

В скоплениях керамики, обнаруженных в нижней части заполнения, и на полу в северной части постройки представлены сосуды (девять), имеющие ту же форму, что и в постройке 3, но более крупные. Найдены также две маленькие усеченно-конические мисочки высотой 4 и 4,5 см, сосуд типа «светильника» с чашевидным резервуаром на сплошном цилиндрическом поддоне (высота 16 см, диаметр устья резервуара 15 см), фрагмент резервуара такого же сосуда. Обнаружены разрозненные фрагменты еще примерно пяти сосудов, форма которых не реконструируется. Кроме керамики, найдены три глиняных пряслица диаметром 5 см, прямоугольных в сечении, и одно — уплощенно-коническое диаметром 4,5 см, а также обломок шиферного жатвенного ножа с отверстием для крепления.

Постройка 35 (рис. 2, II) находилась в 3 м к северу от постройки 31. Котлован ее прямоугольный, углами ориентирован примерно по сторонам света, углублен в материк от 30 до 15 см. Пол горизонтальный, ровный, площадь его 12 кв. м. Вход в постройку не прослежен. По длинной оси постройки в квадратах 5Г и 6Д располагались две крупные ямы. Маленькие ямки (15) находились на полу вдоль бортиков котлована, семь аналогичных — на бортиках.

В нижней части заполнения в квадратах 3, 4Г, Д обнаружен развал крупного сосуда, имевшего ту же форму, что и основная масса изделий из построек 3 и 31. Скопление сверху и снизу было перекрыто обожженными древесными остатками. В квадрате 6Г был обнаружен керамический диск диаметром 3 см, изготовленный из стенки сосуда.

Рис. 2. Планы и разрезы построек 31 (I) и 35 (II)

а — дерн; б — желтый суглинок; в — заполнение; г — глина; д — угли; е — жерди; ж — развал сосудов; з — яма; и — индивидуальная находка

Кроме описанных построек, на поселении исследовано девять компактно расположенных ям, круглых в плане и трапециевидных в сечении, глубиной от 0,45 до 1,2 м. В яме 9 на глубине 1 м обнаружен железный бесчерешковый наконечник стрелы лавролистной формы. Рядом с ним — раздавленный сосуд, имевший ту же форму, что и основная масса изделий из построек. Сосуд и наконечник были перекрыты сверху наклонно лежащими остатками жердей, очевидно от каких-то перекрытий, сооруженных над ямой.

В процессе раскопок была проведена флотация культурного слоя из нижних частей заполнения построек, ям, а также заполнения сосудов. В постройке 3 обнаружены остатки щетинника, щипцы, горшков, мари, гвоздичных, горошка, винограда. Наиболее часто и в массе встречались только зерновки щетинника и семена крестоцветных (определение С. В. Макаровой). В постройке 31 обнаружены семена растения из семейства бобовых, а в заполнении сосуда из ямы 9 — семена горца и пшеницы (определение В. Д. Швыдковой).

Сохранившиеся детали позволяют предположить, что крыша жилищ 3, 4, 31 имела вид четырехугольной пирамиды, образованной наклонно стоящими жердями, опирающимися внизу на бортик котлована, а вверх — на четырехугольный венец, который связывал на определенной высоте вертикально стоящие в центре жилища столбы. Крыша постройки 35, судя по продольному расположению ям от столбов, была двускатной. Бортики котлованов всех жилищ укреплялись горизонтальными жердями и вертикальными столбиками.

По назначению постройки различны. Постройки 3 и 31 следует считать жилыми, рассчитанными, судя по площади и набору сосудов, на малую семью. В них можно выделить хозяйственные части. Постройки 4, 35 отличаются меньшими размерами, отсутствием четкой планировки, а также орудий труда, малым количеством сосудов, которые в основном предназначались для хранения запасов. Это позволяет считать их хозяйственными постройками, связанными с расположенными вблизи жилищами.

Единообразие материалов построек указывает, что они существовали одновременно. Парное расположение большинства западин на поселении позволяет считать такую планировку, при которой рядом с жилищем сооружалась хозяйственная постройка, типичной.

ХРОНИКА

А. И. ПУЗИКОВА

РАБОТА СКИФО-САРМАТСКОГО СЕКТОРА В 1983—1984 ГГ.

В 1983—1984 гг. сотрудниками сектора разрабатывались проблемы широкого хронологического диапазона — переходного времени от периода поздней бронзы к раннему железному веку (киммерийская и кобанская культуры) вплоть до первой половины I тысячелетия н. э. (черняховская культура, эпоха гуннского нашествия, расселение ранних славян).

Сотрудники сектора активно участвуют в подготовке многотомного издания «Археология СССР». Тома «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» (отв. редактор А. И. Мелюкова) и «Славяне и их соседи в первой половине I тысячелетия н. э.» (отв. редакторы И. П. Русанова, Э. А. Симонович) находятся на стадии редподготовки. Г. А. Брыкина является ответственным редактором тома «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья», а М. Г. Мошкова — тома «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время».

Исследовались проблемы раннего железного века предскифского периода в Евразии: вопросы взаимоотношений и взаимосвязи предскифских культур Сибири, Кавказа, степей Восточной Европы и Северного Причерноморья (А. И. Мелюкова, В. В. Дворниченко, В. Б. Ковалевская, Н. Л. Членова). Выявлением особенностей локальных групп кобанской культуры занималась В. И. Козенкова.

В области скифской археологии разрабатывались вопросы, связанные с локальными вариантами скифской культуры и культур скифского времени на периферии скифского мира (А. И. Мелюкова, О. Д. Дашевская, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, Т. М. Кузнецова). Была продолжена работа по систематизации погребального обряда скифских племен степного Крыма (В. С. Ольховский).

В области сарматской археологии разрабатывались проблемы происхождения, расселения, хронологии сарматов, их взаимоотношений и взаимодействия с окружающими культурами (М. Г. Мошкова), а также истории племен Центрального Предкавказья в сарматское время (М. П. Абрамова).

В области археологии железного века Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Средней Азии разрабатывались проблемы истории, хронологии, расселения местных племен и их взаимоотношений с окружающим миром (Г. А. Брыкина, Ю. А. Краснов, Х. И. Крис, В. Б. Ковалевская, В. А. Могильников, К. А. Смирнов). В. В. Кропоткин, Г. Ф. Никитина, Э. А. Симонович, О. А. Гей, М. Г. Гусаков занимались проблемами происхождения локальных вариантов, хронологии черняховской культуры, расселения черняховских племен, соотношения черняховских, скифских и раннеславянских памятников.

В. А. Башилов и В. И. Гуляев разрабатывали отдельные вопросы археологии Ближнего Востока и Мезоамерики.

За отчетный период сотрудники завершили плановые темы. В 1983 г. Ю. А. Краснов закончил работу «Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы». М. П. Абрамова, А. И. Мелюкова и В. Г. Петрен-

ко написали несколько разделов для «Археологии СССР», касающихся истории и археологии скифских племен Днестро-Прутского междуречья, Северного Кавказа, днепровской, донской и донецкой лесостепи. В 1984 г. М. П. Абрамовой, А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. А. Могильниковым, Н. Л. Членовой, К. А. Смирновым написано 12 разделов для различных томов «Археологии СССР». В. Б. Ковалевская сдала плановую работу «Археология Центрального Предкавказья IV—IX вв. до н. э.» В. И. Козенкова закончила монографию «Кобанская культура, западный вариант». В. С. Ольховский завершил работу «Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)». О. А. Гей подготовила к защите кандидатскую диссертацию «Черняховская культура и скифо-сарматский мир».

Сотрудники сектора написали большое количество статей, заметок, полевых отчетов, монографий. Было сдано в печать 129 работ, вышли из печати 103 работы. Подготовлено 15 полевых отчетов о работах экспедиций.

Из вышедших монографий следует назвать книги В. И. Гуляева «Древние мая: Загадки погибшей цивилизации» (М., 1983); В. Б. Ковалевской «Кавказ и аланы: Века и народы» (М., 1984); Н. Л. Членовой «Оленные камни как исторический источник» (Новосибирск, 1984). В сборнике «Древности Евразии в скифо-сарматское время» (М., 1984) многие статьи написаны сотрудниками сектора.

Сектор провел большую полевую работу, связанную, как правило, с выполнением плановых тем. Многие сотрудники принимали участие в работах новейших экспедиций (Г. А. Брыкина, О. А. Гей, В. В. Дворниченко, Т. В. Мирошина, В. А. Могильников, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова). В. В. Кропоткин (Западноволынская экспедиция) в 1983 г. продолжал раскопки черняховского могильника у с. Думанов Хмельницкой обл. В 1984 г. им начаты раскопки черняховского поселения у с. Ромош Львовской обл. М. П. Абрамова (Карачаево-Черкесский отряд) раскапывала поселения кобанской культуры и могильника первых веков нашей эры в районе Хумары. Г. А. Брыкина (Ляйлякская экспедиция) работала в Ташраватском орошаемом массиве и в долине р. Ходжа-Бақырган. Раскопкам подвергались несколько курганных могильников эпохи бронзы — первых веков нашей эры. Абинский отряд под руководством О. А. Гей раскопал два кургана с погребениями, датированными последними веками до нашей эры и сарматским временем. В. В. Дворниченко (Шоволжская экспедиция) в 1983 г. занимался в основном разведками в междуречье Волги и Дона. В 1983—1984 гг. проводились раскопки городища Селитренное в Харабалинском р-не Астраханской обл. В 1984 г. в бескурганном могильнике у с. Косика Енотаевского р-на Астраханской обл. было вскрыто два погребения сарматского времени, отличающихся богатством инвентаря. Т. В. Мирошина (Краснознаменская экспедиция) в 1983 г. раскапывала курганы (в основном эпохи бронзы) у с. Бешнагир Ставропольского края. В. А. Могильников (Алтайская экспедиция) работал в зоне Бурлинской оросительной системы. Раскапывались памятники конца I — начала II тысячелетия. В Горном Алтае исследовались курганы скифского и гуннского времени. Средне-Днестровская экспедиция под руководством Г. Ф. Никитиной исследовала черняховский могильник с труположениями у с. Горошевец Заставновского р-на Черновицкой обл. В. С. Ольховский (Степная Крымская экспедиция) раскапывал скифские курганы. А. И. Пузикова (Курская экспедиция) продолжала исследование открытых поселений и городищ раннего железного века в бассейне р. Тускарь на территории строящегося Курского водохранилища. В 1984 г. были обследованы памятники скифского времени в Воронежской и Белгородской областях.

В 1983—1984 гг. проведено 52 заседания сектора, на которых заслушано около 40 докладов сотрудников сектора, 11 сообщений сотрудников других секторов и учреждений. Обсуждались тома «Археологии СССР», а также отчеты о заграничных командировках и экспедициях (В. А. Башилов, В. И. Козенкова, К. А. Смирнов).

Сотрудники сектора выступали на теоретическом семинаре по теме «Классики марксизма-ленинизма о разложении первобытнообщинных отношений и сложении раннеклассового общества». Доклады по различным вопросам данной тематики сделали В. А. Башилов, М. Г. Гусаков, В. Б. Ковалевская, Ю. А. Краснов, М. Г. Мошкова, В. С. Ольховский, Г. Ф. Никитина, И. С. Каменецкий, Г. П. Романова, А. А. Бобринский.

Многие сотрудники сектора принимали активное участие в работе различных конгрессов, симпозиумов, научных конференций в СССР и за рубежом. Г. А. Брыкина на конференции по истории и культуре Киргизии сделала доклад на тему «Захоронение воинов в Фергане». В. Б. Ковалевская и М. Г. Мошкова участвовали в работе V Донской конференции в г. Ростов. Т. М. Кузнецова, В. С. Ольховский выступили с интересными докладами на Всесоюзной археологической конференции в Москве. В. А. Могильников сделал доклады на Уральском совещании в Свердловске и чтениях памяти А. П. Окладникова в Новосибирске. М. Г. Гусаков читал доклад на конференции Московского общества испытателей природы и подготовил тезисы для конференции по славяно-готской археологии в Севастополе. Он занимался подготовкой двух конференций в Ленинграде (ноябрь 1983 г.) и Москве (январь 1984 г.). Темы конференций — «Становление человека и общества» и «Причины и формы перехода от доклассовых обществ к раннеклассовым». А. И. Пузикова приняла участие в юбилейной сессии Курского областного краеведческого музея, где выступила с докладом об истории археологических исследований на территории Курского края.

Некоторые сотрудники сектора приняли участие в международных конференциях и симпозиумах. В. И. Гуляев в сентябре 1983 г. на II советско-американском симпозиуме по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии в Самарканде сделал доклад «Типология древнейших государств: Месопотамия и Мезоамерика». В. И. Козенкова выступила в Институте археологии Венгерской Академии наук с докладом «Об археологии Северного Кавказа в эпоху раннего железа». К. А. Смирнов прочитал доклад «Связи населения Волго-Окского междуречья с обитателями степей» в г. Хельсинки на советско-финском симпозиуме. В 1984 г. В. В. Кропоткин на нумизматическом симпозиуме в Венгрии «Начало венгерской монетной чеканки в X в.» сделал доклад «Топография монет Волжской Болгарии в Европе».

М. П. Абрамова, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова выступали на XIII Крупновских чтениях в Майкопе и на конференции «Горы и степи» в г. Душети (Грузия). В. И. Козенкова на конференции, посвященной памяти А. А. Иессена, в Ленинграде прочитала доклад на тему «Датировка кобанской культуры в трудах А. А. Иессена». На Всесоюзной научной конференции «Причины и формы перехода от доклассовых к раннеклассовым обществам» с докладами и в прениях выступили В. И. Гуляев и М. Г. Мошкова.

Ю. А. Краснов на международной конференции в Дрездене, посвященной 100-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», прочитал доклад «Экономические и социальные предпосылки становления крестьянства в свете теоретического наследия Ф. Энгельса». А. И. Мелюкова и В. Г. Петренко участвовали в юбилейной сессии Института археологии АН УССР в Киеве.

Т. В. Мирошина и В. С. Ольховский участвовали в работе I конференции молодых ученых Института археологии АН СССР и конференции, посвященной Вестнику древней истории (ВДИ).

В. А. Могильников выступал с докладами на совещаниях по археологии Западной Сибири в Томске и Омске.

М. Г. Мошкова на Рыковских чтениях в Саратове прочитала доклад «Вклад П. С. Рыкова в изучение сарматов».

К. А. Смирнов для Конгресса финно-угров в Хельсинки подготовил доклад «Финны в Восточной Европе в I тысячелетии до н. э.», а на конференции в г. Турку (Финляндия) в сентябре 1984 г. прочитал доклад

на тему «Этнические процессы в Волго-Окском междуречье в I тысячелетии до н. э.»

Таким образом, сектор в 1984 г. принял участие в работе более 20 конференций, симпозиумов, совещаний, в том числе международных.

Сотрудники сектора проводят постоянную работу в области популяризации археологических знаний: печатают статьи в местных областных и районных газетах об археологических памятниках, их значении и необходимости охраны; выступают по телевидению и радио (Х. И. Крис, А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко). Все работавшие в экспедициях проводят лекции и беседы с местными жителями, студентами, школьниками. Постоянную консультативную работу с местными музеями ведут Х. И. Крис, А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко, В. С. Ольховский, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, Г. А. Брыкина. Особенно необходимо отметить работу Х. И. Крис по созданию музея древних ремесел в г. Бронницы и музея под открытым небом на Боршевском городище. В. В. Дворниченко, В. И. Гуляев и В. Б. Ковалевская опубликовали несколько статей в научно-популярных изданиях: «Атеистические чтения»; «Наука и религия»; «Коневодство и конный спорт»; в альманахе «На суше и на море», в журнале «Наука и жизнь», в газетах «Известия», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Неделя».

Статьи В. А. Башилова, В. И. Гуляева, К. А. Смирнова, В. И. Козенковой, Ю. А. Краснова, В. В. Кропоткина и А. И. Мелюковой были напечатаны в зарубежных изданиях.

В. А. Башилов и В. И. Гуляев в 1984 г. находились в научной командировке на Кубе.

В 1983—1984 гг. сектор скифо-сарматской археологии готовил молодые кадры для Института археологии и других научных учреждений. При секторе проходят аспирантуру Т. Н. Булыгина (руководитель Г. А. Брыкина), В. Н. Игнатов (руководитель В. П. Шилов), И. Н. Храпунов (руководитель Д. Б. Шелов); М. Сагитова (руководитель В. И. Марковин). В. В. Кропоткин осуществлял научное руководство заочными аспирантами, а М. Г. Мошкова — двумя соискателями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 БСЭ — Большая Советская энциклопедия. М.
 ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
 ВДИ — Вестник древней истории. М.
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ИА — Институт археологии Академии наук СССР
 ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР
 ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
 ИНВИК — Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов
 ИЭ — Институт этнографии Академии наук СССР
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
 МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
 МАР — Материалы по археологии России. СПб.
 МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МЭ — Материалы по этнографии. Л.
 ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
 РГО — Русское географическое общество
 СА — Советская археология. М.
 САИ — Свод археологических источников СССР. М.; Л.
 Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СЭ — Советская этнография. М.
 ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
 ТГУ — Томский государственный университет
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
 ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
 ААН — Acta Archaeologica Hungarica. Budapest
 BASOR — Bulletin of the American School of Oriental Research. New Haven
 IOSPE — *Latyšev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1885—1926*
 MS — *Materiały Starożytno. Warszawa*
 SPA — *A Survey of Persian Art. N. Y.*
 WA — *Wiadomości archeologiczne. Warszawa*
 WZ — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Lüter Universität. Halle—Wittenberg*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Т. М. Кузнецова.</i> О сюжете изображения на перстне царя Скила	3
<i>Е. В. Переводчикова.</i> Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле	8
<i>С. А. Яценко.</i> Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху	14
<i>Н. Н. Терехова.</i> Технология изготовления железных изделий из могильника Султан-Гора III	21
<i>В. А. Могильников.</i> Взаимоотношение кулайской и саргатской культур	25
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Культурная принадлежность гороховской группы памятников	29
<i>Э. Б. Вадецкая.</i> Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников	33
<i>Ю. А. Краснов.</i> Пахотные орудия хунну	41
<i>А. М. Обломский.</i> Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинецких)	50
<i>Ю. А. Лихтер.</i> К методике исследования стеклянных изделий черняховской культуры	56

Полевые исследования

<i>В. И. Мамонтов.</i> Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника	61
<i>Б. А. Раев.</i> Погребение прохоровской культуры у Новочеркасска	63
<i>В. Н. Игнатов.</i> Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская	65
<i>Т. В. Мирошина.</i> Новые сарматские погребения в Ставропольском крае	69
<i>О. А. Гей.</i> Погребение сарматского времени у хут. Малаи	73
<i>М. А. Романовская.</i> Аланское погребение из Ставрополя	77
<i>А. В. Дмитриев, А. А. Масленников, Н. А. Онайко.</i> Раскопки могильника в урочище Широкая Балка	80
<i>В. Б. Виноградов.</i> Клад Второго Бельгинского могильника	84
<i>К. А. Смирнов.</i> Раскопки городища у д. Савики	88
<i>Н. А. Кренке.</i> Вал Дьякова городища	90
<i>Х. И. Крис.</i> Вал Боршевского городища	95
<i>Ю. Е. Вострецов.</i> Раскопки поселения Падь Семипятнова III в Приморье	99

Хроника

<i>А. И. Пузикова.</i> Работа скифо-сарматского сектора в 1983—1984 гг.	105
«Список сокращений»	109

Ранний железный век

КСИА, вып. 186

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Н. Н. Плохова, Т. С. Жаринова
Корректоры Г. Н. Джиоева, Т. С. Козлова

ИБ № 32115

Сдано в набор 24.04.86
Подписано к печати 9.06.86
Т-01569. Формат 70×108^{1/16}
Бумага кн.-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр. отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 2523
Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.